
**ТУРКЕСТАН
В ИМПЕРСКОЙ
ПОЛИТИКЕ РОССИИ**

Монография в документах

С. Н. Абашин

**Туркестан в имперской политике
России: Монография в документах**

Издательство «Кучково поле»

2016

УДК 94(47)
ББК 63.3 (0)

Абашин С. Н.

Туркестан в имперской политике России: Монография в документах / С. Н. Абашин — Издательство «Кучково поле», 2016

ISBN 978-5-9950-0695-4

В сборнике представлены архивные документы, посвященные истории Туркестанского края в составе Российской империи, помогающие лучше понять и проанализировать особенности имперской политики России в этом регионе, оценить ее причины и последствия. Основу сборника составляют документы Центрального государственного архива Республики Узбекистан (ЦГА РУз). Их дополняют документальные материалы Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА), Отдела письменных источников Государственного исторического музея (ОПИ ГИМ), Архива Дома Плеханова Российской национальной библиотеки (РНБ АДП), Российского государственного исторического архива (РГИА) и Центрального государственного архива Республики Казахстан (ЦГА РК). Сборник рассчитан как на специалистов-историков, преподавателей вузов, студентов и аспирантов, так и на широкий круг читателей, интересующихся проблемами истории России и государств Центральной Азии – Узбекистана, Таджикистана, Казахстана, Кыргызстана и Туркменистана во второй половине XIX – начале XX в.

УДК 94(47)
ББК 63.3 (0)

ISBN 978-5-9950-0695-4

© Абашин С. Н., 2016

© Издательство «Кучково поле», 2016

Содержание

Введение	7
I. Движение Российской империи в Среднюю Азию	10
1.1. Начало экспансии. Переписка, мнения, инструкции	11
1.2. Договора с городами и ханствами[37]	33
1.3. «Сопредельные ханства» под российским протекторатом	41
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Туркестан в имперской политике России: Монография в документах

Институт всеобщей истории РАН

Сектор истории Центральной Азии XIX-XX вв.

Работа выполнена при финансовой поддержке Фонда поддержки и развития научных и культурных программ имени Ш. Марджани

Фонд Марджани

Авторский и редакционный коллектив

Б. М. Бабаджанов, доктор ист. наук

Т. В. Котюкова (отв. ред.), кандидат ист. наук

О. А. Махмудов, кандидат ист. наук

С. Н. Абашин, доктор ист. наук

Рецензенты

к.и.н. В. О. Бобровников (Институт востоковедения Российской академии наук) к.и.н.

Д. Ж. Ураков (Национальный университет Узбекистана имени Мирзо Улугбека)

Введение

С 1990-х гг. прошлого века мы наблюдаем своеобразный «бум» в области публикации архивных документов. Это явление получило название «архивная революция». Правда, основной интерес научного сообщества, по понятным причинам, в первую очередь был направлен на изучение источников по социально-политической истории советской эпохи. Тем не менее за два последних десятилетия вышли в свет как сборники документов, так и отдельные документальные публикации, посвященные истории Туркестана в составе Российской империи¹. И исследовательский интерес российских, узбекских и зарубежных ученых к «архивным кладовым» продолжает оставаться стабильным².

При этом как российские ученые, так и коллеги в Узбекистане все активнее развивают направление коллективных работ. Вопреки политической конъюнктуре, меняющейся чаще, чем появляются идеи новых исторических дискурсов, стремление к интеграции ученых постсоветского пространства проявляется все сильнее. Они предпринимают попытки совместных научных исследований, стараясь выйти за рамки стандартных формул «центр – периферия», «колонизаторы – колонизируемые», «свои – чужие» и т.д. Результатом такой деятельности становятся сборники научных статей и коллективные монографии, предлагающие варианты иного прочтения, казалось бы, давно известных фактов истории или научную дискуссию, вокруг неоднозначных вопросов совместной истории³. В качестве своеобразных научных площадок используются специализированные периодические издания «Ab Imperio», «Pax Islamica», «Восток свыше» и др.⁴

Надеемся, что настоящий труд российских и узбекских историков, созданный в жанре, сочетающем публикацию документов с монографическим исследованием, внесет свою скромную лепту и продолжит традицию совместного изучения общего прошлого в рамках Российской империи и Советского государства. Авторы постарались дать оценку имперской поли-

---

¹ Императорская Россия и мусульманский мир (конец XVIII – начало XX в.): Сборник материалов / Сост. и авт. вступ. ст., предисл. и коммент. Д. Ю. Арапова. М., 2006; Среднеазиатские мусульмане в 1914 г. (по материалам Туркестанского районного охранного отделения) [публикация Д. Арапова, Е. Лариной] // Расы и народы: современные этнические и расовые проблемы. Вып. 32. М., 2006. С. 278-304; Присоединение Казахстана и Средней Азии к России (XVIII— XIX века): Документы / Авт.-сост. Н. Е. Бекмаханова. М., 2008; Восстание 1916 г. в Туркестане: документальные свидетельства общей трагедии (документы и материалы). Сост., авт. предисл., вступ. ст. и коммент. Т. В. Котюковой. М., 2016; и др.

² Гентике В. Л., Дорошенко Т. И. О личных фондах Центрального государственного архива Республики Узбекистан // Вестник архивиста. 2005. № 5-6. С. 82-96; Исакова М. С., Котюкова Т. В. Центральный государственный архив кинофотофонодокументов Республики Узбекистан в современных условиях // Вестник архивиста. 2006. № 2-3. С. 213-221; Горюшенина С. Крупнейшие проекты колониальных архивов России: утопичность тотальной Туркестаники генерал-губернатора Константина Петровича фон Кауфмана // Ab Imperio. 2007. № 3. С. 291-354; Шадманова С. Б. Архивные документы – важный источник изучения истории периодической печати Туркестана. По материалам Центрального государственного архива Республики Узбекистан // Вестник архивиста. 2009. № 3. С. 23-37; Иофе В. Г. Архивы в Туркестанском крае (вторая половина XIX – начало XX в.) // Отечественные архивы. 2009. № 6. С. 3-8; и др.

³ Подвижники ислама: Культ святых и суфизм в Средней Азии и на Кавказе / Сост. С. Н. Абашин, В. О. Бобровников. М., 2003; Ферганская долина: этничность, этнические процессы, этнические конфликты / Отв. ред. С. Н. Абашин, В. И. Бушков. М., 2004.; Азиатская Россия: люди и структуры империи: сборник научных статей. К 50-летию со дня рождения профессора А. В. Ремнёва / Под ред. Н. Г. Суворовой. Омск, 2005; Памирская экспедиция (статьи и материалы полевых исследований). М., 2006; Востокведческие чтения памяти Н. П. Остроумова / Сб. мат. Ташкент, 2008; Россия – Средняя Азия. Т. 1. Политика и ислам в конце XVIII – начале XX в. Т. 2. Политика и ислам в XX – начале XXI в. М., 2011; и др.

⁴ Абашин С. Н. Размышления о «Центральной Азии в составе Российской империи» // Ab Imperio. 2008. № 4. С. 456-471; Бабаджанов Б. Андижанское восстание 1898 года и «мусульманский вопрос» в Туркестане (взгляды «колонизаторов» и «колонируемых») // Ab Imperio. 2009. № 2. С. 155-200; Бабаджанов Б. М. «Новшество (бид'а) – худшее из заблуждений»? Фетишизация ритуальной практики глазами кокандских авторов XIX в. // Pax Islamica. 2010. № 1 (4). С. 51-66; «Трепещем при мысли остаться в положении пасынков...»: Прошения поволжских татар Туркестанского края [публикация Т. В. Котюковой] // Восток свыше. 2015. Вып. 38. № 3. С. 57-69; Спасая честь мундира: дело Миркамира Мумынбаева [публикация Т. В. Котюковой] // Восток свыше. 2015. Вып. 39. № 4. С. 29-48; и др.

тике России в Туркестане, не впадая в политические крайности, а используя для описания всю палитру имеющихся красок, включая оттенки и полутона.

Публикуемые ниже документы – это лишь верхушка айсберга, вернее незначительная часть, гигантского массива архивных источников, связанных с историей Туркестанского генерал-губернаторства, а значит, с событиями не только и узбекской, но и российской, таджикской, туркменской, киргизской и казахской истории.

В подавляющем большинстве это делопроизводственные документы, т.е. результат постоянной переписки между местной и центральной властью. Она прекрасно сохранилась в фондах российских архивов. Однако наш интерес привлекли фонды Центрального государственного архива Республики Узбекистан (ЦГА РУз), документы которого преимущественно и легли в основу сборника. После распада СССР архивы бывших союзных республик – ныне независимых государств – стали менее доступны российским исследователям. Безусловно, некоторая часть документов ЦГА РУз представляет собой копии, или даже копии с копий, особенно это касается писем и циркуляров Военного министерства, МИД, МВД, Департамента полиции и Департамента духовных дел и иностранных исповеданий, хранящихся в Российском государственном историческом архиве (РГИА), Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА), Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ) и Архиве внешней политики Российской империи (АВПРИ). Тем не менее в фондах ЦГА РУз отложилась во многом, без преувеличения, уникальная первичная документация, которая, на наш взгляд, еще не в полной мере введена в научный оборот как узбекскими, так и российскими историками.

Наиболее представленными в сборнике являются следующие фонды ЦГА РУз: И-1 «Канцелярия Туркестанского генерал-губернатора», И-2 «Дипломатический чиновник при Туркестанском генерал-губернаторе», И-3 «Российское Императорское политическое агентство в Бухаре», И-17 «Сыр-Дарвинское областное правление», И-18 «Самаркандское областное правление», И-19 «Ферганское областное правление», И-36 «Управление начальника города Ташкента», И-274 «Сыр-Дарьинская областная по делам о выборах в Государственную думу комиссия», И-461 «Туркестанское районное охранное отделение», И-462 «Полицейское управление русской части города Ташкента», И-463 «Полицейское управление старого города Ташкента», И-715 «Подготовительные материалы к составленной полковником Серебрянниковым публикации документов «Туркестанский край: Сборник материалов для истории его завоевания», И-717 «Совет Туркестанского генерал-губернатора».

Сборник включает в себя также документы: Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА), Российского государственного исторического архива (РГИА), Отдела письменных источников Государственного исторического музея (ОПИ ГИМ), Архив Дома Плеханова Российской национальной библиотеки (РНБ АДП) и Центрального государственного архива Республики Казахстан (ЦГА РК).

При публикации составители сохранили стиль и орфографию документов, за исключением случаев, когда это резко противоречит нормам современного русского языка. Имена собственные восточного происхождения воспроизведены в оригинальной версии. Даты в документах приводятся по юлианскому календарю. Примечания, имеющиеся в самих документах, отмечались пометкой «Примеч. док.». Остальные примечания принадлежат составителям сборника. Документы скомпонованы в разделы. Они сопровождаются авторскими введениями исследовательского характера с необходимыми пояснениями исторического контекста.

Авторы-составители выражают искреннюю признательность сотрудникам архивов, оказавшим неоценимую помощь по поиску и выявлению документов. Особую благодарность за помощь, значение которой сложно переоценить, мы адресуем сотрудникам Центрального государственного архива Республики Узбекистан М. Эрматовой и Н. Юсуповой.

Благодарим за высказанные в ходе подготовки и рецензирования сборника конструктивные замечания и предложения В. О. Бобровникова (Российская Федерация) и Д. Ж. Уракова (Республика Узбекистан).

Коллектив авторов-составителей

I. Движение Российской империи в Среднюю Азию

Тема присоединения Средней Азии к Российской империи является одной из наиболее изученных⁵. В этой связи перед редакторами и авторами сборника не стояла задача найти и опубликовать как можно больше документов, касающихся всех этапов вхождения региона в орбиту российского влияния. Скорее, замысел раздела состоит в том, чтобы представить более подробно некоторые эпизоды и некоторые документы, которые уточняют наши представления по этому вопросу и заставляют по-новому взглянуть на уже известные факты. Представленные документы, в частности, рассказывают подробнее о самом первом этапе этого процесса – завоевании кокандской крепости Ак-Мечеть (будущий Перовск, Кзыл-Орда) в 1853 г. и начале второго этапа – дискуссии о необходимости продвижения к Ташенту в 1861 г. Небольшая группа публикуемых документов включает в себя обращения российских военачальников М. Черняева и К. Кауфмана к населению присоединенных городов и земель. Третья группа документов даёт представление о том, каким образом российские чиновники следили за ситуацией в соседних с Туркестаном регионах – в Бухаре, Хиве и государстве Якуб-бека в нынешнем китайском Синьцзяне. И, наконец, четвёртая группа документов посвящена Кульджинскому вопросу.

С. Н. Абашин

---

⁵ Подробное изложение и анализ этой истории: *Терентьев М. А.* История завоевания Средней Азии. СПб., 1906. Т. 3.

1.1. Начало экспансии. Переписка, мнения, инструкции

Вопрос о том, почему Российская империя решила продвигаться в Среднюю Азию, вот уже на протяжении многих лет является предметом дискуссий среди исследователей. Точнее говоря, этот вопрос делится на целый ряд отдельных вопросов. Первый можно сформулировать так: какие мотивы и планы были главными при принятии решений о военном вторжении, кто и как принимал эти решения, под давлением каких аргументов и обстоятельств? Второй вопрос звучит так: как следует называть историю этого продвижения – присоединением, завоеванием, вхождением, добровольным вхождением, какие средства, военные или дипломатические, были главными и как местные жители, разные его группы, воспринимали и реагировали на появление России в регионе? Третий вопрос, вокруг которого разворачиваются споры, обобщает тему таким образом: как в целом следует оценивать процесс присоединения – завоевания – вхождения Средней Азии в сферу российского доминирования, нужно ли характеризовать его как колониальное подчинение с целью эксплуатации местных ресурсов либо как включение отсталых периферий в неизбежный ход модернизации?

Представленные вопросы не имеют однозначных ответов. Обращение к документам говорит о том, что вписать всю историю взаимоотношений между Российской империей и среднеазиатскими политиями в один-единственный объясняющий нарратив не получается. Различные исторические эпизоды, начиная с политики XVIII в. в отношении различных групп казахских кочевников, походов против Хивы, длительной войны с Кокандским ханством, а потом с Бухарой и Хивой, с туркменскими племенами, с афганцами на Памире и т. д., необходимо рассматривать в конкретном историческом контексте, где действуют свои специфические факторы, мотивации и интересы, которые к тому же никогда не бывают однозначными и детерминированными, а обсуждаются всеми участниками процесса и облекаются в форму субъективных мнений.

В первой части раздела репрезентирована небольшая группа документов 1853 и 1861 гг., они представляют собой переписку командиров Оренбургского и Сибирского корпусов, а также письма и послания оренбургских генерал-губернаторов Перовского и Безака военному министру и министру иностранных дел.

В переписке июня-августа 1853 г., которая сопровождала захват российскими войсками кокандской крепости Ак-мечеть на р. Сырдарья, и февраля-марта 1861 г. – взятие крепости Пишпек в Семиречье, обращает на себя внимание, как российские военные использовали внутренние конфликты в регионе для продвижения своих интересов. Бухара, Хива и Коканд, три независимых государства со своими правящими династиями, а также многочисленные полуавтономные группы и территории находились в постоянной конкуренции друг с другом за спорные земли и за первенство. Особенно внимательно российские военные следили за конфликтом между кокандцами и казахами, который давал им возможность получить поддержку последних в продвижении вглубь кокандской территории. Внутри каждой из этих политий шла постоянная ожесточённая борьба за власть между различными группировками: в 1853 г. – между Худояр-ханом и влиятельным чиновником Мусульманкулом, позже – между Худояр-ханом и Малла-беком, в 1861 г. – между Малла-ханом и Канаатом-кушбеги и потом Алимбеком-датха. Эти внутренние конфликты ослабляли сопротивление внешнему противнику, не позволяли консолидировать силы. Более того, в противостоянии друг другу те или иные силы охотно обращались к Российской империи, надеясь получить от неё поддержку своим интересам и склонить чашу весов в свою пользу. Российские военные и администраторы, как показывают публикуемые документы, внимательно следили за такого рода борьбой и старались её использовать для подчинения региона.

Два ноябрьских документа 1861 г. рассказывают о видении российской политики в Средней Азии, которое предложил оренбургский генерал-губернатор Безак. Эти документы возвращают к спору о том, какие мотивы и планы были главными во время продвижения Российской империи в регион. Обычно выделяются три группы таких мотивов: российские экономические интересы, в том числе защита торговых путей, соперничество с Британской империей, а также самостоятельная активность русских офицеров и генералов, которые делали в Средней Азии быструю военную карьеру. Записки Безака если и не ставят точку в этой дискуссии, то дают повод размышлять о каждой из этих причин.

В обеих записках Безака, в частности, недвусмысленно сформулирован экономический интерес движения России в Среднюю Азию. Они говорят о том, что правящие и коммерческие круги в середине XIX в. серьезно рассматривали регион как перспективный с точки зрения торгово-экономических интересов. Развитие капитализма и рост промышленности требовали расширения внешней торговли, поиска новых рынков сбыта промышленных товаров и источников сырья. Несмотря на то, что к середине XIX столетия торговля со среднеазиатскими ханствами составляла всего лишь 5-7% общего внешнеторгового оборота России, предприниматели, вдохновляемые успехами англичан в Индии, ждали от правительства активного расширения торгово-экономических связей в восточном и южном направлениях. Средняя Азия рассматривалась в России не только как сфера непосредственного приложения российского капитала, но и как важная транзитная территория для расширения торговли с Китаем, Индией и Персией. Обеспечение безопасности коммерческого транзита через территорию, в частности, Кокандского ханства считалось одной из важных задач военных действий.

Именно с точки зрения этой экономической аргументации Безак в своём письме на имя военного министра уже в 1861 г. сформулировал цель захвата и удержания Ташкента как ключевого для региона транзитного и, следовательно, стратегического центра. Причём он предложил начать активные военные действия в этом направлении с 1863 г., что фактически и стало осуществляться на практике и закончилось подчинением в 1865 г. Ташкента и образованием Туркестанской области в составе Оренбургского генерал-губернаторства.

При рассмотрении среднеазиатского вектора российской имперской политики теоретически важным представляется вопрос о наличии или отсутствии единой правительственной концепции внешней политики в рассматриваемом регионе. Необходимо подчеркнуть, что в правительственных кругах главными оппонентами в этих спорах выступали Военное министерство, с одной стороны, и Министерство иностранных дел с Министерством финансов – с другой. Нельзя сказать, что российская дипломатия, в частности канцлер Горчаков, были противниками активной колониальной политики. Скорее, российские дипломаты просто опасались негативной реакции все той же Британии на начало широкомасштабных военных действий в регионе. У министра же финансов М. Х. Рейтерна были свои аргументы. По его мнению, завоевание Средней Азии должно было повлечь за собой серьезные финансовые издержки и не могло принести доходов казне в будущем. В 1862 г. он, в частности, писал генерал-губернатору Западной Сибири А. О. Дюгамелю, что «...стремиться к дальнейшим завоеваниям вместо того, чтобы развивать уже имеющиеся средства, то же, что отказываться от существенного и гоняться за призраками...»⁶.

Между тем Военное министерство, российский генералитет и местные сибирские и оренбургские власти имели свой взгляд на политику России в регионе. После того, как генерал-губернатор Восточной Сибири Н. Н. Муравьев в 1858 г. присоединил к России Приамурье, его западносибирскими и оренбургскими коллегами овладела жажда завоеваний и славы. Нередко это называют самодеятельностью генералов, которые будто бы перестали реагировать на распоряжения центральных властей, пускаясь в военные авантюры на свой страх и риск,

---

⁶ Автобиография А. О. Дюгамеля // Русский архив. 1885. № 7. С. 415.

рассчитывая на то, что победителей не судят. Однако письмо Безака говорит скорее о том, что это была контролируемая самодеятельность, которая имела свой разработанный план и которую многие министры и влиятельные политики в Санкт-Петербурге поддерживали.

Разумеется, военная экспансия имела свою собственную логику, несводимую к экономическим и политическим интересам. Само продвижение российских войск требовало принятия действенных мер по обороне присоединённых территорий и закреплению в российском подданстве местного населения, что, в свою очередь, вновь и вновь заставляло чиновников ставить вопрос о захвате всё новых и новых земель. Нападение считалось лучшим средством защиты, что само по себе, без всяких экономических и политических аргументов и целей, воспроизводило логику расширения российского влияния исключительно из соображений военной целесообразности.

С. Н. Абашин

Документы

Командир Сибирского корпуса командиру Оренбургского корпуса. 30 июня 1853 г. № 6. Город-укрепление Аягузское в Киргизской степи⁷

Секретно

Василий Алексеевич.

Из отношения моего от 25-го прошлого Мая Ваше Высокопревосходительство изволите быть извещены о следовавшем сюда из Кокана посланце.

Посланец этот Юлдаш-бай Мирзаджанов прибыл в Омск 17-го числа сего месяца и объяснил, что он отправлен Ханом своим с грамотою и подарками к Его Императорскому Величеству и с словесным поручением выразить лично Государю Императору искреннейшее желание Хана сохранить дружественные отношения с Россией, а также возвестить, что кипчаки, порабовавшие Кокан, ныне истреблены, чем восстановлено внутреннее спокойствие и прежнее управление, постоянно искавшее упрочение дружбы с Россией.

На конфиденциальных же совещаниях Мирзаджанов, вызванный на откровенность, объяснил, что сущность его поручения заключается в принесении жалобы Его Императорскому Величеству на действия Оренбургского начальства, если таковые действия предприняты без Высочайшего ведома; в противном же случае Коканское правительство прибегает к великодушью Его Величества и поручило ему просить снисхождения к проступку, возбудившему неприязненность, доложенному Его Величеству, быть может, в превратном виде.

Посланец Мирзаджанов был прежде караван-башем, посещал по торговым делам Россию и на сем основании, как бывалый в оной, облечен в настоящем случае полномочием Коканского правительства. Он привел с собою 5 аргамаков и имеет для представления ко Двору кашемировые шали и другие ткани.

Получив таковые сведения, по случаю выезда моего из Омска, от начальника Штаба вверенного мне корпуса, я спешу иметь честь уведомить об оных Ваше Высокопревосходительство и вместе с тем препроводить копию с письма старшего Султана Акмолинского Округа о мерах, принятых Ташкентцами к укреплению Ак-Мечети. За положительность заключающихся в этом письме сведений хотя нельзя ручаться совершенно но, судя по лицу мне известному, которым сообщены они, сведения эти более, или менее заслуживают вероятия.

Не излишним также нахожу сообщить Вашему Высокопревосходительству, что, хотя Коканцы и стараются уверить нас в дружеских своих отношениях и приязни, но, судя потому,

---

⁷ Пометка на документе: .Получено 2 Августа..

что они не только не останавливают подведомственных им каратавских киргизов⁸ в нападении на сопредельные к ним наши киргизские волости и в угоне скота, каковое нападение было и на сих днях под предводительством сына Кенисары Омара и родственника его Сар-джана⁹, но еще явно подсылали к нашим своим агентам и склоняли их к преданности и платежу закята¹⁰ своему Хану; на лживые их уверения полагаться нельзя, если они не будут обеспечены прочнейшим залогом.

Если по приезде моем в Омск, куда я отправляюсь ныне же, получу еще какие либо сведения о делах и намерениях Коканцев, то не оставлю сообщить оные Вашему Высокопревосходительству в дополнение сего. Сожалею душевно, что необъятное расстояние, нас разделяющее, препятствует их быстрой передаче.

С совершенным почтением...

ЦГА РУз. Ф. И-715. Оп. 1. Д. 14. Л. 262-263. Копия. Машинопись.

Показание каракалпака Беймена Ильяманова.

15 Июля 1853 г.

Проживающий в окрестностях Бер-Казана Каракалпак по имени Баймень Ильяманов, задержанный партией киргизов при Экспедиционном отряде, расположенною за означенным озером, спрошен 15 Июля и показал:

По торговым делам моим отправился я в город Азрет (Туркестан тоже), во время пребывания в котором и соседних киргизских аулах узнал следующее: Комендант этого города Кидебай-Дадха оправился оттуда в Ташкент по требованию Куш-бека Ташкентского, Меллибека¹¹, родного и старшего брата Хана¹², но от другой матери. Отправился, взяв с собою про всякий случай 200 человек из своих батырей и оставив начальником в Азрете, на время отсутствия своего, батыр-баши своего, по имени неизвестного. За несколько переходов до Ташкента Кидебай уведомился, что там господствует раздор: одна половина жителей держит сторону Хана Худояра, а другая – сторону Меллибека, который задумал отложиться от Хана и быть независимым. Вследствие этого Кидебай признал за благо возвратиться в Азрет; но сюда его не пустили: батыр-баши также нашел выгодным воспользоваться своим положением, также сделавшись независимым начальником и запер ворота города – когда, шесть дней тому, Баймень оставил Азрет, Кидебай с батырями своими находился в окрестностях его, изыскивая случай овладеть городом.

Слышал также он, Баймень, будто сарт¹³ по имени Канагатчи, несколько лет тому назад сбежавший по неудовольствиям из Кокана к Бухарскому Эмиру, пришел недавно с Бухарским войском под Ура-Тюпе и овладел ею и тремя окрестными крепостями в пользу Бухарского Эмира.

Далее слышал он, что бий Бала-бий и Исбук, недовольные управлением Кидебая, ушли на Чу, где 1000 казаков строят русское укрепление и с частью этих казаков возвращаются по направлению к Туркестану и Джулеку, с какою целью – неизвестно.

Наконец, видел в Азрете он, Баймень, Ак-Мечетских гонцов, которые один за другим посланы были в Ташкент с Кош-Кургана, с Тюря-Тама и из Ак-Мечети с известием о приближении Русских; гонцы эти возвратились к Ак-Мечети, когда она была уже обложена русскими,

⁸ Киргизами традиционно в Российской империи называли все кочевое (казахское и киргизское) население Туркестана.

⁹ Кенесары Касымов – казахский хан, внук Аблай-хана, в 1837-1847 гг. вёл активные военные действия против России, был убит в стычке с кыргызами.

¹⁰ Закят (закет) – обязательный годовой налог, один из пяти столпов ислама.

¹¹ Малля-бек – правитель (кушбеги) Ташкента, будущий кокандский хан (1852-1862 гг.).

¹² Имеется в виду Худояр, кокандский хан, который правил с перерывами с 1845 по 1875 г.

¹³ Сартами в документах называются оседлые, прежде всего – городские, жители Средней Азии. – *Примеч. сост.*

и потому должны были ехать обратно. По дороге везде распускали они слух, что помощь к Ак-Мечети идет как из Туркестана, так из Ташкента; но, должно быть, лгали, потому что из Туркестана, по крайней мере, сколько известно ему, Баймену, никакого отряда на помощь Ак-Мечети выслано не было.

Подпись: переводчик Коллежский Ассессор Батыршин.

16 Июля 1853 г., приезжавшие с Телегуля к Султану Илекею киргизы: Кипчакского рода – Учахов и Япасского рода – Булякбай Бикетмесов, рассказывали:

Когда получено было сведение в Ташкенте о том, что русское войско пришло под Ак-Мечеть, то по распоряжению Мелли-бека и по проискам Коканца Мирза-Давлет, хотевшего вытеснить Ак-Мечетского бека Мухаммед-Ва-лий-бека и потом самому сделаться Ак-Мечетским беком, послан был этот Мирза-Давлет с 300 воинами из Ташкента в Ак-Мечеть; войско это пришло в Азрет и оттуда сделало уже полдня перехода к Ак-Мечети, как прибывший из Ташкента нарочный объявил, что Мелли-Бек приказал Мирзе-Давлету возвратиться в Ташкент, вследствие чего последний и поехал обратно. В Юлеке находятся 15 человек гарнизона, а в Яны-Кале 40 человек, для наблюдений со стороны Ак-Мечети. Из-под Азрета все киргизы кроме 50, или 60 аулов откочевали в горы Карача-Тау, и вообще киргизы выжидают взятие русскими Ак-Мечети, чтобы потом прикочевать к Ак-Мечети. Начальник Туркестана Кидейбай-Дадха, не могши проникнуть в свою крепость, удалился в Ташкент.

Подпись: переводчик Коллежский Ассессор Батыршин.

ЦГА РУз. Ф. И-715. Оп. 1. Д. 14. Л. 273-274. Копия. Машинопись.

Командир Сибирского корпуса командиру Оренбургского корпуса.

21 Июля 1853 г. № 373. Омск¹⁴

Секретно

Я имел честь получить обязательное отношение Ваше с № 41 и к сообщенным мною Вашему Высокопревосходительству за № 6 сведениям о прибывшем в Омск Коканском посольстве могу только присовокупить, что, возвратившись в Омск, я пригласил к себе посланца Юлдаш-бая Мирзаджанова и, не входя с ним ни в какие объяснения о предприятии Вашего Высокопревосходительства, счел, однако же, не излишним заметить посланцу, что действия Коканского правительства вообще нисколько не соответствуют его уверениям в дружбе и желанию поддержать миролюбивые сношения с Россией, ибо не токмо прежде, но и теперь, одновременно с следованием посольства, из пределов Ташкента выезжали скопища хищников под предводительством мятежных киргизских Султанов: а что еще хуже, от самого бека, Правителя Ташкента, подсылаются возмутительные письма к нашим киргизам, с целью склонить их к измене и к платежу Ташкенцам закята.

По-видимому, Коканское правительство утрачено предприятием Вашего Высокопревосходительства; посланец, не оправдывая вышезамеченных действий, старался лишь уверить меня, что все это происходило от самоуправства и своеволия кипчаков, которые управляли Ханом по своему произволу, и что только несколько месяцев тому назад Хан, освободившись от их владычества, узрел беспорядки своего правления и твердо намерен их искоренить, а паче всего будет заботиться о поддержании дружественных связей с Россией, но до сего времени не успел этого сделать и поставить всех подвластных ему в границы должного повиновения.

Что же касается до желания Вашего Высокопревосходительства, чтобы я сообщал Вам о тех предположениях моих, для коих требуется денежных пособий от вверенного Вам края, то

---

¹⁴ Пометка на документе: .Получено 13 Августа..

подобных предположений я не имею и полагая, что вопрос Вашего Высокопревосходительства возбужден ассигнованными в мое распоряжение для предприятия в Большой Орде 25 тыс. руб. сер. из кибиточного сбора с Оренбургских киргизов, честь имею отозваться, что распоряжение это последовало по докладу Министерства Иностранных Дел Его Императорскому Величеству, без всякого с моей стороны участия, ибо я просил об отпуске 25 тыс. руб. сер. из общих Государственных доходов.

Подпись: Ген.-от-Инф. Гасфорд.

ЦГА РУз. Ф. И-715. Оп. 1. Д. 14. Л. 288-289. Копия. Машинопись.

Оренбургский Генерал-Губернатор Управляющему Министерством Иностранных Дел.

15 Сентября 1853 г. № 665

Копия с копии

Находясь еще под Ак-Мечетью, получил я от известного Вашему Превосходительству Кмочарова письмо о последних событиях в коканских владениях, ему, Кмочарову, писано от 24 июня из г. Троицка приказчиком купчихи Баряновой Иваном Крыловым, который поехал в Ташкент осенью прошлого, а возвратился оттуда весною настоящего года. В письме этом заключаются следующие весьма любопытные сведения о варварстве настоящего правительства в Кокане и жалком состоянии этой страны, раздираемой междоусобицей.

После бегства Мусульман-Кула¹⁵, пишет Крылов, правительство коканское никак не могло водворить порядок и спокойствие в своих владениях. Власть, по-прежнему продолжала оставаться преимущественно в руках кипчаков, а они самовольничали, насильствовали и обременяли народ тяжелыми поборами. Наконец притеснения их превзошли всякое терпение; образовался между жителями страны заговор, в котором принял участие и сам хан, чтобы истребить кипчаков. С этою целью потребовали в Кокан под видом совещания по каким-то делам, Кушбека ташкентского известного Нор-Мухамеда и других город оправителей из кипчаков. Нор-Мухамед сначала отказывался, но потом поехал. День приезда его был заранее назначен к истреблению кипчаков, которое должно было начаться по данному трубам сигналу. Сигнал раздался, и все, кто держал сторону хана, солдаты и мирные граждане, бросились резать кипчаков, где ни находили их; расположению [их] к этому немало содействовало и разрешение хана грабить имущество преследуемых. В один день этот истреблен было в Кокане более 1000 человек кипчаков. Затем повеление преследовать и убивать их разослано было ханом и по другим городам. В Ташкенте зарезано было более 40 человек; много подверглось той же участи и в других местах; тем не менее значительная часть кипчаков успела собраться между речек Ик-Су, где паслись преимущественно стада их и хранилось имущество. Сюда для истребления их послано было из Кокана сильное войско, к которому, привлекаемое надеждою на грабеж, присоединилось и множество народа, всего, полагают, стеклось из разных мест, тысяч до 60. Кипчаков тоже набралось тысяч до 15, и начальствовал ими Мусульман-Кул. Не дожидаясь нападения, они первые бросились на коканцев, и судьба битвы долгое время оставалась неизвестною; более 10 000 человек убито было с обеих сторон, под конец коканцы одолели, однако же, и, преследуя бегущих, резали их, где ни находили, не щадя даже малолетних детей и беременных женщин. Взятый живым Мусульман-Кул привезен был в Кокан и казнен особенно торжественным образом. Сделан был помост из досок, вышиною до 3 аршин, на который посадили его для позора на высокой табуретке и окованного цепями по всему телу.

---

¹⁵ Мусульманкул – представитель кипчаков Ферганы, влиятельный регент при кокандских правителях Шерали-хане и Худояр-хане, в 1852 г. был казнён Худояр-ханом.

Сюда в течение двух суток приводили всех захваченных кипчаков и резали их беспощадно на глазах его. До 600 человек кипчаков погибло таким образом. На третий день поставили возле помоста виселицу и вздернули на ней бывшего Мин-Баши¹⁶.

Чиновники из кипчаков, попадавшие в руки преследователей своих, умирали большею частью в самых жестоких пытках: из них вымогали всеми средствами, где находятся деньги их и пожитки. Так, приятель Крылова, некто Сафарбай, бит был сначала палками, потом выворачивали ему руки и ноги, затем давили голову между свинцовых досок, так что глаза выкатывались из лба; наконец, обливали всего вскипяченным маслом и в заключение зарезали.

Минбашей теперь, продолжает Крылов, – Касимпансат, а в Ташкенте правительствует старший брат хана, Малля-бек. Этот новый правитель обременяет жителей налогами не хуже старых. При выезде каравана нашего взяли вновь с купцов пошлину, которую они внесли уже три месяца тому; и на мою долю пришлось заплатить 108 червонцев. Ропот в народе уже начался, и едва ли быть покою.

В последнее время как в Ташкенте, так и в Кокане набрано из людей разных сословий отдельно по 300 человек, которые одеты в полубархатные суконные кафтанчики и полупанталоны, а на голове носят высокие сурковые шапки. Коканскою ротою начальствует Тавякаль-Ходжа, а Ташкентскою – Рахметулла Артинов. Видевший несколько раз последнюю роту в цитадели г. Ташкента Крылов пишет, что участи воинов этих имеются кремневые ружья разного калибра, остальные же без оружия и худо одеты.

О возникших между ханом и Малля-беком несогласиях, которые, по всей вероятности, были причиною, что правитель Ташкента не мог или не хотел прислать войска на выручку Ак-Мечети, послал уже я к Вашему Превосходительству от 15 Июля за № 568. В дополнение к сообщенным тогда сведениям честь имею присовокупить ныне известия, полученные мною на днях от прикомандированного к пограничной комиссии чиновника Азиатского департамента титулярного советника Осмоловского, на которого возложил я заведование располагающимися по Сыр-Дарье киргизами, поручив ему вместе следить и за ходом дел в соседственных владениях Азии.

Известия эти заключаются в том, что Малля-бек решительно отказал хану Худояру в повиновении и платеже закята со своей области, вследствие чего хан двинулся к Ташкенту с 10 000 войска. Не решаясь защищаться, Малля-бек бежал прежде в крепостцу Ниязбек, а оттуда – в пограничный город Ура-Тюбе, находящийся в настоящее время под властью Бухарского эмира.

Худояр потребовал выдачи беглеца, но получил отказ, почему существовавшая между коканским и бухарским правительствами неприязненные отношения усилились. Назначив правителем Ташкента Сабдан-Ходжу, хан возвратился в Кокан, новый же правитель Ташкентский послал в Туркестан меньшего брата своего Якуп-Ходжу. Права первородства, принадлежащие Милля-беку, вместе с происками остающихся еще кипчаков и всегдашнюю готовностью Бухарского эмира поддерживать смуты в коканских владениях могут повести к низвержению властвующего хана и новым волнениям, так что долгое еще, по-видимому, время нельзя будет иметь никаких правильных сношений с этою страной.

По последним (от 21 августа) полученным от г. Осмоловского донесениям, киргизы, кочующие около Джулека весьма встревожены распространившимися слухами, что в Яны-Курган¹⁷ пришло войско из Ташкента; тем более что коканцы начали в то же время присылать им возмутительные против русских письма. Вследствие того и другого многие аулы, бросив пашни свои неубранными, прикочевали ближе к Ак-Мечетскому острову.

Подпись: Ген.-Адъют. Перовский.

---

¹⁶ Мингбаши – тысячник высшая воинская должность в Кокандском ханстве

¹⁷ Ближайшая к нам после Джулека коканская крепость по сю сторону г. Туркестана (*Примеч. док.*).

ЦГА РУз. Ф. И-715. Оп. 1. Д. 14. Л. 401-403. Копия. Машинопись.

Оренбургский Генерал-Губернатор Начальнику Штаба Оренбургского Корпуса.

20 Ноября 1853 г.¹⁸

Исправляющий должности Начальника Уральского укрепления доносит мне от 1-го сего Ноября, что грабежи в окрестностях Уральского укрепления не прекращались до 20-го истекшего Октября и хотя значительных не было, но мирные киргизы постоянно теснились близ укрепления, откуда каждую ночь были высылаемы разъезды. Несмотря на это шайка чиклинцев ночью 19-го числа, напала на аул Бия Табуберганова, кочевавшего в 3 верстах от укрепления, но предупрежденные осторожностью самих киргизов, хищники удалились, ранив лишь одного ордынца. Высланная из укрепления команда из 30 казаков при одном офицере не могла настичь хищников, но захватила на приготовленном ими ночлеге разные тяжести: выючная седла, котлы и проч.

Далее Г. Михайловым изъясняется, что сделанное им наказание роду Джакаимовцев возымело благоприятное действие: они явились в укрепление и просили помилования, обещаясь дать верблюдов для транспортировки тяжестей, почему он, Михайлов, выдал им в задаток 80 руб. сер. и обещался исходатайствовать прощение, если они доставят 300 верблюдов.

Что известный мятежник Исет Кутебаров распространяет между Дюрткринцами и Чумекеевцами слухи, что он воюет не с киргизами, а с русскими и запретил Чиклинцам давать ему, капитану Михайлову, верблюдов, обещая скорую помощь, о которой обратился уже к Хивинскому Хану и Туркменцам, прося последних выслать к нему 500 человек. <...>

Кокан.

Коканцы, начавшие с 1849 г. грабительские наезды свои на мирных киргизов наших, кочующих при Сыр-Дарье, вначале 1851 г. разорили такое множество мирных аулов Дюрткаринского, Чумекеевского, Чиклинского, Джагал-байлинского и Алтынского родов, зимовавших в Каракуруме, что это вынудило Господина Оренбургского и Самарского Генерал-Губернатора поручить Председателю Оренбургской Пограничной Комиссии написать Ташкентскому Куш-Бегию о несовместности подобных действий с правилами доброго соседства и об удовлетворении ограбленных; но мера сия не имела благоприятных последствий, ибо Нармухаммед Куш-Беги, относя начало беспорядков к нашим же киргизам, касательно удовлетворения требований не упомянул ничего определительного; между тем 3 Марта 1852 г. шайка хищников, выступившая под предводительством Ак-Мечетского бека Якуба¹⁹ из коканских укреплений Ак-Мечети, Джулека, Кумыш, Чим и Кош-Курганов числом до 1000 человек с присоединившимися к ним 130 хивинцами, вышедшими из крепостцы, устроенной на рукаве Сыра Кувандарье, для захвата, сколько носились слухи после бежавшего из Хивы Султана Илекея, напали на преданных нам Ордынцев, располагавшихся на урочищах: Мак-Мал-Куле и Айгерике, в окрестностях Аральского укрепления, и, ограбив множество аулов, угнали оттуда весь скот. Начальствующий в сем последнем укреплении Майор Энгман, по полученным об этом сведениям, тотчас же сформировал отряд из 70 казаков и 20 человек пехоты и выступил, при одном горном единороге, в погоню за хищниками, которых и настиг на другой день при урочище Акча-Булаке <...>.

---

¹⁸ Пометка на документе: «Получено 23 Августа».

¹⁹ Якуб-бек – будущий правитель Кашгарии

Причиною всех грабительских наездов коканцев на нашу степь, при соображении полученных здесь в последнее время сведений, был начальник Ак-Мечети Якуб-Бек, который, завися от Ташкентского Куш-Бегия и обязываясь уплачивать ему большую часть доходов, собираемых с киргизов, кочующих в Ак-Мечетском округе, куда приписаны были и разрушенные крепости Чим, Кош и Кумыш-Курганы, угнетал этих киргизов непомерными налогами; но и последние не согласовались с его корыстью и склонностью к хищничеству; почему Якуб-Бек образовал при себе шайку отъявленных грабителей, начал делать с ними нападения на кочевавших по правую сторону Сыра киргизов, отбивая у них каждый раз огромное количество скота и имущества и потом, распродажею всего этого на коканских рынках, удовлетворяя ненасытную жадность и Нармухаммеда Куш-Бегия, и свою собственную; впрочем, события минувшего лета заставили, кажется, коканское правительство понять, что дальнейшее пребывание Якуб-Бека в Ак-Мечети имело бы гибельные для Кокана последствия, и поэтому Якуб лишен места, вызван в Ташкент и заключен под стражу, а начальником в Туркестан и в Ак-Мечеть назначен Юсуф-Бек.

Между тем как начальствующие пограничными коканскими крепостями, увлекаясь мелочною корыстью, явно вредили употребляемыми к удовлетворению ее средствами общим политическим интересам Кокана, внутри него совершался весьма важный переворот, долженствующий иметь значительное влияние на дальнейшую судьбу этого ханства: население его издавна составляют сарты²⁰ и киргизы разных родов, именуемые просто узбеками, или кипчаками, оба эти сословия управляются, обыкновенно, устанавливаемыми от Коканского владельца частными начальниками (ильбеками), под рукою главного хакима (начальника) Куш-Бека, первейшего сановника ханства, избираемого также ханом из того или другого сословия; естественно при этом, что тот из них, к которому не принадлежит избранный хаким, весьма много терпит от него. Со выступлением нынешнего коканского владельца Худояр-Бека в эти права, он был малолетен и обязанности хакима лежали на Мусульман-Кул-Чулаке, который еще прежде приобрел себе популярность в Кокане тем, что много способствовал освобождению его от ига Бухарского эмира; хаким этот, как азиат, временщик и узбек, прежде всего постарался развить в мальчике-хане страсть к чувственным удовольствиям, женив его на своей дочери, чтобы не мешал²¹ тестю управлять ханством и наживаться; потом стал теснить сартов и всякое влиятельное в ханстве лицо, соперничества коего имел хоть малейший повод опасаться; поэтому лучшие ильбеки разбежались из Кокана частью в Бухару, где просили, но тщетно, помощи у эмира противу хищничающего хакима Куш-Бека, частью к Ташкентскому Куш-Бегию Нармухаммеду, к которому ушли два, собственно, важных узбека, занимавшие в Кокане должности: дастарханчи (мундшенк) рысалычи (главный секретарь). Мусульман-Кул потребовал их выдачи и вследствие перехваченных писем, посланных находившимися в Бухаре Ильбеками о ходатайстве их заступничества у эмира, начал и еще более преследовать сартов. Нармухаммед, в последнее время, за малолетством хана, почти отложившийся от Кокана и действовавший уже более или менее самостоятельно, отказался удовлетворить желание хакима, и этот весной 1852 г. пошел из Кокана с войском к Ташкенту, чтобы наказать тамошнего Куш-Бегия за неповиновение; однако возвратился оттуда без успеха, потому что два человека из начальствовавших в коканском войске передались с 200 приверженцами к ташкентцам. Летом Мусульман-Кул вторично выступил с шести- или семитысячным отрядом под Ташкент, и в этом походе принял участие сам Худояр-хан. Нармухаммед, опасаясь вредных последствий от преданности Хакиму Туркестанского бека Имам-Берды, вытребовал его тотчас же в Ташкент и лишил жизни, а в Туркестан отправил беком меньшего брата Имам-

---

²⁰ Сарты – оседлое, преимущественно городское, население Средней Азии. Термин употреблялся в русской дореволюционной историографии и административной переписке. Вышел из употребления после проведения национального размежевания и создания в Средней Азии Советских Республик.

²¹ В тексте ошибочно: «лишал».

Берды, упомянутого Юсуф-бека, вошедшего по приезде на место в письменные с начальником Аральского укрепления сношения; Мусульман-Чулак, вероятно, по важности Туркестана для настоящих действий, послал туда и сам до 60 человек, которых новый бек туда, впрочем, не допустил и заперся с гарнизоном, осадил Ташкент, откуда Нармухаммед успел уже, в промежутке этого времени, разослать воззвания по всему Кокану о восстании противу Хакима, как похитителя власти, что и удалось как нельзя лучше, ибо сам Худояр-хан и большая часть пришедшего с ним войска согласились с Нармухаммедом и перешли к ташкентцам, после сего они бросились на приверженцев Хакима и разбили их; сам же он с 1000 человек бежал к дикокаменным киргизам²², из рода коих происходит и мать Мусульман-Чулака.

Есть слухи, что низверженный Хаким Мусульман-Кул снова собирает своих приверженцев и хочет идти к Кокану; за достоверность подобных слухов, конечно, нельзя поручиться, но нет сомнения, что дела в ханстве на этом остановиться не могут, особенно если принять в расчет властолюбие Мусульман – Кул-Чулака, его эксцентрический характер, исключительное влияние в продолжение нескольких уже лет сряду на все управление в Кокане и ненависть вообще к коканцам дикокаменных киргизов (кара-киргизов), значительнейшая часть которых до 1843 г. состояла в зависимости Кокана и платила ему дань и которые только с 1842 г., после умерщвления бухарцами Мухаммед-Али хана коканского и возникших беспорядков в Кокане, свергли с себя его иго и, разорив устроенные на границах коканцев с кочевьями дикокаменных киргизов крепостцы, начали с тех пор действовать самостоятельно. Хотя киргизы эти и боялись в прежнее время делать нападения на коканские земли, потому что подобные набеги никогда не обходились без сильного отмщения нападавшим, но при подстрекательстве Мусульман-Кула, совершенно знающего все средства и местные обстоятельства Кокана, киргизы, отличающиеся дикостью нравов и особенно наклонностью к хищничествам, совершаемым весьма часто у китайских калмыков и юсуновцев, конечно, не пропустят случая отомстить прежним своим утеснителям, для коих, может быть, и не безопасно вторжение таких соседей, ибо численность этих киргизов немаловажна и одних только ордынцев, подведомственных манапам: Урману, Джантаю и Джангарачу, изъявившим в 1847 году желание поступить в подданство России, считалось тогда до 40 000 юрт, да у манапа Бурамбая, управлявшего родом Богу, насчитывалось до 10 000 кибиток. Притом большая часть кара-киргизов имеют одинаковое с коканцами вооружение, не считая киргизской ай-балты (топора на длинной рукоятке) именно: пики, сабли и ружья с фитилями.

Кочующие, однако, в пределах Кокана киргизы, не предвидя для себя в подобных смутах ничего доброго, особенно те, которые пользовались расположением Хакима, начали оттуда расходиться в разные стороны: так, осенью 1852 г. в восточную часть оренбургских киргизов перешел из Туркестана с 400 приверженцами киргизский бий Досбул, лет 40 назад располагавшийся аулом в пределах Оренбургской степи по Тоболу и удалившийся оттуда на коканские земли. Добул пользовался также вниманием Мусульман-Чулака, начальствовал коканской крепостцой Джулеком и был поставлен датхою (родо-правителем) над кочевавшими при оной ордынцами. Бию этому, который на пути следования в нашу степь перехватил ехавшего из Ак-Мечети в Ташкент нарочного и отобрал от него бумаги, в которых между прочим заключалась одна весьма важная, именно: опись принятого новым Ак-Мечетским беком от своего премника (Якуб-Бека) казенного имущества и снарядов, находившихся в крепости, дозволено с разрешения господина Оренбургского и Самарского Генерал-Губернатора кочевать в здешней степи без стеснения лишь других киргизов, оставшихся нам верными.

При этих-то последних происшествиях внутри Кокана и на границах его с Оренбургскою степью начала явственно выказываться та польза, которую пограничное начальство может

---

²² «Дикокаменные киргизы» соответствуют современным кыргызам.

извлечь в дальнейшем ходе дел на Сыре, из султана Илекея Касымова, имеющего весьма значительное влияние на киргизов Чумекеевского рода, между которыми и дюрткаринцами родился.

В ноябре 1852 г. Илекей прислал уже в Оренбург нарочных с объявлением, что по полученным киргизами, кочующими близ Сыр-Дарьи, известиям, будто в Ак-Мечеть прибыло до 2000 войска с намерением напасть и разграбить алимцев и чумекеевцев, вверх по Сыру отправлены были лазутчики, и так как они подтвердили о появлении в Ак-Мечетском округе коканских скопищ, то Илекей распорядился собрать вооруженных киргизов, чтобы дать отпор хищникам, если бы они действительно покусились снова на подобную дерзость; вместе с тем поступило и от начальника Уральского укрепления о принятых Илекеем мерах к предупреждению грабежей коканцев донесение, при котором представлено подлинное к этому султану от нового Ак-Мечетского бека письмо, переданное капитану Михайлову Илекеем, где этот бек, извещая Касымова, что в Кокане водворилась тишина и спокойствие по случаю прочного утверждения на ханстве Худояр-бека и что бывший начальник Ак-Мечети за допущенные беспорядки и причиненные киргизам обиды сменен, а на его место назначен он, Мухаммед-Юсуф, приглашал за этим Илекея обратиться к зависимости Кокана и прибыть в Ак-Мечеть, обещая свою дружбу и свободную месть врагам. В одно и то же время и начальник Аральского укрепления доставил сюда письмо к нему Юсуф-бека, содержащее в себе известия о наказании Якуб-бека за грабежи и убийства в нашей степи, изъявления дружбы и желания мира.

Господин Оренбургский и Самарский Генерал-Губернатор в предписании Илекею от 4 декабря 1852 г., одоббив предпринятые им против хищных соседей меры осторожности, которые оказываются тем более полезными, что отряды из устроенных в степи укреплений не всегда могут вовремя приходить на место грабежей, являясь большею частью тогда уже, когда они кончены, между тем как сторожевая стража из киргизов, если не предупредит самое хищничество, то, по крайней мере, может задержать его до прибытия русского отряда, изволил сказать, что при совершенном знании султаном коканских и хивинских властей, тяжелым опытом им приобретенном, считает лишним указывать ему, в каком смысле и выражениях должен он отвечать Юсуф-беку, домогающемуся лестными, по его понятиям, обещаниями поколебать верность его Илекея всемилостивейшему Государю нашему и усыпить предусмотрительную его заботливость о соплеменниках, и что в твердости и непоколебимости правил султана не имеет никакого сомнения; впрочем, на случай для соображения, как смотрит Русское Правительство на грабежи коканцев, послана Касымову тогда же копия ответного от начальника Аральского укрепления Юсуф-беку письма, в котором, по воле Его Высокопревосходительства, после объяснения Юсуфу могущества и значения Русской державы указано было, что на Ак-Мечеть и другие коканские крепости, возведенные вопреки прав по берегам Сыр-Дарьи, составляющим предел кочевьев наших подданных киргизов, Правительство Русское не обращало внимания, пока начальствующие этими крепостями, из корыстных видов, не сделались своевольными и дерзкими утеснителями мирных ордынцев <...>.

[Илекей] представил два подлинных письма, одно ташкентского Куш-Бегия Нармухаммеда и другое – начальствующих в Ак-Мечети Юсуф-Бека и Мирзы Давлета к Сеилю и Бухарбаю с прочими их приверженцами; в первом Куш-Беги приглашает этих ордынцев прибыть в укрепление (конечно, Ак-Мечеть), быть спокойными во всех отношениях и повиноваться вновь назначенному начальнику мулле Мухаммед-Ризе-Батыр-Башию; во втором, после многих витиеватых фраз, высказывается то же желание, но с очевидною угрозою наказать за невыполнение, для чего добавляется в письме и о прибытии в Ак-Мечеть Ишик-Агасы Мирзы-Давлета с 425 человеками; в представленном же господину Оренбургскому и Самарскому Генерал-Губернатору Илекеем письме к нему начальствующего в хивинской крепостце на Куване Ходжа-Нияза, к посредству коего обращался султан об освобождении семейства своего, этот хивинец уведомляет, что желание Илекея представлял Мухаммед-Эмин-хану, но, как видно, без успеха, потому что в письме есть следующий намек: все вельможи, кроме меня, сказали, что

вы враг, а я, приняв слова ваши и из благорасположения к вам, доносил два раза что вы не враг и что расположены по-прежнему к нам. Если вы почувствуете, что дело это для меня невозможно, то пришлите русское письмо. В другом письме, адресованном майору Энгману, от туркестанских властей извещается, что кипчаки (узбеки) в Кокане низложены вместе с Мусульман-Чулаком и сарты начинают восставать и действовать единодушно, что, узнав по прибытии в Ак-Мечеть, будто бы киргизы Табынского рода в числе 700—800 человек пришли со стороны Ходжа-Нияза для грабежа ордынцев Ак-Мечетского ведомства, послал противу их 500—600 человек под предводительством Мирзы-Давлет-бия, который, прибыв в ту самую пору, как табынцы грабили коканских киргизов, не допустил их до этого, некоторых умертвил, а некоторых взял в плен и доставил в укрепление; в конце же письма изложена просьба отпустить содержащихся в Аральском укреплении коканцев, взятых выступившим оттуда отрядом при разрушении крепости Кош-Кургана в начале 1851 г.

Нет сомнения, что заключающееся в последнем письме обстоятельство о грабеже киргизов имеет тесную связь с подобным же, объясняемым в одном из нынешних донесений Илекея, именно: коканцы, желая выместить на Сеиле и Бухарбае с их приверженцами, как непосредственных соучастниках по грабежам Якуб-Бека, вызванное ими наказание или просто удерживать киргизов в Ак-Мечетском округе, чтобы подвергать по-прежнему поборам, успели, вероятно, захватить хвост бухарбаевских аулов, которые прежде всего пытались, сколько видно, найти Ходжа-Нияз-бая на Куване и пошли на сию сторону Сыра тогда уже, когда разочли, что это защита не надежна, но чтобы придать означенному грабежу более благовидности и освободиться от всяких, может быть, предполагаемых с нашей стороны требований относительно переходящих киргизов, Ак-Мечетский бек выставляет табынцев зачинщиками грабежа.

Во всяком же случае за посылкою бумаг хивинским Мехтеру и Диван-Бегию об освобождении семейства Касымова и указаний ему и начальствующему в Аральском укреплении, как должно поступить в отношении Сеиля, Бухарбая и тех киргизов, которые перейдут к нам, и действовать вообще на Сыре в нынешних обстоятельствах, теперь следует выжидать дальнейших от сего последствий, тем более что самый переворот в Кокане далеко еще не кончился, ибо, по поступившему на днях от начальника 53-й киргизской дистанции рапорту и основанном на его же донесении сведениям, полученным от управляющего восточную частью орды, коканское правительство подкрепляет войсками и Ак-Мечеть, и Туркестан, неизвестно только для отражения ли Мусульман-Кула или для охранения пределов своих от русских отрядов; попечитель же прилинейных киргизов Первухин, с рассказов киргиза, прибывшего из Петропавловской крепости в Троицк по торговым делам, — коканца Сеид-хана — доводит до сведения председателя пограничной комиссии, будто Худояр-бек еще в половине ноября вызвал к себе ташкентского Куш-Бегию Нармухаммедова и приказал его умертвить вместе с заменившим временно Мусульман-Кула Минбашием Утембаем и Рысальчием, назначив Куш-Бегием в Ташкент Мама-Нияза, а в Туркестане — его сына, и что та же участь, которая постигла Мусульман-Кула, ждет вообще всех влиятельных кипчаков.

Подпись: Генерал-Майор Ладыженский.

ЦГА РУз. Ф. И-715. Оп. 1. Д. 14. Л. 502, 511, 513-517 521-522. Копия. Машинопись. Извлечения.

**Командир Оренбургского корпуса Военному Министру.
22 Февраля 1861 г. № 565. Оренбург²³**

---

²³ Пометка на документе: «4 Марта 1861 г.».

В дополнение последнего донесения моего о слухах из среднеазиатских владений, от 8-го сего Февраля за № 401, имею честь довести до сведения Вашего Высокопревосходительства, что, по последним известиям с Сыр-Дарьи, полученным от прибывшего 15-го Января в форт Перовский лазутчика из Туркестана, Канаат отправился из Ташкента к хану в Кокан, чтобы примириться с влиятельными лицами из коканцев и киргизов, не хотевших признавать над собою его власти. Вместе с тем Канаат намерен будто бы просить Меллябека о высылке значительных сил к Джулеку к тому времени, как мы тронемся туда для возведения укрепления.

Уезжая из Ташкента, Канаат будто бы так выразился своим приближенным: «Если мы не остановим русских, то не только из-под Яны-Кургана, который должны будем бросить, но и от Туркестана откочуют киргизы к Джулеку во власть русских».

Предположение наших о занятии Джулека, как видно, положительно известно коканцам; поэтому они заранее делают попытки переманить к себе наших киргизов кипчакского рода, кочующих около Джулека. Бию их, Турсунбаю Буркутбаеву, хан обещал даже дать начальство любой крепостью ханства, если только он откочует от наших пределов.

Канаата ждут к 20-му Февраля в Туркестане, где назначен сборный пункт для войск и склад продовольственных запасов.

Коканский хан в одном из непрерывных, со смерти Эмира Нассыр-Уллы, набегов своих на г. Уратюпе, потерпел 20-го прошлого Декабря такое поражение под стенами этой крепости, что поспешно отступил и бросил часть продовольственных припасов в добычу противнику.

Подпись. Генерал-Адъютант Безак.

Резолюция; Доложено Его Величеству 6 Марта 1861. Генерал-Адъютант Сухозанет²⁴.

ЦГА РУз. Ф. И-715. Оп. 1. Д. 25. Л. 128. Копия. Машинопись.

**Начальник Алатавского округа командиру Сибирского корпуса.
27 Марта 1861 г. № 15**

Копия с копии²⁵

Получив известие, что Кашкаравский бий Кебекбай, никогда прежде не кочевавший на наших землях, пришел с большим числом аулов на р. Курту и снова намерен возвратиться с ними за Чу, я того же разу поспешил воспользоваться временем, чтоб возвратить означенного бия ближе к Верному, для чего и командировал с сотнею казаков хорунжаго Ростовцева, который успешно исполнил поручение, доставив ко мне двух коканских сарвазов – Мамет-Мусу и Нияз-Мамета, бежавших из Пишпека.

Из отобранных от того и другого показаний оказывается, что они бежали из Пишпека назад тому 12 дней, к чему побудил их голод и тяжкие работы по исправлению крепости.

Гарнизон Пишпека теперь состоит из ста пехотных сарвазов и 400 конных джигитов, и весь гарнизон терпит большой недостаток в продовольствии. На подкрепление гарнизону в течение зимы не приходило ни откуда ни одного человека, равно не слышно было, чтоб даже ожидался какой отряд из Ташкента или Кокана, также в продолжение зимы в Пишпек ни когда не приезжал ни Мирза-Даулет, комендант Аулие-ата, и никто другой из ханских чиновников, о которых говорится в показании татарина Фаттаха. Хотя коканцы осенью и приступили к исправлению Пишпека, но исправили непрочны и довели высоту стен – наружной и цитадели – не более человеческого роста; дальнейшее исправление с этими средствами и в одно лето невозможно, ибо люди работают весьма неохотно. Осадные работы наши до дня бегства

---

²⁴ Военный министр Н. О. Сухозанет.

²⁵ Копия эта с приложением переведена Военному Министру при рапорте Командира Сибирского округа № 543 (Примеч. док.).

сарвазов закончены не были, но деревья вырублены все до основания. Что намерены весною предпринимать коканцы, перебежчики не знают; гарнизон находится в страхе, ожидая прибытия к нему русских. Правительство коканское теперь еще не кончило своих неприязненных действий с бухарцами, и что намерено предпринять то и другое – им неизвестно. В Пишпеке есть небольших четыре пушки и на всякого джигита и сарваза по одному ружью. Артиллерия снабжена самым слабым военным запасом, который состоит не более как из 4 мешков пороху и соответственного, по числу пороха, числа снарядов. На ружья имеется не более 10 кабов пороху; свинец – в кусках, а готовых пуль весьма мало.

В течение зимы ни продовольственных, ни военных припасов в Пишпек ни откуда не доставляли, и гарнизон кой-как содержится своими слабыми средствами, оставленными после возвращения сераскира Канаата, а также и содействием дикокаменных киргиз.

Почтительнейше донося о сем Вашему Высокопревосходительству, я вместе с сим имею честь представить на благоусмотрение Ваше перевод с доклада ко мне Копальского татарина Фаттиха, об известиях из Кокана, откуда он на днях возвратился в укрепление Верное.

Из них, Ваше Высокопревосходительство, изволите усмотреть разноречивость показаний, которые мне положительно проверить трудно. Что же касается до известий, будто бухарцы помирились с коканцами и к последним от хана Музафара приезжали послы, то об этом я из других источников убедился, что коканцы далеко не достигли в примирении своей цели, и Бухарский эмир никогда не присылал к хану Малля своих послов. Наоборот, Коканский хан, желая заслужить при теперешних трудных для него обстоятельствах расположение Музафара, чтоб прекратить с ним военные действия, сам возвратил ему 500 пленных бухарцев, будто бы в уважение к памяти о покойном Бухарском эмире Багадуре.

Узнав, что пишпекские перебежчики знают хорошо огородничество и садоводство, я оставил их до времени под надзором в укреплении Верном и прикомандировал к рабочим в общественном саду впредь до получения о них распоряжения Вашего Высокопревосходительства.

Подпись:¹

Приложение. Копия с доклада, поданного Начальнику Алатавского округа и киргизов Большой орды приписанным к городу Копалу татарин Фаттахом Хийдыровым.

Во время нахождения моего с караваном в Кокане хан под Ура-Тюпе потерпел поражение, и во время его обратного следования войска из крепости вздумали его преследовать, но он во время полевого дела захватил из них до 500 человек в плен и вступил в Кокан. Через 5 дней, как мы слышали, к нему англичане и кабулистанцы прислали своих послов, но с какою целью, неизвестно. Послы эти привезли в подарок к хану кусок золота, стоящий двадцать тысяч тилей (золотых монет, равняющихся голландскому червонцу).

Канаат, по приказанию хана, пользуясь случаем, просил послов, не могут ли они продать им до весны две тысячи пистолетов и три тысячи кремневых ружей и, кроме того, прислать для обучения сарвазов трех дельных знатоков военного дела. Послы обещались сообщить это своему правительству и, получив от хана подарки, возвратились. Вскоре за этим приехали и послы из Бухары, чтоб узнать, намерены ли коканцы воевать или заключат мир? Если хотят быть в мире, то пусть возвратят пленных из Ура-Тюпе, с их оружием и имуществом, а если наоборот, то они увидят над собою бухарцев с оружием. Вот слова послов. В этих переговорах тоже был уполномочен Канаат, который, по совету ишана, отвечал, что военнопленных они возвратят готовы, ибо не желают воевать со всеми и им достаточно одних русских. Успокоившись на счет бухарцев, Канаат и Алимбек²⁶ не могут успокоиться сами, оспаривая друг у друга

---

²⁶ Алимбек – представитель киргизов Ферганской долины, влиятельный полководец при Малла-хане, участвовал в его

старшинство и власть, и все это произошло из взаимных наветов друг на друга хана, который хотел казнить Алимбека, но он был спасен от смерти просьбою ишана и только посажен в темницу. Два офицера из отряда Алимбека за трусость и бегство от русских были умерщвлены вливанием в рот и на тело кипяченой воды. Хан, довольный Кана-атом, наградил его и сказал, что он поручает ему все дела, в особенности с русскими, предоставив действовать по своему усмотрению и пораньше вернуться в Ташкент, чтоб до наступления весны кончить все военные приготовления. Сам же хан обещал ему заняться приготовлениями в Кокане, откуда и намерен до Ташкента вести войска сам.

9-го Февраля Канаат вступил в Ташкент и на другой же день послал в Аулие-ата нарочного к коменданту, Мирза-Даулету, с приказанием, чтоб он, приведя себя в полную исправность, выступил в Пишпек и до прихода туда Канаата, не оставлял его без людей. 12-го Февраля мы вышли из Ташкента и в 7 дней дошли до Аулие-ата; в этот же день, вслед за ними, сюда приехал ханский чиновник Худояр-бек, с 20 человеками; в это время комендант готовился к выступлению. После 5 дней Худояр-Бек, осмотрев джигитов и их исправность, выступил с ними в Пишпек. После 8 дней мы выступили из Аулие-ата, что было 27-го Февраля. Во время следования нашего между Мерке и Пишпекком, нам встретился Худояр-Бек, который, осмотрев Ит-Кичу и Пишпек, держал путь обратно.

Все вышенаписанное я не видел своими глазами и хотя коканские известия подтверждать не могу, но считаю их справедливыми, ибо я это слышал и сам читал с зятем ишана письма его к нему. Ишан постоянно пишет в Ташкент все, что бывает у хана. С зятем его мы вместе все читали и разговаривали. Мне грех бы было скрыть виденное и слышанное, ибо я считаю себя русским подданным. 1861 г., марта 20-го дня. Фаттах Хийдыров руку приложил.

Переводил с татарского переводчик Коллежский регистратор Иван Бар-дашов.

Примеч. ред.: Копия эта с приложением переведена Военному Министру при рапорте командира Сибирского округа № 543.

ЦГА РУз. Ф. И-715. Оп. 1. Д. 25. Л. 177-180. Копия. Машинопись.

Записка Командира Оренбургского корпуса о средствах для развития нашей среднеазиатской торговли.

29 Ноября 1861 г. Оренбург

В последнее время периодические журналы весьма много пишут о торговле нашей с среднеазиатскими владениями. Разбирая причины незначительного доселе развития торговли несмотря на существование ее сотни лет, авторы статей обыкновенно объясняют этот застой неудобством и трудностью путей сообщения, а также недостатком образования и предприимчивости в русских купцах, т.е. объясняют явление это общими местами, не лишенными некоторого основания. Для устранения первой причины застоя среднеазиатской торговли предложены были даже обширные проекты: проведение железных дорог к Сыр-Дарье, заведение пароходных компаний на Аральском море и тому подобное; но как инициатива в подобных предприятиях должна принадлежать нашему торговому классу, то эти статьи приписывают главным образом недостатку его развития невозможности исполнения таких смелых предположений для оживления нашей среднеазиатской торговли.

Все эти суждения при всей их благонамеренности обнаруживают неполное знание условий, от коих зависит успех этой торговли.

Вообще довольно странно требовать не только от русского, но и от всякого купца такой высокой степени развития, которая побудила бы его на предприятие, сопряженное не только с

риском потери своих товаров, но и с постоянным опасением лишиться свободы и даже жизни. Известно, что ничто не ограждает наших торговцев от корыстолюбивого произвола местных властей ни в Бухаре, ни в Хиве и что только моральное влияние нашей Сыр-Дарвинской линии несколько останавливает своевольные выходки владетелей, не понимающих ни святости договоров, ни пользы трактатов²⁷. На Коканское владение и этого нравственного влияния мы еще пока не имеем. Поэтому пускаться в торговые обороты с жителями этих владений могут только те немногие ловкие люди, которые хорошо изучили нравы азиатцев, освоились с коварными притязаниями и одарены не совсем обыкновенною смелостью. При таких условиях надобно по крайней мере, чтобы торговля с Среднею Азиею представляла какие-нибудь огромные барыши; но посмотрим, в каком положении она находится настоящее время.

Главное средоточие нашей торговли с Среднею Азиею есть владение Бухарского эмира, наиболее населенное и обширное из всех владений Турана; стало быть, о ходе торговли вообще в Средней Азии можно судить по состоянию рынков в Бухарском ханстве.

С 1858 г. рынки до такой степени переполнились русскими и английскими мануфактурными произведениями, что ценность их если не упала ниже, то сделалась равною стоимости тех же произведений на русских ярмарках и Мешхедском базаре, с которого английские изделия идут в Среднюю Азию посредством бухарских и персидских караванов. Только наше железо, чугун и сталь в натуре и в изделиях сбывались довольно выгодно потому, что не встретили соперничества по этой статье привоза.

Из этого видно, что даже и при настоящей неудобной перевозке товаров среднеазиатские рынки с избытком удовлетворяют собственно местным потребностям заграничного привоза и что, прежде нежели приниматься за улучшение путей, необходимо упрочить верный и хороший сбыт нашим товарам. Возбудить большой запрос на эти товары в самых обитателях Среднеазиатских владений с тем, чтобы они усилили производство необходимых для нас красильных растений и хлопчатника, невозможно, как потому, что владения эти мало населены, так и потому, что потребности народа рождаются только его развитием, которое вовсе не приложимо к основным законам магометанской религии.

Почему вдруг последовало необыкновенное скопление наших произведений на среднеазиатских рынках? Вопрос этот решается следующим фактом.

До 1858 г. Среднеазиатские владения сбывали с выгодой избытки заграничного привоза, и в том числе наших произведений, в густонаселенный Восточный, или Китайский, Туркестан, с многочисленными городами: Кашгаром, Яркендом, Аксу, Хетеном, Джитысу и проч., а также в Илийскую китайскую область, или древнюю Зюнгарию; с 1858 г. вывоз туда этих избытков прекратился. Для объяснения сего необходимо бросить взгляд на отношение Китайского Туркестана и Илийской области к соседним владениям.

До 1755 г. Россия имела с этим краем прямые торговые сношения, но после покорения в этом году его китайцами русским запрещено было ездить туда по торговым делам под тем предлогом, что им дозволена торговля в Кяхте и Цурухайту. Несмотря на это запрещение, наши товары находили, однако же, себе путь в западные китайские провинции через Среднюю Азию.

Этому направлению наших товаров в особенности способствовали до известного времени политические сношения китайцев с коканцами. Сношения эти начались по тому поводу, что некоторые ходжи²⁸, бывшие в Туркестане владетельными князьями, после покорения его

---

²⁷ Несмотря на последний договор наш с Бухарским эмиром в 1858 г., минувшим летом с товаров Московского купца Быковского была взята в Бухаре прежняя высокая пошлина а товары Оренбургского купца Деева, объявленные за свои приказчиком его, принявшим магометанскую религию, конфискованы, несмотря на представленные бухарским властям доказательства, что они принадлежат Дееву (*Примеч. док.*).

²⁸ Ходжами на Востоке называются все ведущие свою родословную от пророка Мухаммеда и его дочери Фатимы (*Примеч. док.*).

китайцами бежали в Коканские владения. Китайское правительство, опасаясь возвращения в завоеванную ими страну потомков этих ходжей как законных ее владельцев и вообще как лиц весьма почитаемых народом, производило ежегодно коканским ханам денежные выдачи, с тем чтобы они держали ходжей под строгим надзором и не позволяли им возвращаться в Восточный Туркестан. Отсюда возникали частые посольства от китайского наместника Туркестана в Кокан и обратно, а с этим вместе беспрепятственно провозились в Китайские владения и товары наши, посредством среднеазиатских купцов.

В 1857 г. в Восточном Туркестане начались разные волнения и беспорядки, окончившиеся в 1858 г. всеобщим народным восстанием против китайского правительства. Коканцы²⁹ при этом не сдержали условий и, помогая восстанию, даже отпустили в Китайский Туркестан потомков тех владетельных ходжей, которые переселились к ним в 1755 г.

Попытка ходжей возвратить свои наследственные владения не удалась, и восстание скоро было подавлено китайцами, но, негодуя на коканцев за их измену и интриги, китайское правительство прекратило с ними всякие сношения. Затем старания коканских ханов войти снова в дружбу с китайским правительством не имели успеха, и в 1860 г. посольство коканское, отправленное в Яркенд, было перерезано по приказанию китайского наместника.

Вот причина не только настоящего избытка и потери ценности наших товаров на среднеазиатском рынке, но и огромного упадка там курса наших денег; в Бухаре, например, наш полуимпериал ходит теперь от 3 руб. 60 коп. до 4 руб., а серебряный рубль от 80 до 90 коп.

И так, для достижения успеха в нашей среднеазиатской торговле необходимо прежде всего возобновить торговые сношения с западными провинциями Китая через Бухару и Кокан.

Этим средством мы усилили бы привоз к нам чая и оживили бы нашу чайную торговлю, которой грозят англичане, получившие еще по Нанкинскому договору право торговли на пяти пунктах Китая, а в последнюю войну – еще более преимуществ.

В значительном же запросе наших фабричных изделий со стороны многолюдного Китайского Туркестана сомневаться нельзя, потому что таковые же английские изделия расходятся там успешно, несмотря на то, что товары их весьма невысокого достоинства и по причине несравненно значительной дальности доставки продаются дороже наших произведений.

Прямые коммерческие сношения наши с западными провинциями Китая существуют и теперь, но разменные пункты в Илийской области, а именно в Чугучаке и Кульдже, едва ли для нас вполне выгодны потому, что этот край малопроизводителен и все, что мы достаем там, идет издалека и через многие руки. Вероятно, это и было причиною, что правительство наше в последнее время открыло прямые, и хотя и гораздо дальние, сношения через Сибирь с Китайским Туркестаном и учредило консульство русское в Кашгаре.

К этому кружному и длинному пути в Кашгар и Яркенд можно было с большою выгодною присоединить другой, кратчайший, путь в Китайский Туркестан, а именно через Оренбургский край и Кокан.

Выгоды этого пути будут состоять в том, что беспрепятственное движение по нему товаров доставит желаемое развитие торговли нашей с Коканом, Бухарою и Хивою; что с помощью пароходства нашего на Сыре среднеазиатские товары могут сплавляться водою примерно от Ходжента, весьма важного торгового пункта между Бухарою и Коканом, до форта № 1 и что от последнего пункта предстоять будет только до 1300 верст сухопутной перевозки до Волги³⁰. Впоследствии с большей вероятностью можно даже ожидать, что торговцы, вывозящие товары из Кульджи, будут также направлять свои караваны на р. Сыр по существующему торговому пути между этим пунктом и Ташкентом.

²⁹ В тексте ошибочно написано «китайцы».

³⁰ От форта № 1 до Илецкой Защиты 800 верст, а оттуда до Самары через Оренбург 4881/2 верст. (Примеч. док.)

Очевидно, что для достижения этой цели нам недостает только возможности беспрепятственного плаванья по всей судоходной части р. Сыра, да еще твердого опорного пункта в самом Коканском ханстве и не такого пункта, которым мы теперь владеем с огромными издержками на пустынной и бесплодной части р. Сыра, но пункта населенного, с хорошим торговым значением, из которого мы были бы в состоянии принудить во всякое время коканского владетеля к мирным сношениям³¹.

Продолжение Сыр-Дарьинской линии нашей до Ташкента и прочное занятие этого пункта доставят нам желаемые условия для развития среднеазиатской торговли. Этот город, в который сходятся караванные пути из Бухары, Кокана и Кашгара, Кульджи, Троицка и Семипалатинска, имеет и ныне важное торговое значение, несмотря на прекращение его сношений с Россией и Китайским Туркестаном; а если к выгодным условиям этого пункта присоединится судоходство по р. Сыру и водворение безопасности для наших промышленников на пути из Ташкента в Кашгар, то нет сомнения, что в скором времени Ташкент сделается главным складочным местом и средоточием нашей среднеазиатской торговли. Тогда и улучшение путей сообщения с Средней Азией сделается потребностью, и как ни малопредприимчиво наше купечество, оно, увидя свои выгоды ясным, осязательным образом, не побоится затратить на это свои капиталы.

Здесь необходимо сказать, что если эти соображения будут признаны основательными, то исполнение их должно последовать без потери времени, потому что англичане, стоящие всегда на пути торговых предприятий других народов, обратили уже сильное влияние на Среднюю Азию. В марте 1858 г. парламент назначил особый комитет для изыскания средств к колонизации Индии и к расширению торговых сношений с Средней Азией.

По предмету этих изысканий комитет издал уже в 1858 г. свои труды в особом сочинении, а в 1859 г. англичане делали опыт закупки через афганских купцов, на среднеазиатских рынках шелку и опиума на значительную сумму и за чистые деньги.

Кроме того, носятся слухи, что английское правительство имеет в виду совершенно ослабить Бухарское ханство, для чего и предполагает образовать из Афганистана могущественное среднеазиатское государство, присоединив к нему некоторые области от Бухары, Хивы и Кокана.

Если англичане успеют в этом прежде, нежели мы утвердимся в Ташкенте и обеспечим сообщение через Кокай с Китайским Туркестаном, то они сделаются полными властителями Средней Азии, торговля которой вместе с торговлей Китайского Туркестана, останется в их руках безвозвратно.

Подпись: Генерал-Адъютант Безак.

ЦГА РУз. Ф. 715. Оп. 1. Д. 25. Л. 472-477. Копия. Машинопись.

**Командир Оренбургского корпуса Военному Министру.
29 Ноября 1861 г. № 3443, г. Оренбург**

В исполнение объявленной мне в отзыве Вашего Превосходительства от 12-го минувшего Июля за № 110 Высочайшей воли относительно представления окончательных соображений по предмету занятия Яны-Дарьи, после личного обзора мною Сыр-Дарьинского края имею честь уведомить, что, объехав всю степь от Орска до Джулека и по совещании с лицами, начальствующими на Сыр-Дарьинской линии, я пришел к заключениям, не совсем согласным с предположениями моими, основанными преимущественно на письменных сведениях и изложенными

---

³¹ Излишним было бы доказывать, что эти сношения не могут быть здесь достигнуты дипломатическим путем (Примеч. док.).

вскоре по прибытии в здешний край в рапорте моем г. Военному Министру от 30 Ноября 1860 г. за № 2592³².

Выгоды занятия Яны-Дарьи представляются те же, как изложено было в упомянутом донесении за № 2592.

- 1) Приобреталось бы значительное пространство земли, удобной для хлебопашества.
- 2) Земледелие киргизов по Яны-Дарье, а может быть, и каракалпаков, которые, вероятно, перекочевали бы из Хивинских владений, обеспечивалось бы нашими фортами.
- 3) Одно уже существование укрепления нашего на Биш-Мазаре служило бы залогом большей безопасности для караванов.
- 4) Приближаясь к хивинской границе, мы приобрели бы более влияния на Хана и в случае нужды могли бы значительно затруднить сообщение Хивы с Коканом, производящееся большей частью по Яны-Дарье. <...>

Не предлагаю исполнения этого предприятия в настоящее время потому, что нужно предварительно исследовать течение р. Сыра вверх от Джулека, имея в виду, что при движении нашем к Туркестану и Ташкенту мы должны рассчитывать на содействие нашей флотилии, которая, изучив русло реки, может нам тогда оказать неисчислимы услуги подвозом продовольственных и боевых припасов.

В этом случае может быть весьма полезен своею опытностью и познаниями Флигель-Адъютант Бутаков, коему считаю необходимым поручить в будущем лете подняться на одном или двух пароходах вверх по Сыру до Яны-Кургана и по возможности выше сделать исследование реки, а также высмотреть и снять местность по обоим берегам, для чего послать с ним под начальством Генерального Штаба офицера необходимую съемочную партию, на что и имею честь испрашивать Высочайшего разрешения. Полагаю, что это будет согласно с видами Его Императорского Величества, потому что

я усмотрел из имеющегося в делах доклада Государю Императору Генерала Катенина от 22 Марта 1857 г., что Его Величество между прочим вменил в обязанность моему предместнику: «...в видах пользы, которая может произойти от занятия Туркестана, как для связи наших пограничных линий, так и для устройства Сыр-Дарвинской и Зауральской орды, представить полное соображение о возможности и средствах привести в свое время в действие это предположение».

Для исполнения таковой Высочайшей воли упомянутая рекогносцировка по течению Сыр-Дарьи вне наших пределов необходима. Причем я полагал бы вменить в обязанность Флигель-Адъютанту Бутакову избегать неприязненных столкновений с коканцами, а напротив, заявлять, что экспедиция предпринимается с ученою целью и в видах упрочения наших торговых с ними сношений.

Проезжая от форта Перовский к Джулеку, я заметил, что растительность по мере приближения к нему становится богаче, травы лучше и породы кустарников разрастаются сильнее. Даже комаров и оводов, столь губительных для лошадей, в Джулеке гораздо менее, потому что поблизости нет такой огромной массы камышей, которою покрыты разливы Караузьяка и Кувана. Несмотря на то, не думаю, чтобы берега Сыра и в коканских владениях изобиловали богатыми пажитями и строевым лесом, потому что иначе их большие города Туркестан, Ташкент и самый Кокан не были бы построены в стороне от столь большой реки, как Сыр. Но верно, однако, то, что между Туркестаном и Ташкентом хлебопашество, как свидетельствуют бывшие там наши купцы, находится в цветущем состоянии и что строевой лес произрастает в

---

³² Для лучшего уяснения всего, что ниже будет изложено, прилагается карта Оренбургского края с соседними владениями Средней Азии, в масштабе 100 верст в дюйме (*Примеч. док.*).

горах, из коих вытекают реки, образующие Сыр-Дарью; по ним, как известно, были примеры сплава толстых бревен.

Еще 10 лет тому назад, а именно в 1854 г., как видно из отзыва Военного Министра к графу Перовскому, выражена была мысль Государя Императора Николая Павловича, что соединение Оренбургской линии с Сибирской заключает в себе предмет первейшей важности и необходимости; причем Его Величество изволил находить, что в порядке упрочения нашего в степи первое место должны занять меры к обеспечению торговых путей с Китаем.

Такая Высочайшая воля, высказанная тогда, когда мы владели лишь устьями Сыр-Дарьи, в настоящее время делается неотложною потребностью, и смею думать, что если бы с движением нашим от моря Аральского вверх по Сыру и с устройством на нем новых фортов не имелось в виду таковое же встречное движение со стороны Сибирского корпуса, то не стоило бы проникать до берегов Аральского моря и утверждаться на устье Сыра, а также делать экспедицию к Ак-Мечети и возводить Джулек. По моему мнению, не следует развлекаться издержками для приобретений в Хиве, стране бедной и ничего не представляющей в торговом отношении; но должно стремиться к скорейшему соединению линий Оренбургской с Сибирской³³.

Соединение этих линий можно осуществить или на Туркестан, или Ташкент. После разрушения Яны-Кургана ближайшее к нам значительное укрепленное место есть Туркестан, который, по расспросным сведениям, находится в расстоянии от Яны-Кургана около 120 и от Сыр-Дарьи по прямой линии около 30 верст. В нем до 6000 жителей и цитадель с водяным рвом. Не думаю, чтобы для овладения Туркестаном потребно было много войска и больших издержек; если мы подвинемся от Джулека вверх по Сыру верст около 200 и построим небольшой форт, из коего в состоянии будем действовать на сообщения Туркестана, то, может быть, приобретем его и без боя; в противном же случае овладеем им силою оружия без особых затруднений, потому что сказанный форт обеспечит подвозку войск и тяжестей.

Впрочем, решительное по этому предмету заключение лучше отложить до окончания в будущем году рекогносцировки Флигель-Адъютантом Бутаковым, можно, однако, теперь же обсудить, достигнем ли мы, овладев Туркестаном, ожидаемых результатов? На этот вопрос, я полагаю, следует отвечать отрицательно. Хотя по занятии Туркестана Оренбургскому корпусу ничего не остается делать, разве овладеть небольшою крепостцою Сузак, находящейся на пути к Троицку в 75 верстах от Туркестана на северной покатости хребта Кара-Тау; по Сибирскому корпусу от Пишпека, где предполагалось наше укрепление, надобно пройти по р. Чудо Сузака верст более 500, пролегающих по местам, вовсе не удобным для учреждения пунктов сообщения.

Прямая дорога от Сузака по хребту Кара-Тау на коканское укрепление Аулие-Ата совершенно нам неизвестна, и потому можно только полагать, что дорога тут несколько менее кружна, чем по р. Чу. Положим, что этим путем и достигнется соединение линии, но граница наша пройдет по таким местам, где для сообщения придется построить несколько фортов, куда доставка продовольствия будет обходиться весьма дорого, и им трудно будет оказывать взаимную помощь; кроме того, мы все-таки не приобретем возможности добывать сходно все жизненные потребности для фортов на Сыр-Дарье; для достижения этой цели нужно непременно овладеть Ташкентом. От него на укрепление Аулие-Ата идет удобная прямая дорога на Кульджу и Чугучак, и я полагаю, что Сибирскому корпусу весьма легко в первый год построить укрепление в Пишпеке, а на следующее лето овладеть креп. Аулие-Ата и прийти к Ташкенту на соединение с войсками Оренбургского корпуса, устроив на Сыре, смотря по удобству и по ближайшей линии к Ташкенту, укрепление, как для прикрытия флотилии, так и для соединения в нем продовольственных и боевых припасов, могут совокупно с Сибирским корпусом приступить к овладению Ташкентом.

---

³³ См. примечание 1-е (Примеч. док.).

По исполнении этого достигнутся следующие весьма значительные результаты.

Во-первых, Россия получит с этой стороны отличную государственную границу, причем, если бы коканцы угрожали впоследствии Ташкенту, гарнизон его всегда мог бы получить помощь из фортов по Сыру и из Сибирского корпуса через Аулие-Ата.

Во-вторых, представится возможность дешево снабжать наши форты на Сыр-Дарье продовольствием и лесными материалами при помощи нашей флотилии, которая таким образом будет приносить нам существенную пользу и вознаградит, хотя несколько, ежегодный расход в 45 тыс. руб. сер., на нее ныне производимый. К этому следует присовокупить, что занятие страны вверх по Сыру необходимо даже для самой флотилии, потому что по неимению в той стране каменного угля и по дороговизне доставки донского антрацита при речных плаваниях употребляется саксаул, но таковой по берегам реки истребится весьма скоро, и тогда только одна доставка дров с верховьев Сыра может снабжать топливом наши пароходы.

В-третьих, прекратятся все междоусобия и баранты между нашими и коканскими киргизами; кибиточный же сбор весьма увеличится.

В-четвертых, мы приобретем около Туркестана местность, в коей добывается свинцовая руда – статья весьма важная, так как у нас своей руды нет, что в военное время ставит государство в большое затруднение, испытанное нами и в последнюю войну.

В-пятых, как Ташкент есть важнейший в той стране промышленный город, к которому сходятся все торговые пути из Бухары, Китая и России и как от него Кокан по дальней дороге лишь в 150 верстах, то, владея Ташкентом, мы получим не только решительное преобладание на ханство Коканское, но усилим наше влияние и на Бухару, что разовьет значительно нашу торговлю с этими странами и в особенности с китайскими хорошо населенными городами Кашгаром и Яркендом, которые, доставляя свои товары до Сыра, будут сплавлять их водой до форта № 1; обратно наши товары могут пользоваться этим же путем. Они прежде доставлялись бухарцами в китайские города, отчего и торговля наша со Средней Азией была значительнее, но она прекратилась от слабости и несостоятельности коканского правительства; (подробности по этому предмету, изложены в прилагаемой записке³⁴.

И, наконец, в-шестых, доходы с Ташкентской области³⁵ вместе с увеличенным кибиточным сбором, без сомнения, покроют все наши расходы на Сыр-Дарвинской линии, обременяющие ныне Государственное казначейство.

Конечно, для достижения такого результата необходимо полное содействие со стороны Сибирского корпуса. Я надеюсь, что когда Генерал Дюгамель ближе познакомится с положением пограничного края, то убедится, что от мирных сношений с Коканом, как и со всяким другим азиатским владением, невозможно ожидать пользы, если эти сношения не поддержаны оружием. Продолжительный опыт достаточно доказал, что народы эти не понимают святости договоров и трактатов, ни торговых и коммерческих обязательств; они уважают одну только силу и принимают всякое снисхождение за слабость.

В заключение, относительно нашей границы к Кокану, считаю долгом сказать, что, если мы прекратим всякое притязание на Хивинское ханство, англичане не будут тревожиться от наших действий вверх по Сыру, могущих распространить наше владычество на восток; они могли бы скорее опасаться движения наших войск на юг, по Аму-Дарье, приближающего нас к Индии. Не думаю, однако, чтобы англичане серьезно боялись нашего похода в Индию; по моему мнению, это химера, которой они не поддадутся, будучи народом весьма практическим. Сверх того, хозяйничая теперь в Китае, кажется, они не имеют права препятствовать нам защищать своих подданных киргизов, а вместе с тем соединению наших пограничных линий. Впрочем,

---

³⁴ Записки этой в деле нет (*Примеч. док.*).

³⁵ Они, если верить, обозрению Коканского ханства, помещенному в 111-й книжке записок Русского Географического общества за 1849 г., простираются до 1,350 000 руб. серебром (*Примеч. док.*).

прочитав в находящихся здесь бумагах отзыв Министра Иностранных Дел к послу нашему в Лондоне, писанный в августе 1859 г., я полагаю, что правительство наше не намеренно отказываться от выгодного устройства здесь своих дел только потому, что оно англичанам не нравится³⁶. Медлить с этим не следует, так как теперь нетрудно справиться с Коканом, но если англичане дадут им хорошую артиллерию и исправное нарезное оружие, то тогда задача делается несравненно труднее и обойдется гораздо дороже.

Предлог для овладения Ташкентом всегда найти можно, потому что пограничные коканцы, слабо повинувшись своему правительству, не воздержатся от набегов в наши пределы и от грабежа киргизов – подданных русских; а при том вся страна, даже до Ташкента включительно, принадлежала киргизам в то время, когда они присягнули на подданство России.

Хотя я не полагаю возможным приступить к овладению Туркестаном и Ташкентом прежде 1863 г., но счел нужным теперь же высказать в подробности свое мнение по этому предмету, дабы высшее правительство могло обсудить план будущих действий в этой стране как для Оренбургского, так и для Сибирского корпуса и направить деятельность обоих к одной цели.

В настоящем отношении я ограничиваюсь изложением своих предположений относительно действий, подлежащих по устройству восточных пределов наших в этой стороне; касательно же распоряжений, необходимых для обеспечения нашей границы на западе, между Аральским и Каспийским морями, заключающихся в постройке укрепленных постов на Эмбе, войду вслед за сим с особым представлением.

Подпись; Генерал-Адъютант Безак.

Резолюция: на полях этого рапорта рукою Государя Императора написано карандашом: «Сообщить К[нязю] Горчакову для внесения в Особый комитет».

Примечания:

1) «Против слов: “не должно стремиться к скорейшему соединению линии Оренбургской с Сибирской” на полях Государем Императором сделана пометка карандашом: “Совершенно справедливо”».

2) Также пометка: на полях против слов: «что правительство наше не намерено отказываться от выгодного устройства здесь своих дел только потому, что оно англичанам не нравится»: «Верно, нет».

ЦГА РУз. Ф. И-715. Оп. 1. Д. 25. Л. 479-490. Копия. Машинопись. Извлечение.

---

³⁶ См. примечание 2-е (Примеч. док.).

1.2. Договора с городами и ханствами³⁷

Начало интервенции Средней Азии и удаchi военных Российской империи в либеральной прессе того времени оценивались как примеры легкой добычи славы и наград. Например, газета «Голос» в шутку назвала интервенцию Средней Азии «Крестовыми походами», намекая на походы генералов «за славой и крестами»³⁸. Секрет успехов российских генералов в Средней/Центральной Азии был не в их силе или их особых военных талантах их генералов, а в военно-технической слабости местных ханств.

Относительно легкое завоевание Туркестана поставило довольно сложные задачи «управления вновь завоеванным краем» (как это формулировали в тогдашней прессе и документах) и способов отношений с протекторатами. Завоеватель Ташкента М. Г. Черняев стал первым русским генералом, кто заложил основы этого управления, предпринимая шаги к «замирению туземного населения», составляя «договора» с ташкентцами (в большинстве случаев не имея времени для согласования их с «высшим начальством»), принимая и рассматривая массу жалоб и заявлений местных жителей³⁹. Особенно уникальными и даже где-то удачными (сообразно обстановке того времени) следует признать первые попытки Черняева «вершить дела по магометанскому закону»⁴⁰, то есть наладить административное управление в Ташкенте и окрестностях, согласуясь с предписаниями шариата (конечно, в местном его толковании). Интересны так же обращения местного населения к Черняеву, в которых его статус «управителя/губернатора» совершенно естественно (судя по неизменившимся штампам обращения и стилю заявлений «туземцев») приравнивался к статусу бывшего «хакима/бека», то есть главы администрации Кокандского ханства.

В начале своей карьеры «первого завоевателя Средней Азии» М. Черняев признавался в частных письмах, что одно дело завоевание, и совсем другое – «управление инородцами», веру которых он привык воспринимать как чуждую и даже враждебную⁴¹. Однако он довольно быстро справился с естественными для офицера армии Российской империи фобиями и научился адаптироваться к условиям, когда управление завоеванными территориями требовало других подходов и стратегий и даже веротерпимости.

Первый опыт «столкновения» с обычаями «туземцев» и затем попыток осторожного сочетания «их магометанских законов с законами Империи» М. Черняев получил еще при взятии Аулие-ата, точнее, когда приступил к «водворению в нем порядка». Много позже, изучив все документы и переписку того времени, российский военный инженер и исследователь А. Г. Серебренников написал, что Черняеву удалось вполне «замирить город не силой, а введением основ самоуправления и полного невмешательства в религиозные дела». В основе этого самоуправления М. Черняев предпочел увидеть (видимо, не без подсказки своих советников из мусульман) Совет из авторитетных в городе семерых аксакалов (старейшин), которых назначал бек, тоже, в свою очередь, избранный горожанами с утверждением М. Черняева. Они не только управляли городскими делами, но и вершили суд. Поначалу Черняев совершенно отказался что-то менять в формах наказания, которые здесь были заведены издавна (отсечение рук за

---

³⁷ Здесь и ниже нами частично использованы материалы гранта «Изучение письменного наследия народов Центральной Азии: историко-этнографические и лингвистические исследования» (ФА-Ф1-027) Центра рукописного наследия при Ташкентском государственном институте востоковедения (ТашГИВ).

³⁸ По поводу взятия Самарканда // Голос. Передовая статья. № 155, 5 июня 1868 г. (Туркестанский сборник. Т. 8. С. 173-177). Газета намекает на то обстоятельство, что награды Российской империи имели часто вид крестов.

³⁹ Бабаджанов Б. М. Российский генерал-конквистадор в русском Туркестане. Взлеты и падения М. Г. Черняева // Восток свыше. 2012. № 4. С. 63-72.

⁴⁰ Цитата из «Адреса/Обращения к гражданам-мусульманам Ташкента» (см. ниже).

⁴¹ Михайлов А. Михаил Григорьевич Черняев. СПб., 1906. С. 78.

воровство или смертная казнь за рецидивы или более тяжкие преступления)⁴². Позже он назначает комендантом Аулие-ата полковника Богацевича и настаивает, чтобы русские войска «не делали никаких обид» местным жителям, не лезли в их огороды, сады, отгоняли грабителей скота, вели патрулирование города и окрестностей с местными «джигитами» и т.п. Взаимные обязательства между горожанами и российскими войсками были зафиксированы на бумаге и получили временную силу⁴³.

Примерно такие же распоряжения по «управлению» Черняев успел сделать и в Чимкенте, хотя уже тогда его главной целью был Ташкент⁴⁴, после завоевания которого он в полной мере использовал свои идеи относительно форм «местного самоуправления» и своего понимания конфессиональной политики на окраине Российской империи. В письме полковнику Полторацкому⁴⁵ (15 авг. 1865 г.) он не без гордости писал как о своей гениальной находке оптимального решения вопроса «управления вновь завоеванным краем», используя, например, «превосходное устройство здешней полиции» (то есть службу *мирьябов*) и сумел установить полную безопасность в городе. Он добавил, что использует «избираемых народом лиц не только в общественные должности но и на духовные места»⁴⁶.

Наряду с введенными формами местного самоуправления особенно уникальной можно признать конфессиональную политику М. Черняева. Уникальность этой политики состояла в том, что Черняев вел себя не просто как завоеватель (причем из «неверных»), а как «устроитель шариатской политики», как его назвал Г. Федоров. Черняев не просто сохраняет «старые религиозные порядки» (как часто писали о нем в газетах), но настаивает на укреплении «магометанского закона». Одним из первых документов, в котором М. Черняев и, очевидно, его ближайшие советники из мусульман⁴⁷ предприняли попытку «укрепить шариат», стало его «Обращение/Адрес к гражданам-мусульманам» Ташкента и Ташкентской области, которое скреплено его печатью. Перевод документа представлен в этом разделе.

В современных публикациях чаще всего используется русский перевод этого документа, тогда как оригинал написан на чагатайском/узбекском языке буквально через две недели после его завоевания⁴⁸. Однако в сравнении с оригиналом в русском переводе допущены сокращения и искажения смысла. Поэтому мы привели здесь полный и более корректный перевод этого документа с сохранением особенности стилистики, религиозной риторики (которой в русском варианте документа почти нет), официальных штампов, включая формы передачи имен и должностей.

По содержанию и требованиям представленный текст «Обращения» следовало бы ожидать скорее от мусульманского военачальника или правителя, кто завоевал бы Ташкент, но

⁴² Туркестанский край: Сборник материалов для истории его завоевания. Собрал полковник А. Г. Серебренников. Ташкент, 1914. Т. XVII. С. 141; MacKenzie D. The Lion of Tashkent: The Career of General M. G. Cherniaev. University of Georgia Press, 1974. P. 68-70.

⁴³ Туркестанский край: Сборник материалов для истории его завоевания. Собрал полковник А. Г. Серебренников. Ташкент, 1914. Т. XVII. С. 145-147.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Полторацкий Владимир Александрович (1830-1886). С 1 декабря 1863 г. являлся начальником Азиатского отделения Главного управления Генерального Штаба (позже – заведующим Азиатскими делами Штаба). С 25 марта 1868 г. по 21 апреля 1878 г. был военным губернатором Семипалатинской области.

⁴⁶ ЦГА РУз. Ф. И-164. Оп. 1. д. 3. л. 1-3 об.

⁴⁷ Таким приближенным Черняева стал татарин Хаджи Юнусов (йю* / Юнус-ходжа).

⁴⁸ ЦГА РУз. Ф. И-17. Оп. 2. Д. 9679. Л. 116-116 об. Русский перевод этого «Объявления» был опубликован Ф. Азадаевым и затем повторен мной (по публикации Азадаева): Кокандское ханство: власть, политика, религия. Токио-Ташкент, 2010. С. 522. Евгений Скайлер тоже упомянул об этом «Обращении» (Proclamation), утверждая, что его оригинальный текст был написан на «тюрки» (in Turki). Однако он приводит сокращенный перевод русской копии (Schuyler E. Turkistan: Notes of a Journey in Russian Turkistan, Khokand, Bukhara, and Kuldja. London, 1876. Vol. 1. P. 115-16, footnote 1). Очевидно, что Скайлер чагатайского (узбекского) оригинала этого документа не видел. Джефф Сахадео, ссылаясь на публикацию Скайлера, пишет, что он был составлен на персидском: Sahadeo J. Russian Colonial Society in Tashkent, 1865-1923. Bloomington&Indianapolis, 2007. P. 244, footnote 54.

никак не от русского генерала, кто через несколько лет будет «отстаивать православную веру против ислама» и пожалеет об упущенных возможностях водрузить «христианское знамя» над константинопольской церковью/ мечетью Святой Софии⁴⁹. Тем не менее «Адрес» Черняева можно рассматривать как разумный дипломатический ход, вполне способный успокоить общественное мнение в только что захваченном городе, а самое главное – преодолеть конфессиональные тревоги мусульман за «веру и обычаи»⁵⁰. Похоже, что подчеркнутая мусульманская риторика Черняева неслучайна и он серьезно советовался со своими советниками, кто был хорошо осведомлен в предписаниях шариата и знал все прецеденты отклонения от него, какие имели место в Ташкенте.

М. Черняев в своем «Обращении» взял на себя обязательства, которые заведомо не могли быть исполнены, либо не исполнялись в будущем. Например, это касается обещания не облагать *хараджем* «и другими [налогами] до скончания жизни на Земле». Некоторые другие обязательства (отказ от постоя солдат, не входить в дома мусульман без разрешения хозяев и проч.) явно перешли из мирного договора с горожанами сразу после завоевания Ташкента, однако неукоснительно исполнялись⁵¹.

Следуя местной традиции, Черняев заказывает себе печать с арабским шрифтом уже в 1862 г., то есть во время начала операции по «соединению Сибирской и Сырдарьинской линий»⁵². Следующая печать с арабским шрифтом (но на чага-тайском/узбекском языке), с датой 1865 г., поставлена на упомянутом «Обращении» к ташкентцам. Обе они изготовлены в подражание русским печатям, курсивным, но не совсем профессиональным (скорее даже учебным) почерком. Однако в том же 1865 г. Черняев заказывает следующую печать местным (скорее всего, ташкентским) мастерам. Они изготовили для него вполне традиционный для Трансоксании «*мухр*», который теперь выглядел вполне «по-мусульмански» и, согласно традиции, был написан красивым и профессиональным почерком *наста'лик*⁵³. Очевидно, что М. Черняев действительно старался подражать именно мусульманскому правителю, не только содержанием самого «Обращения», но и его истинно мусульманским слогом, внешними атрибутами, в том числе привычной печатью мусульманского типа.

Совсем иначе поступал и писал свои «Обращения» к местным жителям другой завоеватель Туркестана – К. П. фон Кауфман. Они написаны в форме ультиматумов. Для примера мы привели здесь его «Прокламации» жителям Самарканда и Бухары. В них фон Кауфман явно играет роль благородного завоевателя, желающего защитить самаркандцев и бухарцев от «произвола ханов»⁵⁴. Он, как и Черняев, тоже обещает «мир и спокойствие» простым гражданам,

⁴⁹ Бабаджанов Б. М. Туркестанский конквистадор: Взлеты и падения генерала Черняева. 4. 2 // Восток свыше. 2013. № 1. С. 51-67 (там же библиография).

⁵⁰ Тревоги мусульман «за веру отцов» см.: Бабаджанов Б. М. Кокандское ханство: власть, политика, религия. Токио-Ташкент, 2010. С. 557-567.

⁵¹ Бабаджанов Б. М. Кокандское ханство: власть, политика, религия. Токио-Ташкент, 2010. С. 519-521, 524.

⁵² Возможно, это период начала операции по захвату Пишпека (совр. Бишкек). По крайней мере, документ с этой печатью и именем Черняева сохранился в ЦГА РУз., см.: Ф. И-17. Оп. 2. Д. 9679. Он представляет собой казахский текст с ответом М. Черняева Ак-бай-бию по поводу предоставленного русским войскам выючного скота и корма. Надпись на печати, однако, на чагатайском языке: «*اوروس پادشاه نى نى گ مى نى گ باشى مى ك اى ل چرن اى وف*» – «Мингбаши [Командующий войсками] Русского падишаха Микаил Чирныйуф».

⁵³ Текст тоже слегка меняется: «*ترکستان یورتى نى گ گوبورن اطرى مى حى ل ه چرن اى وف*» – «Губернатор Туркестанского края Михайла Черныйуф». Дата на печати -1865 год (года по хиджре нет). ^v В своей речи по случаю назначения на должность генерал-губернатора фон Кауфман сказал: «Ради корысти кокандские и бухарские власти нарушали иногда мусульманские законы». Свою миссию он видел именно в защите от произвола ханов (Корреспонденция из Ташкента // Сын отечества. 12 октября 1867. № 80). Подобные штампы в легитимации интервенции, пожалуй,

⁵⁴ В своей речи по случаю назначения на должность генерал-губернатора фон Кауфман сказал: «Ради корысти кокандские и бухарские власти нарушали иногда мусульманские законы». Свою миссию он видел именно в защите от произвола ханов (Корреспонденция из Ташкента // Сын отечества. 12 октября 1867. № 80). Подобные штампы в легитимации интервенции, пожалуй, присущи всем завоевателям Средней Азии. Другая, более обычная, форма легитимации завоевания озвучена в статье анонимного военного чиновника: «Пронся в глубь Азии европейское влияние и европейскую гражданственность, мы

но только тем, кто не сопротивляется. Генерал обращается от имени Белого царя и пытается доказать преимущество нового подданства. Самая часто повторяющаяся фраза в них: «Цель войны Белого царя есть мир, а не завоевание». Фон Кауфман обещает, что все будут «жить, как и прежде», свободно заниматься торговлей, «молиться в своих мечетях, судиться по шариату».

Раздел заключает уведомление фон Кауфмана о походе на Хиву (1873 г.). Генерал-губернатор с удовлетворением отмечает об «установившихся правильных отношениях между Бухарой и Россией» (то есть признание протектората) и уверяет, что этот поход тоже совершается во имя мира.

Таким образом, несмотря на разные подходы завоевателей Туркестана и Средней Азии, их легитимация собственно интервенции имеет общие черты. Перед нами пример скорее «азиатской» политической легитимации, имеющей вид декларации, в которой завоеватель заявляет о стремлении заменить несправедливого хана (*хакима*) на справедливого, в данном случае «Белого царя», чтобы дать «туземцам» «более лучшее управление»⁵⁵.

Б. М. Бабаджанов

Документы

[Обращение Черняева к ташкентцам]⁵⁶

В дату тысяча двести восемьдесят второго года [хиджры] шестого числа месяца сафар в пятничный день⁵⁷ по велению Великого⁵⁸ Белого падишаха Александра⁵⁹, мы – [Военный] Губернатор Черняев⁶⁰ – обращаемся к вам с такими словами.

О, жители Ташкента!

Вершите свои дела, не отступая ни в коем случае ни йоту от повелений Благословенного и Всевышнего Бога и разъясняющего религию (пророка) Мухаммада – благословения и приветствия Аллаха ему и всей его семье! – а так же, не отступая от предписаний благородного шари'ата Пророка и его сподвижников – благословение и приветствие им! Исполняйте [свои] обычаи, как это издревле было принято в этом краю. Читайте пятикратную молитву вместе с общиной и не нарушайте ни на минуту время их исполнения.

Муллы, живущие в медресе, пусть обучают студентов религии Мухаммада – да благословит и приветствует его Аллах! – и ни на один час, ни на одну минуту не задерживают пищу для этих студентов. И пусть смотрят за тем, чтобы подростки не пропускали ни одного дня обу-

---

выполняем великую миссию, первым апостолом которой был Александр Македонский, и расширяем границы цивилизованного мира. ... На это обширное поле нужно отправить нам побольше деятелей ... взятие Самарканда, а затем и Бухары было бы весьма важно в видах усиления нравственного влияния России в мусульманском Востоке» (По поводу взятия Самарканда // Биржевые ведомости. 17 августа 1868. № 217).

⁵⁵ Еще Эдвард Саид заметил по поводу намерения англичан дать египтянам «лучшее управление», что у самих египтян об этом не спрашивали (Саид Э. В. Ориентализм. СПб., 2006. С. 51-52).

⁵⁶ Перевод документа ранее был опубликован: Бабаджанов Б. М. Российский генерал-конквистадор в Русском Туркестане: Взлеты и падения генерала Черняева // CIAS Discussion Paper. Kioto, 2013. №35. С. 17-45.

⁵⁷ Соответствует 18 июня 1865 года по юлианскому календарю (30 июня по современному летоисчислению) и действительно приходится на пятницу.

⁵⁸ Здесь использовано слово «اولكان» (Великий), каковой эпитет «Белому царю» обычно прилагался в ряде тюркских языков. Подробнее об этом см.: Трепавлов В. В. «Белый царь»: Образ монарха и представлений о подданстве у народов России XV-XVIII вв. М., 2007. По-видимому, составитель документа был татарин, который, однако, хорошо знал чагатайский, персидский и арабский языки. Остроумов упоминает о тесных и давних отношениях Черняева с «татарин Хаджи Юнусовым». Михайлов А. Михаил Григорьевич Черняев. СПб, 1906. С. 10-11.

⁵⁹ Написано: «اسکندر» (Искандер). Имеется в виду Александр II (1855–1881).

⁶⁰ Написано: «چورنایوف» (Churnayuf).

чения в своих школах (мактаблар). Пусть собирают мальчиков в комнатах школ, и пусть они старательно учатся, и пусть [муллы] следят за тем, чтобы они не сидели без дела. А если дети будут бездельничать в своих комнатах, пусть секут их [путьями] и ругают, но не оставляют без внимания. А если родители детей проявят беспечность к [своим детям], то пусть их приведут к Ра'ису вилаята⁶¹, Кади ал-исламу⁶² и заставят отвечать согласно шари'ату Посланника Аллаха [пророка] Мухаммада – да благословит и приветствует его Аллах!

Пусть ремесленники занимаются своим ремеслом, смотрители базара пусть занимаются своими базарами и не ходят без дела. Земледельцы пусть с большим старанием занимаются своим земледелием. Пусть никто и ничего не оставляет на улицах. Пусть улицы содержатся в чистоте.

О наши граждане мусульмане!⁶³ Будьте бдительны, ибо в вашей почитаемой и благородной религии Мухаммада – да благословит и приветствует его Аллах! – запретно пить бузу, пить водку, играть в азартные игры и заниматься проституцией и мужеложством. Пусть все остере-дорогалбуются заниматься нововведениями (بدعت / бид'ат) и делами, противоречащими ному шари'ату. Пусть никто не занимается запретными и неодобряемыми шари'атом делами.

И еще пусть никто не обвешивает на весах и при продаже дров. Не брать денег за весы. Пусть мясники и другие торговцы не обвешивают никого и следят за своими разновесными камнями. Привратники⁶⁴ пусть не берут плату [за въезд]. Вакфы медресе и мечетей пусть не расточаются и используются по назначению⁶⁵, а распорядители вакфных имуществ пусть тратят средства по велению благородного шари'ата.

Повеление к квартальным старшинам (оксоколлар), исполнителям поручений и другим должностным лицам такое. Не посягать на права простых людей и бедняков на свою долю зерна и воды, отвергнув ошибки, которые были раньше и не создавать вокруг этого лишней волокиты. И еще вы не будете впредь заниматься содомией с подростками (бача-бозлик), устраивать игру на дойра с танцами⁶⁶. Если обнаружу такие деяния, я обязательно свершу наказание, какое смогу. Пусть все будут предупреждены на этот счет и будут впредь осторожны.

Кади-калан, кади ал-куддат, а'лам, муфтии и другие исполнители [судебно-правовых] дел пусть исполняют свои дела по велениям великого и почитаемого шари'ата Пророка, и пусть основываются на предписаниях шари'ата во всяком деле. И если нарушат [это повеление], они будут отставлены.

И еще предписание такое: будьте бдительны и осторожны, не собирайтесь без дела на улицах, не кричите друг на друга, не ругайтесь и не деритесь на улицах. В противном случае явятся солдаты⁶⁷ и могут наказать вас.

Пусть кадий-ислам берет по два целковых за религиозное освящение (ни-кох) первого брака; за последующие брачные контракты пусть ра'ис берет по одному целковому. Но с простых граждан и мелких служащих не будете брать ничего лишнего. И пусть не берут за приложение печатей [на документах]. Пусть а'ламы, муфтии, и ра'исы берут предписанную шари'атом плату, сверху пусть ничего не требуют.

⁶¹ Здесь – главный администратор.

⁶² Здесь – кадий с функциями арбитра.

⁶³ Так я перевел фразу «ای مسلمانان فقرارالیمیز» (Ey musulmon fuqarolarimiz). Это, пожалуй, единственное нетрадиционное для местных условий обращение в этом письме, зато звучащее вполне в стиле М. Черняева, риторика которого была серьезно связана с желанием внедрить основы российского гражданского права в среде «туземцев».

⁶⁴ دروزه بانلر. Видимо, имеется в виду охрана городских ворот.

⁶⁵ В русском переводе серьезное искажение: «На занятые деньги из мечетей проценты их доставлять своевременно». Такое нарушение предписаний едва ли допустимо, даже если иметь в виду имевшее место нецелевое использование и коррупцию в системе вакфов.

⁶⁶ Имеются в виду развлечения во время особых сборищ на праздники с танцами подростков / бача (см.: Хороших А. Очерки Ташкента // Русский Инвалид. 1867. № 94, 113, 243. С. 211-214 (ТС. Т. 1. С. 205-214).

⁶⁷ Имеются в виду русские солдаты.

Любые участки земли, которые в прежние времена были утверждены в качестве шариатского наследства, должны быть освобождены [от претензий] и не должны облагаться хараджем⁶⁸ и другими [налогами] до скончания жизни на Земле. Однако если имеются другие виды обрабатываемой земли, взятые по документам от бывших правителей (подшохардин), несли есть на них документы о наследовании, то с них берется харадж в размере одной десятой [от урожая] пшеницы, ячменя, дыни или других видов урожая.

Элита, простолюдины и все подданные этого края должны твердо следовать сказанному [выше], и мы^у тоже будем следовать сказанному твердо и до самого Судного дня.

И еще. Ваши дворы с деревьями и садами – это ваше личное имущество, и на это у нас нет никаких притязаний. И еще, из вас никто не будет браться в солдаты, как это принято у нас. Мы не будем никого различать по национальности⁶⁹. На постой [к вам в дома] солдаты допускаться не будут. К воротам ваших домов солдаты подходить не будут, если будут, то дайте нам⁷⁰ знать, мы их накажем.

Вам оказано много милостей [от нас], теперь и вы молитесь много за Великого Белого царя.

Если человек убьет другого человека или будут ограблены торговцы и караваны, таких преступников будем судить по русским законам. И если кто-то из вас умрет, то пусть его наследство берут его потомки или его [близкие] люди; мы из этого [наследства] ничего брать не будем. На следующий год будет так, как это пожелает Великий Белый царь, сверх того, что [нами] даровано.

Печать Черняева: «اوروس پادشاه ني ننگ مي ننگ باشی مي کاي ل چرن اي وف» – «Мингбаши [командующий войсками] Русского падишаха Микаил Чирняйуф».

ЦГА РУз. Ф. И-17. Оп. 1. Л. 9679. Л. 116-116 об. Подлинник. Рукопись арабским шрифтом. Перевод Б. М. Бабаджанова.

Прокламация к жителям Самарканда № 1

Жители Самарканда (Бухары)

Шесть месяцев забочусь я по воле моего государя о даровании Вам мира и спокойствия. Белый Царь не ищет завоеваний. Ваш Государь или не понял или не хочет понять моих добрых намерений. А вместо принятия выгодных условий мира собирает войска и народы на войну с Россией. Я хочу употребить все меры, чтобы не было народного бедствия, сопряженного с войной. Иду против Эмира, но не стану обижать народ, который меня не тронет, ибо Белый Царь дает благо, а не зло народам. Если Вы сделаете так, чтобы предложенный мир был немедленно принят и докажете мне правдивость Вашу, то кровь не будет литься и выведу войска. Цель войны Белого Царя есть мир, а не завоевание. Не теряйте времени. Джизак, 22 апреля 1868 г.

Подписал Туркестанский Генерал-Губернатор Генерал-Адъютант фон Кауфман 1-й.

ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 34. Д. 8. Л. 136-136 об. Копия. Рукопись.

Прокламация к жителям Бухары, посланная из Самарканда. 7-го Мая 1868 г.

⁶⁸ Харадж – здесь налог на урожай. Его размер зависел от некоторых условий земледелия (например, естественный или искусственный полив и проч.) и мог достигать 10 и более процентов от урожая.^у То есть колониальные власти.

⁶⁹ Буквально: «Мы не скажем – это казах, а это русский». Это место также искажено в русском переводе.

⁷⁰ То есть колониальной администрации города.

Улемам, купцам и всем жителям Бухары Господь всегда наказывает неразумных людей. По воле Великого Государя моего шесть месяцев я предлагал Бухаре прочный мир с Россией, мир, выгодный для Вас, соседей могущественной России. Музаффар-Эдин не понял добрых намерений Белого Царя и не хотел знать пользы народа. Он обещал заключить мир, но обманывал меня и не выполнил обещания. Дабы получить обещанный мир и успокоить народы, я с войском пошел к Самарканду, перед Самаркандом встречен был войсками эмира, часу времени достаточно было, чтобы их разбить и прогнать. Жители Самарканда открыли мне ворота и просили принять их в подданство Белого Царя. Городу и окрестным жителям оказана милость: все занимаются теперь свободно торговлей и промыслами, молятся в своих мечетях, судятся по шариаду и счастливы, получив наконец желанное спокойствие.

Я не хочу проливать мусульманской крови и потому не хочу идти в Бухару. Белому Царю не нужно более народов и земель; не допустите Музаффар-Эди-на собирать войска и драться с русскими во вред народу и на погибель Бухары. Пришлите мне депутатов Ваших из хороших людей, и я объявлю им, чего желает Белый Царь⁷¹.

Торопитесь, чтобы не было поздно.

Самарканд. Мая⁷²1868.

Подлинное подписал Туркестанский Генерал-Губернатор и Командующий войсками Туркестанского Военного Округа, Генерал-Адъютант фон Кауфман 1-й.

ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 34. Д. 8. Л. 177а – 177а об. Копия. Рукопись.

Письмо К. П. фон Кауфмана Бух[арскому] эмиру с сообщением о походе на Хиву⁷³

Ваше Высочество!

Спешу уведомить Вас, как доброго соседа, о благополучном возвращении из Петербурга, где я имел счастье лично докладывать моему Августейшему Повелителю, Государю Императору, о положении дел в Бухаре. Его Императорское Величество, узнав о существующей между нами дружбе и об установившихся правильных отношениях между Бухарой и Россией, Всемилостивейше высказал мне высокое Свое удовольствие по этому поводу и выразил надежду, что настоящее положение дел и доброе согласие между нами не нарушатся, для пользы Вашего Высочества и для спокойствия обеих сторон.

Вашему Высочеству хорошо известно, как я старался достичь таких же отношений к Хиве путем мирных соглашений. Но Хан Хивинский не принял моих предложений и не послушался Ваших добрых советов. Ныне настало время наказать упрямого соседа. По Высочайшему Государя моего повелению я с частью вверенных мне войск двигаюсь теперь из Джизака вдоль северной границы Ваших владений по направлению к Хиве. Согласно данному Вам прежде обещанию сообщаю Вам об этом Высочестенный Эмир, и прошу Вас принять надлежащие меры к прекращению всяких ложных толков и к успокоению умов. Пришлите мне ответное письмо с надлежащим верным человеком, который во время движения нашего на Хиву состоял бы при мне как посланник дружественного соседа, с которым я мог бы посоветоваться и чрез которого я сообщил бы Вам о ходе дел. Присылкою такого человека в отряд народ успокоился бы, увидев в этом доказательство прочных дружеских отношений между нами.

Письмо это посылаю с известным Вам Бердыкулом Чегиром, которого прошу Ваше Высочество немедленно отправить обратно с известием о Вашем здравии.

---

⁷¹ «Белый Царь» – так народы Средней Азии называли русского императора.

⁷² Число не указано.

⁷³ В этом же деле на лл. 3-3 об. имеется чагатайский текст этого письма.

Желаю Вам от всей души всякого счастья и благополучия⁷⁴.

ЦГА РУз. И-1. Оп. 34. Д. 193. Л. 4-4 об. Подлинник. Рукопись.

---

⁷⁴ Подпись отсутствует.

1.3. «Сопредельные ханства» под российским протекторатом

Взаимоотношения генерал-губернаторства и высших властных инстанций метрополии с ханствами в Средней Азии изучаются исследователями давно. В этом разделе мы постарались подобрать несколько документов, которые крайне редко становились предметом исследований ученых, кто занимался соответствующими проблемами.

Раздел открывает несколько писем из довольно обширной переписки кашгарского владельца Яа'куб-бека Бадавлата с высокопоставленными чиновниками в Петербурге (публикуется также краткий ответ самого императора Александра II). Эти письма почти не использовались в работах исследователей, и потому, надеемся, вызовут определенный интерес (в том числе – более обширная корреспонденция из этого же дела).

Как видно из части этой переписки, сам Яа'куб-бек отправлял свои запросы и конкретные просьбы на имя Александра II, следуя принятой в Средней Азии традиции, когда хан (султан, амир) общается напрямую другим правителем, то есть как с себе подобным. Между тем во всех опубликованных письмах адресаты Яа'куб-бека настойчиво отсылают его к фон Кауфману как полномочному представителю Российской империи. По-видимому, самого Яа'куб-бека такой статус не устраивал, тем более Кашгар не переходил под протекторат России, подобно соседним ханствам.

Интересно также, что переписка, судя по другим письмам в этой же папке, продолжалась до 1876 г., то есть до ликвидации Кокандского ханства, каковой шаг связывают с именем фон Кауфмана. С этого момента, видимо, взаимоотношения Яа'куб-бека и России сильно испортились, поскольку правитель Кашгара рассматривал Коканд как территорию своего влияния.

Как отдельные примеры взаимоотношений Хивинского ханства с колониальными властями здесь публикуется часть весьма обширной корреспонденции по поводу «специальных эмиссаров» хивинского хана, которые собирали *заят* с подданных или «решали иные особые предписания» хана на территории Закаспийской области. Отношение к такого рода «миссиям» было неоднообразным, что мы постарались показать в публикуемой корреспонденции. С одной стороны, решение такого рода дипломатических и экономических проблем рассматривалось как «нравственная поддержка Хану», которая должна служить «упрочению русского влияния в Хиве, а с другой – к сохранению спокойствия в местах скопления Хивинских подданных в пределах русской территории».

С другой стороны, иногда присутствие на территориях «имперского контроля» хивинских подданных (со специальными поручениями хана) воспринимались как прецеденты «нарушения договоренностей», либо как возможные причины «нарушения спокойствия подданных». Кроме того, респонденты хивинского хана старались внушить ему, что «предложения русских властей, сообщенные на его заключение, всегда направлены, между прочим, к пользе управляемого им народа». Однако мнения облагодетельствованного «народа» никто не удосужился спросить.

Еще больший объем переписки русских чиновников разного ранга (как местных, так и из метрополии) отложился в архивах относительно взаимоотношений с Бухарским ханством. Как самый показательный пример, мы выбрали «Пояснительную записку Министерства иностранных дел» по поводу документа, составленного тогдашним генерал-губернатором Самсоновым и названного «Особое мнение». С особым мнением генерал выступил по поводу различных вопросов взаимоотношений с Бухарским ханством. Пояснительная записка весьма рельефно отразила обычные противоречия между военными чиновниками на местах и Министерством иностранных дел, которое часто оглашало весьма резонные и взвешенные аргументы относительно разных вопросов «восточной политики», особенно в отношениях с ханствами, находя-

щимися под протекторатом Российской империи. По этой причине «Особое мнение» генерала Самсонова лучше рассматривать в контексте упомянутой Пояснительной записки МИД.

Основной вопрос, поднятый на специальном Совещании (январь 1910 г.), касался проблемы возможного присоединения Бухары к Российской империи. Министерство заявляет, что этот вопрос обсуждается уже почти полвека, однако всегда наталкивается на сложности, главным образом – политического и особенно экономического порядка. Поэтому Пояснительная записка комментирует этот проект так: «...чем позднее состоится фактическое присоединение среднеазиатских ханств к России, тем лучше для нас».

Министерство, поправляя Самсонова, также полагает, что любые запросы и предложения российской стороны выполнялись «при самом полном содействии Правителя ханства», даже тогда, когда ущемлялись экономические интересы Бухары, например после включения ханства «в черту» и после фиксации курса бухарской монеты. Попытки эмира возместить понесенные убытки в Министерстве воспринимают как вполне естественные шаги, в отличие от попыток генерала Самсонова расценить это требование как желание Бухары демонстративно проявить «неблагодарность и непокорность».

Серьезной и совершенно уместной критике Министерство подвергло мнение Самсонова относительно неэффективности работы Политического агентства в Бухаре. Составитель Пояснительной записки замечает, что нельзя путать понятия «невмешательство» и «неосведомленность». Министерство настаивало на невмешательстве во внутренние дела ханства и объясняло, почему этого не стоит делать. Генерал Самсонов, в полном соответствии со сложившейся традицией взаимоотношений ханства и его службы, настаивал на том, что Политическое агентство и, значит, его служба не должны были «проглядеть» шиитскую резню начала января 1910 г. Министерство предлагает спокойней относиться к такого рода столкновениям, так часто повторяющимся в мусульманском мире и не сеять панику. В таком же духе Самсонов делал вывод, что в Бухарском ханстве ожидается «неминуемая общая вспышка», на что министерство отвечало, что «подобные заявления Министерство Иностранных Дел слышит уже свыше 30 лет, и, однако, предсказания в этом смысле никогда не осуществлялись». В таком же критическом и остужающем духе составлены и другие замечания Министерства иностранных дел, вновь демонстрируя более взвешенные подходы в решении ряда вопросов взаимоотношений России с ханствами Средней Азии.

Таким образом, мы видим разные подходы чиновников и дипломатов к решению большинства принципиальных проблем, которые часто возникали во взаимоотношениях с ханствами в Средней Азии. Судя по общей картине, хрупкий баланс в этом негласном противостоянии форм политики чаще решался в пользу таких учреждений вроде Министерства иностранных дел.

Еще один документ, привлечший наше внимание, – «Докладная записка» редактора газеты «Туркестанские ведомости» Е. К. Михайловского, – формально был посвящен анализу состояния вассальной от России Бухары, но на самом деле носил гораздо более обобщающий характер и представлял собой обзор политической ситуации на всем Среднем Востоке в начале XX в. Объяснение появления этого материала заключалось в том, что царские чиновники из русских владений в Средней Азии, объединенных в 1967 г. в Туркестанское генерал-губернаторство, не могли не быть обеспокоены происходившими на Востоке процессами. Особое значение для всех европейских администраторов, в том числе царской бюрократии Петербурга и Ташкента, имело нарастание мусульманского движения, приобретавшего в первые годы XX столетия все более значительный размах⁷⁵. Естественно, первостепенную и тревожную роль

---

⁷⁵ Главное внимание мусульманскому движению в России уделяли центральные и местные структуры МВД. Об источниках по их деятельности в данном направлении см.: *Арапов Д. Ю., Котюкова Т. В.* Архивные материалы Министерства внутренних дел Российской империи о мусульманском движении начала XX века // Вестник Института Кеннана в России. 2004. Вып. 6. С. 57-82.

«исламский фактор» играл для властей Русской Средней Азии, где мусульмане составляли более 90% населения.

Центральной темой записки Е. К. Михайловского стал анализ положения дел в самом значительном вассальном владении империи в Туркестане – Бухарском ханстве⁷⁶. Трехмиллионная Бухара в 1868-1873 гг. признала свою политическую зависимость от царской России, отказалась от ведения самостоятельной внешней политики, но сохранила известную внутреннюю автономию. За это бухарские эмиры получили не только различные чины и награды, но уже после 1868 г. закрепили за собой ряд новых территорий (Восточную Бухару, Шахрисабз, Припамирские бекства)⁷⁷.

Внешне власть эмиров над их подданными была абсолютно не ограниченной, но в реальности эмиры должны были постоянно считаться с мнением могущественной корпорации мусульманского духовенства (*улема*). Особую роль в жизни ханства играл его первый министр (*кушбеги*), который одновременно являлся управителем столицы государства (Старой Бухары) и должен был постоянно находиться в городской цитадели (*арке*) во время отсутствия в городе своего государя⁷⁸.

Непосредственным поводом для создания записки 1912 г. стала проблема судьбы бывшего бухарского *кушбеги* Астанкула. Как видно из содержания текста документа, Михайловский выступал в качестве своеобразного адвоката этого бухарского сановника и считал, что восстановление при поддержке России авторитета Астанкула в Бухаре будет способствовать лучшей защите русских интересов при эмирском дворе.

К сожалению, предпринятые нами поиски не принесли каких-либо ощутимых результатов, и мы не располагаем сколь-нибудь достоверными биографическими сведениями о самом Е. К. Михайловском. Адресатом данного документа является военный министр России в 1909-1915 гг., генерал-адъютант В. А. Сухомлинов.

В 1910-1914 гг. в Петербурге постоянно обсуждался вопрос о дальнейшей судьбе Бухары в целом. Туркестанский генерал-губернатор А. В. Самсонов настаивал на скорейшей ликвидации вассалитета Бухары как «главного очага мусульманства в Туркестане» и непосредственном включении ее территории в состав Туркестанского генерал-губернаторства. Однако в Петербурге сочли пока нецелесообразным что-либо менять в «патриархальном быте» Бухары, опасаясь вызвать активизацию враждебных самодержавию настроений как среди туркестанских мусульман, так и за рубежом.

По нашему мнению, предлагаемая вниманию читателей записка Е. К. Михайловского не только является ценным источником по истории мусульманского мира Бухары и Туркестана накануне начала Первой мировой войны, но и позволяет яснее понять суть явлений, происходивших в исламской среде сопредельных с Россией азиатских стран. Анализ содержания этого документа дает возможность лучше представить истоки многих духовных и политических процессов в жизни мусульманского Востока последних десятилетий XX столетия.

В XVIII—XIX вв. хивинские ханы находились в некоторой зависимости от туркменской родо-племенной знати, поставлявшей им войска и оказывавшей сильное влияние на внутреннюю политику. После установления российского протектората ситуация изменилась. Ханы меньше стали прибегать к помощи туркмен, опираясь на царские войска.

⁷⁶ Со времени установления правления династии Мангыт (1753-1920) в Бухаре более точным названием государства был термин «эмират», однако, в силу господствующей традиции, в русских источниках и литературе на протяжении XIX – начала XX в. по отношению к Бухаре одновременно продолжал применяться термин «ханство».

⁷⁷ Арапов Д. Ю. Бухарское ханство в русской востоковедческой историографии. М., 1981. С. 7-8.

⁷⁸ Поскольку в 1897 г. эмир Абдулахад-хан, поссорившись с местным духовенством, навсегда оставил столицу ханства, бухарский кушбеги Астанкул вплоть до кончины Абдулахад-хана в 1910 г. 13 лет непрерывно пребывал на территории арка (центральной части города), не имея права оставить его стены.

В рамках своего вассального статуса ханство сохранило формальную независимость относительно проведения внутренней жизни, но политические и социально-экономические проблемы периода Первой мировой войны не обошли его стороной.

В начале 1912 г. в Хиве было решено провести налоговую реформу. Она заключалась в значительном увеличении налогов с туркменских племен⁷⁹. Это вызвало резкое недовольство последних, вылившееся к осени 1912 г. в вооруженное восстание. Ханским войскам не удалось подавить это движение. Хива обратилась за помощью к России, и для умиротворения восставших были присланы войска Туркестанского военного округа. Мятеж продолжался вплоть до 1915 г. и был подавлен только при помощи русских войск⁸⁰.

Летом 1915 г. в Хиву прибыл помощник военного губернатора Сырдарьинской области генерал-майор Г. А. Геппенер, наделенный широкими полномочиями и призванный разобраться в ситуации. По поводу создавшейся ситуации министр иностранных дел С. Д. Сазонов писал: «...необходимо во что бы то ни стало действовать умиротворяющим образом, чтобы избежать волнений и беспорядков, которые в настоящую минуту более чем когда-либо нежелательны»⁸¹.

Деятельность Геппенера послужила основанием для обращения Туркестанского генерал-губернатора Ф. В. Мартсона в Военное министерство с предложением учредить, должность постоянного представителя русского правительства в Хиве с правами военного губернатора.

После военной кампании в Хиве 1873 г. и подписания мирного договора из земель, расположенных на правом берегу Амударьи, в 1874 г. была образована особая административная единица – Амударьинский отдел, введенный в состав Сырдарьинской области. Одной из основных задач начальника отдела был контроль за политической ситуацией в Хиве. Он осуществлял связь между Россией (через туркестанского генерал-губернатора) и Хивинским ханом. Для этих целей в ханстве была создана специальная канцелярия⁸².

Чтобы сохранить свою власть Асфендиар-хан должен был делать регулярные так называемые «добровольные пожертвования» начальнику Амударьинского отдела. От степени «сердечности» личных отношений хана и начальника отдела зачастую зависело решение многих первоочередных для ханства вопросов. В описываемый период начальником отдела был полковник В. П. Колосовский, который неоднократно упоминается автором в публикуемом документе.

В итоге военный министр отказался от предложения Мартсона, стоя на позициях невмешательства в хивинские дела⁸³.

В январе-феврале 1916 г. волнения в ханстве возобновились. Под руководством Джунaid-хана туркмены начали наступление на города Хивинского ханства, захватив 13 февраля столицу ханства. В этой ситуации в Хиву были введены дополнительные русские войска, но даже после этого правительство осталось на позициях сохранения внутренней самостоятельности ханства.

«Записка» А. М. Кислякова содержит интересное и достаточно подробное описание туркменского восстания в Хивинском ханстве в начале 1916 г. и причин его возникновения, с комментариями и попытками аналитического обобщения событий. Автор крайне негативно

---

⁷⁹ В Хивинском ханстве жили в основном два крупных туркменских племени – йомуды и чау-доры. В этот период они уже в основном вели оседлый образ жизни и занимались земледелием.

⁸⁰ *Погорельский И. В.* Очерки экономической и политической истории Хивинского ханства. Конец XIX – начало XX в. Л., 1968. С. 91.

⁸¹ Международные отношения в эпоху империализма: Документы из архивов царского и временного правительств 1914-1917 гг. Серия III. Т. 8. М. -Л., 1935. С. 193.

⁸² Документы этой канцелярии отложились в фонде И-125, Канцелярия хана хивинского, в Центральном государственном архиве Республики Узбекистан (ЦГА РУз).

⁸³ *Бахтурина А. Ю.* Окраины Российской империи: государственное управление и национальная политика в годы Первой мировой войны (1914-1917 гг.). М., 2004. С. 330.

оценивает как действия русской администрации в Аму-дарьинском отделе, так и ее влияние на ханское правительство. В конце он задает главный вопрос – нужна ли самостоятельность такого, по образному выражению Кислякова, «бутафорского государства» как Хива? И тут же дает на него однозначный ответ – оно должно прекратить свое существование и слиться с империей.

«Записка» была адресована лидеру кадетской партии П. Н. Милюкову. Сложно ответить на вопрос, почему именно к нему обратился служащий отделения Русско-Азиатского⁸⁴ банка Кисляков. Возможно, потому, что, будучи одним из известнейших политических лидеров России того времени, Милюков много занимался российской региональной, т.е. «окраинной», политикой и национальным вопросом⁸⁵.

Б. М. Бабаджанов, Т. В. Котюкова

Документы

Копия с письма Военного Министра Кашгарскому владетелю, Мухамед Якуб-Беку от 14 Августа 1873 г.

Ваше Высочество!

С особым удовольствием я узнал еще в начале сего года что в ответ на Всемило-стивейшее соизволение Государя Императора, моего Августейшего Повелителя, принять в своей столице Вашего Посланника, Ваше Высочество не замедлили отправить в С.-Петербург одного из ближайших советников, Мулла-Турап Ходжу Умара, с письмом, выражающим Вашу преданность и дружбу Его Императорскому Величеству.

Великий Государь мой соизволил благосклонно принять письмо Ваше от почтенного Муллы-Турапа и выразить надежду, что установившиеся добрые отношения между Империей Его Величества и Вашими владениями будут поддерживаться ненарушимо и на будущие времена. Выбор, сделанный Вашим Высочеством при назначении посланника в Петербург, свидетельствует о Вашем искреннем желании поддерживать дружбу с Россией, чему я душевно радуюсь. Почтенный представитель Ваш Мулла-Турап-ходжа имел высокое счастье понравиться моему Великому Государю и удостоиться неоднократных знаков милостивого внимания Его Величества, а также Августейших Членов Императорской Фамилии. Посланник Вашего Высочества был принят с радушием и почетом, на которое он имел право не только как гость доброго соседа России, но и по своим личным качествам.

Мулла-Турап-ходжа передаст Вам, без сомнения, все то, что он здесь видел и слышал, и я убежден, Высочестенный Бадаулет, что в его словах Вы найдете беспристрастное доказательство того искреннего расположения к Вам, которое отразилось и на приеме Вашего посланника в Петербурге. Будьте уверены, что расположение это может только укрепиться при Вашем твердом и неуклонном намерении жить в добром согласии с Туркестанским Генерал-Губернатором, уполномоченным представителем моего Августейшего Государя в Средней Азии.

Я прошу посланника Вашего передать Вашему Высочеству настоящее письмо и молю Всевышнего, да сохранит Он дни Ваши на благоденствие Ваших подданных и для развития и упрочения наших соседских отношений.

(Подлинный подписал Военный Министр Генерал-Адъютант Милютин.)

ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 34. Д. 213. Л. 6-6 об. Копия. Машинопись.

---

⁸⁴ Отделение Русско-Азиатского банка было открыто в Новом Ургенче в 1910 г.

⁸⁵ См.: Милюков П. Н. Национальный вопрос (происхождение национальности и национальные вопросы в России). М., 2005.

Копия с письма Управляющего Министерством Иностранных Дел Кашгарскому владетелю, Мухамед Якуб-Беку, от 14 Августа 1873 г.

Высокостепенный Бадаулет!

Государю Императору, моему Августейшему Повелителю, благоугодно было, в письме на Ваше Имя, изъявить удовольствие, с которым Его Величество принял письмо, представленное Посланцем Вашим Мулла-Турап-Ходжою.

Вместе с тем Государь Император поручил мне, как Управляющему Министерством Иностранных Дел Российской Империи, сообщить Вам, что Его Величеству было особенно приятно убедиться, как из содержания письма, так и из слов посланца Вашего, что Вы вполне сознаете всю важность и необходимость установления торговых и соседственных отношений к России. Вследствие сего и в знак расположения к Вам Государь Император изволил принять подарки, Вами присланные, и изъявить Вам свою признательность, как за присылку оных, так в особенности за выражение чувств приязни и добрых намерений Ваших.

Нельзя сомневаться в том, что распространение торговых предприятий и содействие всем тем, которые преследуют мирные промышленные цели, послужат лучшим средством к скреплению мира и взаимного доверия.

Прочное начало выгодному для обеих сторон порядку вещей положено тем торговым договором в пяти пунктах, который Вы подписали вместе с Туркестанским Генерал-Губернатором Генерал-Адъютантом фон Кауфманом, который облечен полным доверием Его Императорского Величества и уполномочен, как Вам известно, для ведения всех дел с соседними странами. А потому если Вы признаете нужным обратиться к нему по какому-либо делу, то Вы можете быть уверены в том, что каждый вопрос будет обсужден им с полной справедливостью и ответы его будут клониться к достижению обоюдной пользы.

Посланец Вашего Высочайшего по возвращении своем в Кашгар передаст Вам слова Его Императорского Величества, выражающие чувства высочайшего к Вам расположения, а также сообщит Вам подробности вполне дружеского приема, который ему был сделан.

С Муллою Турап-Ходжою отправлены также знаки внимания, оказанные Его Императорским Величеством как Вам, так и двум сыновьям Вашим.

Затем молю Всевышнего, дабы Он сохранил дни Ваши и ниспослал Вам всякого благополучия и успеха.

(Подлинный, подписал Управляющий Министерством Иностранных Дел.)

ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 34. Д. 213. Л. 7-7 об. Копия. Машинопись.

**Письмо к Государю Императору Кашгарского владетеля Якуб-Бека.
Сентября 1874 г.**

Перевод с персидского

Хвала и Слава Богу Всевышнему.

Его Величеству Славнейшему и Доблестнейшему Шахиншаху и Могущественнейшему Монарху, Избранному Государю, виновнику⁸⁶ мира и благоденствия, покровителю своих приверженцев и победителю врагов.

Всемиловитейший Государь, нелицемерный и преданный слуга Вашего Величества не оставляет молить Бога о долголетьи и благоденствии Вашем.

---

⁸⁶ Очевидно, ошибка в переводе. Должно, видимо, быть: «опоре мира и благополучия».

Сохраняя свято условие договора, заключенного обоими высокими Государствами, постоянно забочусь я о соблюдении интересов Вашей стороны и поддерживаю, по возможности, дружеские отношения с пограничными властями. Желание приобрести для спокойствия моего народа благосклонность и одобрение Вашего Величества, составляет всегдашнюю и главнейшую цель моей жизни.

Уповаю вполне, что меня, низжайшего, Вы благоволите считать одним из преданных слуг и не лишите меня по свойственному Вашему Величеству, как тени Бога на земле, великодушию Вашего благорасположения.

В последнее время низжайший слуга Ваш осведомился о сочетании браком многолюбимой Вами дочери Вашей с сыном Английской Королевы. С целью принести Вашему Императорскому Величеству поздравление с сим счастливым событием, я отправил к Высочайшему Двору Вашему уполномоченного своего Сеида Якуб-Хана, поручив ему при этом переговорить с Вашими правительственными лицами обо всем, что может клониться к благу обоих высоких Государств и благоденствию их народов; а затем, заслужив удовольствие Вашего Величества, возвратиться через Ташкент.

Все указания Вашего Величества, клоняющиеся к обоюдной пользе, будут приняты с уважением упомянутым [у]полномоченным. Слова уполномоченного, какого бы предмета они ни касались, прошу Ваше Величество принять за мои собственные.

Молю Бога об исполнении всех желаний Ваших.

ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 34. Д. 213. Л. 8-8 об. Копия. Машинопись.

**Копия с письма Государя Императора к Кашгарскому владельцу Якуб-Беку.
5 Сентября 1875 г., г. Киев**

Кашгарскому Владетелю Мухамед-Якуб-Беку

Посланец Вашего Высочества Сеид-Якуб-Хан представил мне письмо Ваше.

Благодарю Вас за принесенное поздравление по случаю бракосочетания любезнейшей дочери моей с сыном Английской Королевы, Герцогом Эдинбургским. Брак этот упрочил дружественные связи, существовавшие между обоими Высокими Государствами.

С удовольствием Я усмотрел также из письма Вашего о твердом намерении Вашем свято сохранять условия договора, заключенного с Вами и поддерживать дружественные и миролюбивые отношения с Нашими пограничными властями. Продолжая действовать таким образом, Вы приобретете и на будущее время право на Мое благорасположение к Вам, упрочите власть Вашу и положите твердое основание благоденствию народа Вашего.

Вы пишете в письме Вашем, что посланец Ваш возвратится в Кашгар через Ташкент; это согласуется вполне и с моим желанием; Я надеюсь, что свидание его с Туркестанским Генерал-Губернатором, который уполномочен Мною вести переговоры по делам со всеми соседними Нам среднеазиатскими владельцами, будет содействовать к упрочению дружественных отношений между Вами и Нашими властями, а через это и к развитию торговых сношений между обоюдными подданными. Желаю Вашему Высочеству успеха во всех благих начинаниях Ваших.

(На подлинном написано собственною Его Императорского Величества рукою «Александр».)

ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 34. Д. 213. Л. 9-9 об. Копия. Машинопись.

Начальник Аму-Дарьинского отдела Начальнику Канцелярии Туркестанского Генерал-Губернатора. 13 Ноября 1893 г. № 288. Петро-Александровское⁸⁷

[Ответ] на № 562

В Канцелярию Туркестанского Генерал-Губернатора

На запрос канцелярии о том, как должно признавать проживающего в г. Асхабад Хивинского аксакала Вейс-Кару, имею честь сообщить, что Вейс-Кара командирован Ханом Хивинском в г. Асхабад по делам, касающимся его подданных, и является, таким образом, лицом уполномоченным Правительством Ханства. При этом имею честь уведомить канцелярию, что в феврале месяце текущего года в мое отсутствие при рапорте за № 288 исправляющим должность Начальника Отдела Капитаном Сусаниным было препровождено к Начальнику Закаспийской области письмо Хана, просившего оказывать содействие Вейс-Каре в наблюдении за хивинцами, которые оказывали ему непослушание. Означенное письмо Хана Хивинского, по моему мнению, может вполне служить основанием к выдаче Вейс-Каре просимого им открытого листа и об оказании ему в случае надобности содействия со стороны Администрации Закаспийской области, так как без такого содействия Вейс-Кара лишен возможности успешно выполнять возложенные на него Ханом Хивинским поручения по делам, касающимся Хивинских подданных, как проживающих в г. Асхабад, так и прибывающих туда на время с торговыми караванами из Хивы. Содействие, оказываемое Администрацией Закаспийской области Вейс-Каре, будет являться тою нравственной поддержкой Хану, о которой упоминается в предложении бывшего Туркестанского Генерал-Губернатора Генерал-Адъютанта Розенбаха от 24 Октября 1886 г. за № 291, так как оно будет служить, с одной стороны, упрочению русского влияния в Хиве, а с другой – к сохранению спокойствия в местах скопления Хивинских подданных в пределах русской территории.

Начальник Отдела, Генерал-Майор⁸⁸

Правитель Дел, Поручик⁸⁹

Письмоводитель⁹⁰

ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 29. Д. 1039. Л. 3-3 об. Подлинник. Рукопись.

Туркестанский Генерал-Губернатор Начальнику Аму-Дарьинского Отдела. 6 Февраля 1898 г. № 56, г. Ташкент⁹¹

Господину Начальнику Аму-Дарьинского Отдела.

Из письма Вашего Высокоблагородия от 16 Января за № 517 видно, что Хивинские власти учредили в гг. Чарджуе, Мерве и Асхабаде своих аксакалов, возложив на них сбор закята с Хивинских подданных, отправляющих наши и персидские товары в пределы Хивинского Ханства и выдачу паспортов проживающим в названных пунктах подданным Его Сиятельства, причем аксакалы эти собирают вместе с тем и разного рода денежные сборы с хивинцев, привозящих в Чарджуй, Мерв и Асхабад разные продукты хозяйства и пригоняющих для продажи скот, увеличивая таким образом ценность хивинских продуктов в русских пределах.

---

⁸⁷ Пометка на документе: «Получено 26 Ноября 1893 г.».

⁸⁸ Подпись неразборчива.

⁸⁹ Подпись неразборчива.

⁹⁰ Подпись неразборчива.

⁹¹ В документе много поправок и приписок.

Ввиду этого и принимая во внимание что учреждение Хивинским правительством такого рода должностей в русских пределах не предусмотрено договором (неразборчиво)⁹² 1873 года, признаю невозможным допустить дальнейшее пребывание в названных должностях лиц в русских городах и прошу Ваше Высокоблагородие предложить Хивинскому Правительству немедленно упразднить означенные должности аксакалов в городах Закаспийской области и Чарджуе.

Подписал Генерал-Лейтенант барон Вревский. Скрепил Управляющий Канцеляриею Несторовский.

ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 29. Д. 1039. Л. 6. Черновик. Рукопись.

Туркестанский Генерал-Губернатор Начальнику Аму-Дарьинского отдела. 14 Января 1897 г. № 36

Проект. Копия. Секретно

Его Высокоблагородию А. С. Галкину.

Милостивый Государь, Александр Семенович Вследствие письма Вашего от 3-го минувшего Декабря за № 88 считаю нужным сообщить следующее:

Русские власти Туркестанского края должны поддерживать существующее в Хивинском ханстве правительство, устраняя обстоятельства, могущие повести к нарушению порядка и спокойствия в ханстве; в случае же смерти хана для нас необходимо поддержать признанного Русским Правительством наследника его. Действия русских властей, направленные к выполнению этой задачи, должны быть очевидно тверды и настойчивы, но, однако же, без вмешательства во внутреннее управление народом ханства. Что же касается собственно законных требований русских властей, то таковые не могут оставаться невыполненными со стороны ханского правительства, и в этом отношении следует сохранить наше достоинство не только в глазах ханских чиновников, но и среди населения ханства.

На факты открытого заявления нерасположения к русским кого-либо из ханских сановников должно быть обращено внимание самого хана с предупреждением что в случае повторения таких факторов будет сделано соответственное представление Главному Начальнику края.

По имеющимся сведениям, я не имею оснований опасаться что здоровье Сеид-Мухамед-Багадур-хана может свести его могилу в течение 2—3 месяцев. Во всяком случае, вступление на его место Асфендияра-Тюри не должно, казалось бы, вызвать каких-либо осложнений, так как Асфендияр-Тюре как признанному Русским Правительством наследнику хана мы должны оказать возможное содействие.

Но если бы действительно произошли столь серьезные беспорядки в ханстве⁹³, что потребовалось бы занятие ее русскими войсками и, следовательно, уничтожение самостоятельности ханства, то для этого будет, очевидно, недостаточно даже и двух батальонов. Такой нежелательный результат мы обязаны предупреждать или по крайней мере отдалять всеми зависящими от нас мерами.

Сообщая о вышеизложенном, прошу Вас при личном свидании с ханом хивинским объяснить ему от моего имени, что предложения русских властей, сообщенные на его заключение, всегда направлены между прочим к пользе управляемого им народа, и потому ответы на

---

⁹² Очевидно, имелся в виду Гандумянский договор, подписанный после поражения Хорезма фон Кауфманом и хивинским ханом Мухаммад-Рахимом II.

⁹³ Имеется в виду намерение сместить Саййид-Мухаммад-Рахим-хана, закончившееся неудачей оппозиционеров.

разного рода запросы русской власти задерживать не следует без вполне уважительных к тому причин.

Затем, если бы, несмотря на принятые меры, хивинские чиновники продолжали игнорировать заключенные Вами требования, то об этом прошу донести мне, с изложением подробное дел, по которым эти требования последовали.

Примите уверения в совершенном моем почтении и уважении.

Подписал Барон Вревский.

ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 34. Д. 828. Л. 1-1 об. Копия. Машинопись.

Пояснение к Особому мнению, представленному Туркестанским Генерал-Губернатором в дополнение к проекту Журнала заседания Особого Совещания по бухарским делам 28 Января 1910 г. под председательством Статского Секретаря Столыпина

Туркестанский Генерал-Губернатор представил, в дополнение к подписанному им проекту Журнала Особого Совещания по бухарским делам 28 Января 1910 г., под председательством Ст. Секр. Столыпина, записку, названную им «Особым мнением» и представляющую собою в главных чертах возражение на записку Министерства Иностранных Дел от 19 Января 1910 г., вошедшую к числу материалов к сказанному Совещанию. Так как в записке Генерал-Лейтенанта Самсонова заключаются частью неточности, частью данные, не рассматривавшиеся на Совещании и неправильно освещающие положение вещей, Министерство Иностранных Дел считает необходимым со своей стороны дать по поводу означенной записки некоторые разъяснения.

Генерал-Лейтенант Самсонов указывает прежде всего на то, что он отнюдь не имел в виду немедленного присоединения Бухары к России и не связывал этого вопроса со смертью настоящего Эмира, Сеид-Абдул-Ахада, а лишь настаивает на том, что при решении вопроса: какие именно реформы нужны Бухаре, необходимо предварительно выразить принципиально «будет ли Бухара присоединена к России вообще».

Принимая к сведению это разъяснение, Министерство Иностранных Дел не может не отметить, что ответ на поставленный Генерал-Губернатором вопрос уже заключается в Журнале Совещания в следующих словах г. Председателя Совета Министров: «...не подлежит никакому сомнению, что находящаяся ныне в фактической зависимости от России Бухара будет рано или поздно к ней присоединена, но момент, когда такое мероприятие может быть осуществлено, еще не настал». Министерство может лишь добавить к этому, что такой принципиальный взгляд на интересующий Генерала Самсонова вопрос далеко не представляет собою чего-то нового, что Императорское Правительство придерживается его уже около столетия, то есть с того времени, когда Россия пришла в непосредственное соприкосновение со среднеазиатскими ханствами, и что политика наша в отношении последних всегда была направлена к тому, чтобы исподволь подготовить слияние их с Империей. В архиве Дипломатической части в Ташкенте имеется, несомненно, много документальных данных на этот счет, как, например, инструкция, преподанная в 1884 году Туркестанскому Генерал-Губернатору Генерал-Лейтенанту Розенбаху, которая не отменена до сего времени, Записка бывшего Политического Агента Д. С. С. Лессара от 4 Марта 1895 г. и т.п. Министерство Иностранных Дел, по общеполитическим и экономическим соображениям и ныне вполне разделяет высказанное г. Лессаром мнение, что «чем позднее состоится фактическое присоединение среднеазиатских ханств к России, тем лучше для нас». Это отнюдь не исключает однако для нас возможности и даже обязанности заботиться о постепенном подготовке слияния ханств этих с Россией, и за последнюю четверть века все мероприятия Императорского Правительства в Бухаре, из коих

главнейшие были перечислены в записке Министерства Иностранных Дел, именно к этому и клонились. Министерству не известно, на чем основано мнение Генерала Самсонова, что осуществление сказанных мероприятий «доставалось нам с известными усилиями» и что во всем этом не усматривается усердного содействия Эмира. По точным сведениям Министерства Иностранных Дел, все наши начинания в пределах Бухары осуществлялись именно безо всяких «усилий» и при самом полном содействии Правителя ханства. Министерство имеет при этом в виду, что нельзя же считать «усилиями» весьма непродолжительные переговоры с Эмиром и более чем легкое устранение нами попыток Его Высочества обставить наименее неприятным для Его самолюбия образом некоторые из наших мероприятий, которые наиболее чувствительно затронули Его права, как, например, включение ханства в нашу таможенную черту и фиксация курса бухарской монеты. Министерству не известно ни одного примера, когда бы Эмир стремился вернуть себе какое-либо из утраченных Им прав. В частности, по поводу приведенного Генералом Самсоновым факта, что Эмир будто бы «добивался отмены обязательства чеканить теньгу на нашем монетном дворе и фиксирования ее курса». Министерство положительно утверждает, что ничего подобного не было, тем более что не существовало никогда и предположения «чеканить бухарскую теньгу на нашем монетном дворе». Очевидно, дело это было неправильно доложено Генерел-Губернатору некомпетентным докладчиком, не знакомым с архивом Дипломатической части. В действительности Эмир стремился лишь к одному, а именно, хотя бы частью возместить довольно крупные убытки, в которые вовлекла его операция с бухарской теньгой и которые не могли быть им предусмотрены при заключении в 1901 году соглашения относительно фиксации курса этой монеты. Для более наглядного выяснения этого обстоятельства необходимо вкратце привести историю этого дела, которое, кстати, является типичным примером того, как мы, при надобности, действуем решительно по отношению к Эмиру, не стесняясь Его личными интересами, и насколько Его Высочество идет навстречу нашим пожеланиям.

В видах устранения частых колебаний курса теньги, вредно отзывавшихся на торговле нашей с Бухарой, Эмиру в 1901 году предложено было продать имевшуюся у Него в наличности, а равно имевшую в то время быть вновь отчеканенной теньгу, в общей сумме до 45 мил. тенет, Русской казне по расчету 15 коп. за теньгу, и, одновременно с этим, прекратить свободную чеканку бухарской монеты; если же последней станет мало и понадобится увеличить ее количество, то, по желанию Русского Правительства, чеканить таковую на бухарском монетном дворе из серебра, принадлежащего русской казне, с возмещением Эмиру лишь расходов монетного двора, без всяких других уплат в пользу Бухарского Правительства. Русское Правительство, несомненно, несло при этом известный убыток, так как в теньге заключалось серебра лишь на 10—11 коп. Но, с другой стороны, Эмир, не говоря уже об отказе от одного из суверенных Своих прав – чеканить монету по Своему усмотрению, потерпел при этой операции довольно чувствительный ущерб. Начать с того, что он продал теньгу по 15 коп. в то время, когда она на рынке стоила копеек 18, если не более. Затем, он лишился так называемого сени-ориажа, то есть правительственного дохода от чеканки теньги, который составлял 10 тенет на китайский ямб в 4 ф. 49 зол. серебра и достигал в год приблизительно цифры в 700 тыс. тенет = 105 тысяч рублей. Тем не менее Эмир, даже без каких либо особых колебаний, согласился на эту жертву и заключил соответствующее соглашение, по которому Он, кроме того, обязался принимать в уплату сборов, поступающих в бухарскую казну наравне с бухарской монетою, также русские деньги по расчету 15 коп. за одну теньгу и т. д. Впоследствии, когда пущенная в обращение высокопробная и мягкая теньга стала поступать в Государственный Банк в стертом виде, возник вопрос о возмещении Русскому Правительству убытка, проистекающего от уменьшения количества серебра в такой теньге и выразившегося в первой же партии ее в сумме свыше 100 тысяч рублей. Это обстоятельство было для Эмира полною неожиданностью. Следует тут же заметить, что раньше Бухарское Правительство не несло никаких убытков от утраты веса

в теньге, так как сильно потертая не принималась вовсе в казенные платежи или допускалась лишь с известной скидкой, по базарной цене. С другой стороны, и Русское Правительство очевидно не могло принять сказанного убытка на себя. В конце концов решено было поделить убыток пополам, и Эмиру пришлось уплатить всего 53 тыс. рублей. При второй партии стертой теньги Эмиру была сделана скидка всего лишь в 1/3 стоимости недостающего серебра, и Его Высочество уплатил 44 тыс. рублей. Едва ли было бы справедливо вменить Эмиру в упрек Его попытки каким либо путем уменьшить эти, не предусмотренные к тому же соглашением 1901 г., убытки. А между тем, только это и было им сделано в то время, о котором упоминается в записке Генерал-Лейтенанта Самсонова, Эмир просил лишь дозволить ему отчеканить за свой счет и из своего серебра разрешенные ему к отчеканке 3 миллиона тенег, на что и последовало согласие г. Министра Финансов, но под условием, что впредь весь убыток, проистекающий от стертой теньги, будет приниматься Бухарским Правительством полностью на свой счет. В этом, очевидно, нет ни малейшего признака стремления Эмира «добиться отмены обязательства чеканить монету на нашем монетном дворе и фиксирования ее курса», как значится в записке Генерал-Губернатора.

Генерал-Лейтенант Самсонов переходит затем к вопросу о принципе возможно меньшего вмешательства нашего во внутренние бухарские дела, причем он находит принцип этот несостоятельным и считает, что он «совершенно усыпил Политическое Агентство наше, порвал его связь со страной, сделал Политического Агента, скорее всего, Министром Двора Эмира Бухарского и т.д. В результате, по мнению Генерал-Губернатора, Агентство оказалось совершенно неосведомленным в том, что совершается в ханстве, и проглядело такое народное движение, как вражда шиитов с суннитами, закончившаяся резней на улицах Бухары в Январе 1910 года».

Министерство не может не отметить прежде всего явного смешения Генерал-Губернатором двух совершенно разнородных понятий, а именно, «невмешательство» и «неосведомленность». Казалось бы, что можно быть отлично осведомленным о чужих делах и не вмешиваться в них. Что касается принципа возможно меньшего вмешательства во внутренние дела ханства, то Министерство считает по-прежнему нужным отстаивать его самым решительным образом. Отступив раз от этого принципа, мы очутимся на наклонной плоскости, которая должна неизбежно и быстро привести нас к присоединению ханства, то есть к тому, чего с общеполитической точки зрения столь желательно избежать. Как уже было указано в записке Министерства Иностранных Дел от 19-го Января с.г., вмешательство было бы равносильно принятию нами на себя ответственности за результаты такового, чего мы должны тщательно избегать, доколь наши предначертания будут приводиться в исполнение той же плохой, корыстолюбивой и недоброжелательной Бухарской администрацией, которая будет прямо заинтересована в том, чтобы доказывать на деле нашу несостоятельность. Может быть лишь одна альтернатива: либо мы должны занять ханство, ввести в нем свою администрацию и тогда хозяйничать в нем по своему усмотрению, либо мы должны поддерживать престиж туземного правительства и не подрывать векового строя местной жизни, стараясь лишь путем нравственного воздействия на Эмира побуждать Его вводить необходимые в интересах страны улучшения и устранять вредные для последней злоупотребления.

С другой стороны, мы должны быть, конечно, возможно точнее осведомлены обо всем, что происходит в ханстве, для чего, как было выше сказано, вовсе нет надобности непосредственно вмешиваться во внутренние дела его.

Плохую осведомленность Политического Агентства Генерал-Губернатор усматривает главным образом в том, что учреждение это «проглядело такое народное движение, как вражда суннитов и шиитов, закончившаяся резней на улицах Старой Бухары в Январе 1910 г.» Это не так. Политическое Агентство всегда знало о сказанной вражде, но предвидеть внезапную вспышку фанатизма едва ли возможно. К тому же Министерство Иностранных Дел не может

разделять того преувеличенного значения, которое Генерал Самсонов придал в свое время и продолжает придавать январским беспорядкам в Бухаре. Министерство имело уже случай разъяснять, что столкновения суннитов и шиитов на почве религиозной розни явление весьма обыденное всюду, где эти два мусульманских толка соприкасаются. По мнению Министерства гораздо более рельефным случаем «проглядения» следует признать непредусмотренное Туркестанским Начальством восстание в Фергане или бунт в саперных войсках в Ташкенте. Но нельзя же по этим одним делам признать Администрацию Туркестана вообще не осведомленной. Наконец, если Генерал Самсонов признает себя лучше осведомленным, нежели Политическое Агентство, то упрек о «проглядении» январских событий в Бухаре падал бы в еще большей мере на него.

Генерал-Губернатор неоднократно в мрачных красках рисует положение дел в Бухаре и говорит о неминуемой общей вспышке в ханстве. Подобные заявления Министерство Иностранных Дел слышит уже свыше 30 лет, и однако предсказания в этом смысле никогда не осуществлялись. Могут ли быть серьезные основания говорить о «полном экономическом крахе» в стране, которая дает следующие статистические данные по ввозной и вывозной торговле за последнее годы:

	<u>Ввоз в Бухару</u>	<u>Вывоз из Бухары</u>
1907 г.	21 миллион	27 миллионов
1908 г.	23 1/2	29
1909 г.	25	30

Ведь нельзя же в самом деле предположить, что весь ввоз поглощается Эмиром и его сановниками. А те миллионы, которые мы уплачиваем ханству за вывозимые продукты, идут ведь в карманы главным образом земледельцев, производящих хлопок, и скотоводов, доставляющих на рынок шерсть и каракуль.

Утверждая, что Политическое Агентство плохо осведомлено, Генерал Самсонов чрезвычайно склонен придавать слишком большую веру сведениям, привозимым из Бухары случайно командированными туда лицами и разными тайными агентами. В своей записке, представленной в Особое Собрание Министерство уже высказало свое мнение о подобных источниках информации и может лишь повторить, что к таковым следует относиться с большой осторожностью. Нельзя не отметить и того, что до сего времени всегда на деле оказывались правильными сведения Политического Агентства, а не тревожные данные, получавшиеся из указанных источников в Ташкенте. Для примера можно привести тут же ташкентское сведение об Астанакул-бек-бии Кушбеги: последний до сих пор находится в опале и совершенно не соприкасается с Эмиром. Кстати, надо сказать, что влияние этого сановника, отличающегося редкою для бухарца честностью и порядочностью, никогда не было вредным, но, к сожалению, вследствие независимого характера Эмира оно никогда не могло быть достаточно сильным. Вина Астанакула в январских событиях заключается лишь в том, что он не решился принять энергичные меры к восстановлению порядка, не получив предварительно указаний от Эмира, который находился в то время в Кермине.

Непонятным представляется суждение Генерал-Губернатора о мусульманских законах. Последние основаны, как известно, на Коране и потому незыблемы, и если есть возможность вывести из них, что то или другое, в том числе и конституция, не противоречит шариату, то это совсем иное, чем отмена твердо установленных этими законами порядков поземельного обложения. Ссылка Генерала Самсонова на Туркестан и Хиву не может быть признана убедительною, ибо в Туркестане действуют наши законы, а в Хиве только еще вводится потанাপное обложение, и результаты этой меры еще не выяснились. Самым трудным пунктом в вопросе об изменении принципа взимания поземельного налога в Бухаре является, несомненно, состав-

ление необходимого для сего кадастра, на что потребуется очень много времени, и причем придется столкнуться с целым рядом весьма сложных вопросов и положений.

В вопросе о бухарских войсках Генерал-Губернатор в числе доказательств непригодности таковых, приводит между прочим случай, когда Эмир просил возложить поимку разбойников на наших казаков, вместо того чтобы послать на это дело свои войска. Такой случай действительно имел место, но надо пояснить, что разбойники, о которых шла речь, были русские подданные, которые при преследовании их скрывались в русские пределы, куда бухарцы за ними следовать не могли. Кроме того, Эмир, очевидно, опасался, что случайное убийство при преследовании русско-подданного, хотя бы и обличенного в разбое, могло бы при вреземельности русских породить осложнения. В деле же январских беспорядков в Бухаре армия Эмира не могла доказать своей несостоятельности; так как она в действительности не была использована растерявшейся⁹⁴ Администрацией. Затем Генерал Самсонов говорит о новом элементе, о котором раньше не было речи, а именно о милиции. Министерству однако не известно, чтобы существовала в ханстве правильно организованная и достаточно сильная милиция. При каждом беке (губернаторе) есть слуги, так называемые джигиты, которых он рассылает по делам и на которых возлагает при надобности полицейские обязанности; но их очень небольшое количество, и потому при каких-либо массовых движениях или беспорядках они оказать действительную помощь не могут. Поэтому Министерство остается при том мнении, что некоторая регулярная вооруженная сила Бухарскому Правительству необходима, не предпреляя, однако, самой численности этой силы. Утверждение, что все войска Эмира сосредоточены около столицы, не совсем правильно, так как регулярные части имеются и в разных бекствах, в том числе – и в отдаленном Дарвазе.

Вопрос о взаимных отношениях между Генерал-Губернатором и Политическим Агентством на практике разрешает ее очень близко к тому, на что указывает Генерал Самсонов. Министерство Иностранных Дел не может, однако, согласиться с полным изъятием из его непосредственного ведения подчиненного ему органа, коим он обязан руководить и деятельность которого должна быть строго согласована с видами и указаниями Министерства.

Что касается необходимости реформ в ханстве, то Министерство Иностранных Дел такой отнюдь не отрицало и ждет лишь от Генерал-Губернатора подробно разработанных, по соглашению с Политическим Агентством, соображений на этот счет.

ЦГА РУз. Ф. И-2. Оп. 2. Д. 369. Л. 28-32 об. Копия. Машинопись.

Особое мнение

[Генерал-Лейтенанта Самсонова]

Записка Министерства Иностранных Дел являлась для особого совещания по бухарским делам 28 Января 1910 года основным документом, на основании которого представителями этого министерства, присутствовавшими на совещании, освещались возбужденные мною вопросы о реформах в отношениях наших к Бухарскому и Хивинскому ханствам, поэтому на этом документе я и останавлиюсь. Но прежде чем обратиться к оценке правильности соображений, приводимых в этой записке, я считаю необходимым выяснить то недоразумение, в которое, по-видимому, впали члены совещания, приписав мне мнение о немедленном присоединении Бухары в качестве нераздельной территории к Российской империи. Я вовсе не имел в виду фактического немедленного присоединения Бухары к России и не связывал этого события со смертью настоящего правителя ее Эмира Сеид-Абдул-Ахада. Я лишь указывал, что при решении вопроса, какие именно реформы нужны Бухаре, необходимо предварительно вырешить

⁹⁴ В документе ошибочно «расширявшейся».

принципиально, «будет ли Бухара присоединена к России вообще», так как только при твердо и ясно поставленном решении этого вопроса можно сказать – какие именно реформы нужно проводить в ханстве и на каких необходимо особенно резко настаивать. Если по политическим или иным соображениям представляется желательным и в будущем продолжать самостоятельное существование Бухары, то в основу проводимых реформ нужно положить иные принципы, чем при решении противоположном, так как если мы решим, что Бухара должна быть присоединена к России и это лишь вопрос времени, обусловленный данным политическим моментом, то в основание реформ должна быть положена эта идея, и все они должны служить для подготовки возможного бескровного, без всяких потрясений, слияния территории Ханства с соседними областями Туркестанского Генерал-Губернаторства. Этот вопрос, по моему мнению, и мог быть решен лишь Его Императорским Величеством по докладу высшего административного учреждения Империи – Совета Министров, и, по моему мнению, Совещание этот вопрос совершенно обошло. Отсюда ясно, что я не заслужил полученных мною упреков в том, что «форсирую события и хочу пользоваться таким поводом, как перемена управителей в Хиве и Бухаре, в особенности в настоящее тяжелое время, когда все силы Империи должны быть сосредоточены на деле внутреннего усовершенствования». Только принципиальным отрицательным или положительным решением вопроса можно определить и дальнейшее наше отношение к обоим ханствам.

Ошибочно, по моему мнению, при решении этого основного принципиального вопроса исходить, как это делается в записке Министерства Иностранных Дел, из юридических оснований: думаю, что в основу должны быть приняты вовсе не правовые соображения и нормы, а соображения государственного интереса и государственной необходимости. Ведь само Министерство сознает, что в двух юридических актах, определяющих взаимное отношение России и Бухары, нет и намек на какие-либо особые полномочия Русского Правительства, которые давали бы повод считать Бухарское ханство вассальным, нет в них даже ни малейшего указания на то, что Эмир обязуется не сноситься с иностранными правительствами помимо России. Таким образом, говорится далее в записке, с формальной точки зрения Бухаре предоставлены во всех отношениях совершенная свобода и автономия. Но ведь фактически этого нет, и Правительство наше в интересах государственной необходимости должно было лишить Эмира тех прав, которыми он «юридически» пользовался, превратить его из самостоятельного Государя в правителя Бухары, а не владетельную особу, включив его ханство в нашу государственную границу и этим преуказав как бы тот взгляд, который высказывал и я, а именно что Бухара должна быть присоединена к России и по своему географическому положению, и по тесной экономической связи с нами и т.д. Но я нахожу лишь, что этот взгляд должен был получить Высочайшую санкцию и лечь в основу всех наших отношений к Бухаре и всех тех реформ, которые проектируются и будут проектированы для этого ханства. Далее Министерская записка обращается к нравственной точке зрения и задает вопрос: насколько присоединение ханства к Империи оправдывалось бы с нравственной точки зрения. Давая отрицательный на это ответ, в силу того, что не только ныне здравствующий Эмир, но и его отец, без всякого с нашей стороны давления, усердно и добровольно содействуя нам, осуществили ряд мероприятий, окончательно упрочивших наше политическое и экономическое положение, Министерская записка указывает на проведение железной дороги, расположение наших гарнизонов в Бухаре, основание русских поселений, включение ханства в таможенную черту, введение юрисдикции над бухарцами в смешанных делах, фиксирование бухарской тениги. Не скажу, чтобы удачно были приведены примеры «усердного» содействия и особых оказанных Эмирами услуг к закреплению нашего политического и экономического положения: не надо забывать о том, что все, здесь описанное, доставалось нам с известными усилиями и, кроме того, давало Эмиру лично и отчасти его народу громадные экономические выгоды, гораздо более тех, которые извлекались из всего этого нами. Наконец, в том случае, когда бухарское правительство видело

возможность, в силу каких-либо случайных обстоятельств, вернуть что-либо из утраченных прав и данных нам обязательств, оно это непременно делало; так, в вопросе о теньге в последний свой приезд в Петербург Эмир добивался отмены обязательства чеканить теньгу на нашем монетном дворе и фиксирования ее курса. Что правитель Бухары старался выказать свою беззаветную преданность Государю Императору и России крупными пожертвованиями в минувшую Японскую войну на раненых и флот – бесспорно, но столь же крупные или не менее крупные пожертвования он делает и на Геджасскую дорогу, и на мечеть в Петербурге. Упоминая об этом только для того, чтобы не преувеличивать значения жертв, которые бухарское правительство делает, подчеркивая свою лояльность и преданность. Ввиду изложенного, я полагаю, нельзя отрицать за нами и нравственного права в стремлении присоединить Бухарское ханство к Империи, если только в вопросах внешней политики вообще можно исходить из побуждений нравственного порядка, прислушиваться к голосу сердца. Если мы до сих пор, как сообщается в записке Министерства, руководящим принципом нашим по отношению к Бухаре признавали возможно меньшее вмешательство во внутренние дела ханства то едва ли Министерство не убедилось в несостоятельности этого принципа и в тех печальных результатах к которым это повело: этот принцип совершенно усыпил Политическое Агентство наше, порвал всякую живую связь со страной, в которой оно находится, и сделал Политического Агента скорее всего Министром двора Эмира Бухарского, а не представителем и защитником наших государственных интересов. Агентство оказалось совершенно не осведомлено в том, что совершается в ханстве и проглядело такое народное движение, как вражда шиитов и суннитов, закончившаяся резней на улицах Старой Бухары в январе текущего года. Этот принцип невмешательства привел страну в положение, близкое к полному экономическому краху, и те сведения, которые поступают ко мне из ряда источников, говорят, что народное движение в стране не подавлено, а лишь ждет более благоприятного случая, чтобы проявиться в более интенсивных формах. Если в приведенном упомянутом принципе невмешательства нами руководило только желание «явить доказательство правителю Афганистана и индийским владетельным князьям, что Россия совершенно не стремится к расширению своих владений, а мирно уживается бок обок со своими мелкими соседями», то, во-1-х, эти владетельные особы едва ли не усматривали в такой политике нашу слабость, во-2-х, этим мы не делали себе популярности среди населения Афганистана и указанных индийских княжеств, которое видело наше равнодушное попустительство к грубому, жестокому экономическому гнету бухарским правительством сельского и городского населения Бухары, и, в-3-х, наконец, столь серьезный принцип, который руководил нами в отношениях к Бухарскому правительству, едва ли мог вызываться столь незначительной целью, как желание заслужить ни к чему нам не нужное одобрение Афганского Эмира и мелких индийских князей. Между тем, как признает и Министерство Иностранных Дел в своей записке, при нашем попустительстве в Бухарском ханстве народ изнывает от поборов, административных неурядиц, злоупотреблений, и правительство наше, оказывая покровительство Эмиру и ограждая его от какого-либо открытого проявления недовольства со стороны его подданных, несет вместе с тем известную ответственность перед последним за его участь, оно также заинтересовано, чтобы материальное положение населения ханства было в достаточной степени обозначено. Ввиду этого Министерство признает, что принятие нами соответствующих мер для улучшения положения дел в ханстве представляется несомненно необходимым

Намеченная цель может быть достигнута, по мнению автора записки Министерства Иностранных Дел, тремя способами: 1) введением в Бухаре нашей Администрации, 2) преподаванием Эмиру определенной инструкции по коренным реформам финансов и административного строя, которые он проводит от нашего имени и под нашим наблюдением и 3) давлением на Эмира в видах побуждения его к осуществлению от своего имени необходимых реформ согласно нашим дружественным советам. Полагаю, что действительное улучшение положения дел, как в Хиве, так и в Бухаре, может быть достигнуто только присоединением ханств к Рос-

сии, а все остальное является лишь паллиативами, которые не создадут прочного порядка, а потому не прекратят вполне недовольства населения и едва ли смягчат резкое его проявление. Если нельзя теперь присоединить Бухару, то, конечно, нельзя проводить какие-либо реформы через нашу Администрацию, но оба последних способа представляются мне совершенно по существу однородными и лишь искусственно разделенными из желания от кого-то скрыть, что инициатива реформ исходит от нас. Прежде всего, оба способа обречены на неудачу, ибо в действительности проводить реформы придется через ту же туземную администрацию, недобросовестную и недоброжелательную к нам и, как я сказал выше, только одно окончательное присоединение территории Бухарского ханства к Империи решит вполне правильно наболевший и назревший вопрос – улучшить тяжелое экономическое положение народа – и даст нам возможность использовать полностью все те выгоды, которые мы должны были бы извлекать, производя огромные затраты как на проведение в пределах ханства железной дороги, так и на пароходство, почту, телеграф и т.п. Никого из бухарцев нельзя обмануть, если в ханстве будут проводиться реформы, что инициатором их является гуманный Белый Царь, который соседним единоплеменникам и единоверцам их дал возможность среди мира и покоя создать такое материальное благосостояние, о котором бухарскому народу и не грезится. Благие начинания, проводимые Эмиром от нашего имени, не могут уронить авторитет и престиж Эмира, так упавший за последние годы, по всем сведениям, получаемым мною из страны, но, наоборот, могут вернуть Эмиру утраченное теперь расположение народа; наши начинания только предотвратят ту катастрофу, которая, по-видимому, грозит разразиться теперь, вызванная крайним недовольством существующим режимом, полною непопулярностью Эмира. Страна находится теперь в самом тревожном состоянии; собирается и скупается всюду оружие, народ упражняется в стрельбе, образовалось несколько партий, из них создались и такие, которые стоят за национальное самоопределение, самостоятельное государство с новой династией и новым главою ханства или с подчинением соседнему Афганистану. Совершенно неосновательна боязнь, высказываемая политическим агентством, что проникнутое духом шариата население ханства всегда будет становиться на защиту своих коренных установлений и порядков, хотя бы и разорительных для него, и восставать против даже самых полезных новшеств, вводимых по настоянию «неверных». Позволяю себе удостоверить, что благодаря ценным сведениям, полученным мною из разных источников, освещающим настоящее положение дела в ханстве и делающим меня более осведомленным, чем Политический Агент, в действительном настроении бухарского народа – такое опасение совершенно неосновательно, масса народная именно ожидает с упованием «новшеств» от Великого Белого Падишаха, который сжалится над истомившимся в ужасном экономическом рабстве и совершенно бесправным народом и даст ему те права, которые даровал своим подданным сартам и киргизам. Не могу согласиться также с рассуждениями Министерской записки о способе проведения реформ в Бухаре путем нравственного воздействия на Эмира. Не могу также назвать удачным результат дружеских сепаратных бесед с Эмиром Директора Департамента Министерства Иностранных Дел Действительного Статского Советника Клемма и Политического Агента Лютша осенью 1909 года в Ялте, так как хотя этим лицам в окончательном итоге разговоров с Эмиром и удалось уговорить Эмира сложить с жителей Старой Бухары повинность по очистке снега и расходы, с этим сопряженные, а также принять на себя затраты по пропуску вод Зеравшана, всего в сумме 32 тысяч, но вскоре после этого Эмир увеличил базарный сбор на 52 500 рублей, почему уменьшение податного бремени не только оказалось фиктивным, но даже наоборот, тягость обложения увеличилась. В управлении же страной никакого изменения не последовало; удалив по настоянию народа бывшего Кушбеги Астанакула, Эмир вновь приблизил его к себе, хотя и не дал ему прежнего назначения, но влияние его столь велико, что Эмир, послушав его совета, сместил с должности пользовавшегося всеобщим уважением в Бухаре влиятельного главу суннитского духовенства, раиса Старой Бухары. Наконец, для рекомендуемого Министерством нравственного давления

надо, чтобы оно проводилось неуклонно и людьми достаточно талантливыми, всякая «осечка» в подобном давлении уменьшает авторитет и Политического Агента, и Генерал-Губернатора: рассчитывать же, чтобы Эмир сам действительно захотел и мог бы ввести реформы, клонящиеся к поднятию благосостояния народа, совершенно невозможно.

Не могу согласиться с мнением автора записки еще и о том, что в Бухаре действуют какие-то мусульманские законы, удовлетворяющие бытовым особенностям и патриархальному складу жизни туземного населения, и что прикасаться к известному строю, существующему уже около 12 веков, можно с большой осторожностью. Утверждать, что данный строй существует 12 веков ошибочно; смена династий, изменение этнографического состава населения приливом завоевателей и, наконец, самый крупный факт конца XIX века – появление русских – совершенно меняли этот строй, и под определение шариата услужливыми муллами проводилось новое содержание, как его толкование (риваят), мало того, надо именно признать что порядок управления, существующий в ханстве, отвечал, быть может, именно уже отошедшему в область истории такому патриархальному строю, о котором говорится в записке, однако совершенно не соответствует той ступени развития, на которой находится бухарский народ после ряда существенных изменений в жизни народной, вызванных такими крупными экономическими факторами, как железная дорога, телеграф, банковый кредит, крупная торговля каракулем, шелком ит.п., заставившими население перейти от натурального строя хозяйства к денежному; не надо забывать недавних примеров крушения старого политического строя в соседней Персии и особенно в единоверной для наших среднеазиатских мусульман Турции, когда во главе движения стала наиболее косная фанатичная часть населения – духовенство, разъяснившее текстами Корана, что конституция вполне отвечает учению Пророка, что идея ответственности министров покоится на текстах Божественного писания.

Если причина неудовлетворительного управления ханством коренится не столько в действующем законе, как говорится в записке, а лишь в применении его, то все хаотическое положение в ханстве может быть исправлено, если мы поможем Эмиру установить более действительный контроль над администрацией, предложив ему самому изыскать для этого способы. Но записка не говорит, откуда же Эмир возьмет лучших представителей администрации, когда вся она воспитана на системе взяточничества, не прошла никаких школ, кроме тех же отживших свой век затхлых мактабов и Мадраса; какой же контроль и через кого Эмир учредит над этой администрацией, когда ближайшие и доверенные сановники нагло обманывают его (недавно, например, Кушбеги позволил себе утаить из почтово-телеграфного сбора, присланного Политическим Агентством и о сумме которого Эмир мог быть хорошо осведомлен от того же Агентства, половину).

Странно ожидать успеха какого-либо от контроля Эмира над чиновничеством, если состав и система содержания этого чиновничества и самый способ управления народом останутся те же и если народ будет, как и ныне, совершенно лишен возможности непосредственно до Эмира доводить свои жалобы.

Едва ли, конечно, какую-нибудь помощь принесет Эмиру в деле улучшения управления страной наше Политическое Агентство, если его состав, как рекомендует записка, увеличить не только одним чиновником, периодически разъезжающим по Бухаре, а даже несколькими, так как осведомленность Политического Агентства от этого хотя и увеличится, но не в такой степени, чтобы оно стало вполне ознакомлено с действительным положением дел, злоупотреблениями администрации и положением народа, его нуждами и пожеланиями, так как вокруг каждого из наших чиновников создастся плотная стена бухарских чиновников-шпионов, совершенно устраняющая возможность непосредственного общения с народом, что мы наблюдаем и ныне.

Не знаю, кого разумеет автор записки, упоминая, что Эмиру «вменяют в вину», что он из семи миллионов доходов ханства тратит на нужды последнего лишь три миллиона, а осталь-

ные обращает в свою пользу. В действительности цифра валового дохода Эмира несколько преуменьшена, сумма же расходов близка к действительности, но речь в моем докладе и представлениях моих предместников шла вовсе не о «виновности Эмира», а о том, что вся система государственного хозяйства в Бухаре совершенно нетерпима, что нет разделения личной кассы Эмира от государственной и государственное хозяйство носит характер частного помещичьего, и притом далеко не благоустроенного хозяйства, со всеми присущими ему недостатками. Признав необходимость ввести какие-либо реформы в строе управления Бухарой, надо прежде всего изыскать для этого источник расхода, выделить из общей суммы доходов, получаемых Эмиром со страны, то, что должно составить государственную казну, а что личный доход его, — отсюда необходимость «бюджета». Ради этой важнейшей задачи надо примириться со «щекотливостью» вопроса и определенно поставить наше требование. Мне представляется, что

Эмир только выиграет от фиксирования его доходов путем установления бюджета и правильного ведения отчетности в его государственных доходах и расходах, устраняющих произвол и злоупотребление его чиновников. Установив бюджет, можно перейти будет и к замене системы кормления администрации определением штатного содержания; подобная мера, если и может вызвать неудовольствие чиновничества, зато, несомненно, с горячей благодарностью встречена будет всем населением. Еще с большей благодарностью встретил бы народ переход от хераджной системы подати (подходный налог) к по-танапному обложению. Никаких способов избежать злоупотреблений при действии хераджной подати при настоящем составе Бухарской администрации нет, так как сама система, по своему существу, дает широчайший простор сборщикам к произволу и злоупотреблениям. В соседней Хиве и у нас в Туркестане издавна проведена танапная система обложения, которая является наиболее целесообразным видом налога, оберегающим население от произвола, от деморализованного взяточничеством и безответственностью чиновничества.

Переходя к затронутому в записке вопросу о сохранении бухарской армии, должен сказать, что непонятной представляется защита Министерством Иностранных Дел бухарской армии как одного из главных признаков внутренней самостоятельности Эмира; если Министерство Иностранных Дел признает желательным сохранить эту игрушечную армию только в интересах охраны престижа Эмира, то казалось бы достаточным оставить ему его гвардейский батальон, две казачьи сотни (конвой), упразднив остальные батальоны, которым Эмир не находит возможным ни дать лучшего вооружения, ни снабжать их даже патронами. Что эта армия совершенно бесполезна, и если играла какую то роль в прошлом, на что ссылается Министерская записка, то в настоящее время армия до того деморализована, что Эмир не решается пускать ее даже против разбойников и для борьбы с последними и поимки их просит о присылке казаков или наших охотничьих команд. Того значения, которое приписывается в записке армии, внутри страны она не имеет, ибо почти вся (кроме одного батальона) сосредоточена в окрестностях Кермине и Старой Бухары, а по бекствам распределены лишь посты милиции, несущие полицейские обязанности; об упразднении этой последней никогда я не возбуждал вопроса. Те части армии (отдельные роты), которые сосредоточены в местах жительства беков, едва ли принесут пользу, если придется принять участие в подавлении беспорядков народных, так как армия бухарская доказала совершенную свою несостоятельность во время январских беспорядков в Старой Бухаре; да это и понятно: ее система комплектования — из худших элементов народа, насильственная служба в рядах, — все это указывает на необходимость ее полной реформы, или упразднения как бесполезной статьи расхода. В записке говорилось, что нельзя ставить в укор армии ее бездеятельность во время беспорядков в Старой Бухаре, так как надо было поступиться своими религиозными убеждениями, но ведь в таком положении армии придется быть очень часто, так как вопрос о вражде шиитов, составляющих заметную часть населения, с суннитами не улажен, и едва ли можно ждать его скорого разрешения, так как вражда эта коренится в разнице религиозного учения; мало того, бухарская армия является

детищем народа (притом попорченным), а потому отражает в себе все элементы недовольства этого народа против существующей системы управления. Какую же помощь она окажет Эмиру?

Говоря об усилении взамен упразднённой бухарской армии наших гарнизонов, я имел в виду, что усилены будут существующие уже гарнизоны наших поселений, связанных телеграфом не только с местом жительства Политического Агента, но и с Ташкентом, – поэтому никаких неудобств, о которых говорится в записке, от подобного усиления не предвидится, так как при условии оставления милиции, с одной стороны, и при наладившихся с местными беками отношениях с начальниками гарнизонов наших поселений – с другой, едва ли вызовет затруднения в решении вопроса о содействии бекам в подавлении народных волнений; во-1-х, случаи подобных обращений могут быть при существовании в руках беков тех милиционеров – редки, а, во-2-х, инструкция начальникам гарнизонов, как реагировать на просьбу о помощи, ведь будет дана из Ташкента и, наконец, в-3-х, во главе гарнизонов стоят столь авторитетные по своему служебному положению воинские начальники, что они сами, в случае перерыва сообщения с Ташкентом и Новой Бухарой – по своей служебной опытности, сумеют разобраться в обстановке и безошибочно решить, как им поступить.

В заключение записки автор останавливается на вопросе о подчинении Политического Агента Генерал-Губернатору, как ходатайствовал я и мои предместники, и старается объяснить это желание как стремление к узурпации прав Министерства Иностранных Дел в деле руководства политикой нашей в Средней Азии. На самом деле вопрос о подчинении Политического Агентства возбужден не ради такой неосуществимой цели, а имелось в виду, применяясь к особому положению Туркестанского Генерал-Губернатора, устранить ту двойственность, которая существовала в отношении к Эмиру и вызывала со стороны последнего стремление обходить или Политическое Агентство, как представителя Министерства Иностранных Дел, или Генерал-Губернатора, что представлялось Эмиру выгоднее в данную минуту и по данному вопросу. Поэтому, во имя авторитета высшей в крае власти и в интересах лучшего осуществления предначертаний Министерства Иностранных Дел, как органа, которому Высочайше вверено руководство нашими внешними сношениями, Генерал-Губернаторы настаивали, во-1-х, на том, чтобы Политический Агент избирался Министром Иностранных Дел по соглашению с Генерал-Губернатором, во-2-х, чтобы Политический Агент получал инструкции и указания Министерства не непосредственно, а через Генерал-Губернатора, в-3-х, чтобы все свои подлинные донесения представлял Генерал-Губернатору, а копии сообщал в Министерство.

Резюмируя все изложенное, я полагаю, что, во-1-х, Совещание по бухарским делам должно было выяснить вопрос принципиальный – признается ли желательным присоединение Бухары и Хивы к Российской Империи, ибо только твердое, ясное решение этого вопроса укажет Генерал-Губернатору то руководящее основание, которого он должен придерживаться, проектируя те или иные реформы для упорядочения положения дел в обоих Ханствах; во-2-х, в зависимости от решения этого принципиального вопроса наметить и ряд существенно необходимых реформ, которые при положительном решении вопроса о желательности присоединения ханств должны были бы иметь задачей постепенное и осторожное подготовку населения и Администрации к такому акту, и в частности, реформы: а) установление бюджета, учреждение должности финансового Советника, который вместе с Политическим Агентом, его помощником, Кушбегием и другими Бухарскими Сановниками по избранию Эмира составляли бы особый Совет, ведающий бухарскою государственною казною и решающий все вопросы бывшего управления Ханством, проектирующий реформы государственного хозяйства в ханстве; б) усиление состава Политического Агентства и подчинение его в инструкционном порядке Генерал-Губернатору; в) упорядочение податной системы; г) сокращение состава бухарской армии.

В случае признания Совещанием, что Ханства должны по-прежнему сохранять свою самостоятельность, Совещание должно было бы указать тот минимум реформ, которые

должны быть осуществлены, чтобы улучшить невыносимое экономическое положение народа в Бухарском Ханстве (требование изменения податной системы, установление штата и жалования чиновникам, учреждение больниц, устройство дорог и усиление состава Политического Агентства, которое обязывалось бы следить за проведением Бухарским Правительством всех этих улучшений в жизни бухарского народа), усилить наше влияние в Хивинском Ханстве и надзор за внутренней жизнью последнего учреждением должности второго помощника Начальника Аму-Дарьинского Отдела.

В заключение настоящего моего особого мнения, ответственный перед Государем и Родиной в сохранении порядка и спокойствия в крае, считаю долгом вновь упомянуть, что положение вещей в Бухаре настолько тревожно, что требует безотлагательного принятия каких-либо мер к разряжению народного недовольства против Эмира, иначе я опасюсь, что начавшиеся беспорядки, во-1-х, вызовут с нашей стороны необходимость вмешательства вооруженной силой, что может повлечь, с одной стороны, кровопролитие, с другой – обратит недовольство против нас, если мы вновь станем, без внесения столь ожидаемых народом реформ, поддерживать непопулярного Эмира, во-2-х, отразятся неблагоприятно на нашей торговле, и, наконец, в-3-х, народное движение в Бухаре, разросшись и приняв националистический характер, может и среди наших сартов и киргизов создать такое же стремление к самоопределению и возвращению к прежней независимости и вызвать местные беспорядки, хотя и не представляющие для нас серьезной опасности, но могущие потребовать непроизводительных затрат сил и средств, которые пошли бы на мирное культурное развитие страны.

(Подпись) Туркестанский Генерал-Губернатор Генерал-Лейтенант Самсонов.

ЦГА РУз. Ф. И-2. Оп. 2. Д. 369. Л. 33-40 об. Копия. Машинопись.

Донесение Управляющего Российским Императорским Политическим Агентом в Бухаре Туркестанскому Генерал-Губернатору 20 Октября 1912 г. № 16

События, столь быстро чередующиеся на Балканском полуострове, получили свое отражение и среди мусульманского населения в городе Старая Бухара. В связи с войной, объявленной Балканскими государствами Турции, находится организация по ханству сбора пожертвований; собранная сумма предназначается быть отправленной в Константинополь. По полученным мной сведениям, пожертвования принимаются у кази-каляна и раиса по распоряжению якобы Мирза-Насрулла-Бия-кушбеги. Последнее сведение подлежит еще проверке; трудно допустить, чтобы столь осторожный человек, как кушбег, принял на себя инициативу в организации указанных пожертвований.

Жертвователи — преимущественно из купеческого и высшего духовного сословия; особенную энергию в сборе пожертвований проявляют именитые здешние купцы Арабов, Гиясаксал и караван-баши. Последний ведет среди купечества даже пропаганду, убеждая откликнуться на призыв Турции к пожертвованиям.

Среди мулла-бачей существует даже нескрываемое убеждение, что якобы кушбег и кази-калян получили из Турции грамоты по устройству сбора пожертвований.

Относительно общего настроения умов среди бухарцев должен сказать, что особенного, вызванного настоящей войною, брожения среди населения не замечается, хотя большинство духовенства, купечества и мулла-бачей с интересом следят за ходом событий.

Преобладающее убеждение среди населения то, что одной из главных причин развертывающихся событий является негласная поддержка, оказанная Балканским государствам Россией, стремящейся к разделу Турции; в окончательное поражение Турции здесь не верят, утверждая, что, если Турция не выйдет полной победительницей из настоящей войны, Европе грозит всеобщая европейская война, другими словами: «война двух миров». В намеке этом усматривается отчасти возможность объявления священной войны «против неверных».

Некоторое неудовольствие, в особенности среди именитого купечества, вызывает здесь тон русских газет, не скрывающих, по мнению бухарцев, злорадство по поводу военных неудач Турции.

Интересно отметить то обстоятельство, что консервативное духовенство еще не так давно, в период итало-турецкой войны, хотя и верило в благополучный для турков исход и считало войну с Италией только посланным свыше испытанием за чрезмерную, не согласованную с основами ислама, приверженность Турции к европейской культуре, – все же установило о даровании победы Турции особую ежедневную молитву, теперь же, когда начавшиеся Балканские события считаются туземным населением лишь прологом к общей войне, по их понятиям, это будет одним из важных исторических моментов в жизни ислама, никакой, на сколько мне известно, молитвы еще не установлено.

Одним из наиболее беспокойнейших элементов в Старой Бухаре являются мулла-бачи, в отношении коих бухарским правительством, по настоянию Политического Агентства, приняты очень строгие меры. Составлен список их по каждому медресе отдельно, благодаря чему за ними установлен строгий негласный надзор.

Ожидать в Бухаре каких-либо активных выступлений и открытых демонстраций в пользу Турции при созданных нами условиях надзора, вряд ли возможно. По крайней мере до сих пор за исключением сбора пожертвований, все сочувствие мусульманского населения к Турции сказалось лишь в академических рассуждениях на тему о возможном исходе войны и о шансах Турции на полное поражение врагов.

С глубочайшим почтением и почтением

Подпись: Петров

С подлинным верно: А. Барановский

ЦГА РУз. Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1168. Л. 235-235 об. Копия. Машинопись.

Докладная записка Потомственного дворянина Евгения Константиновича Михайловского Военному Министру

10 Августа 1912 г.

Оставив в 1909 г. должность редактора «Туркестанских ведомостей», но продолжая тщательно следить за жизнью Туркестанского края, в котором я родился и воспитывался, беру на себя смелость представить на благоусмотрение Вашего Высокопревосходительства прилагаемый при сем очерк нынешнего положения дел в Бухаре.

Присматриваясь к событиям последующего времени, невольно приходится остановить свой взор на итально-турецкой войне⁹⁵. Если сами воюющие державы до сих пор еще не столкнулись в решительном бою, то во всяком случае они дали решительный толчок прочим державам в отношении перемены их политики, в отношении перехода из состояния покоя к энергичной деятельности.

Не касаясь совершенно Европейских держав, напряженно старающихся использовать данный момент, нам хочется обратить внимание тех, кому сие ведать надлежит, на создавшееся положение вещей на нашем Среднем Востоке, спокойствие которого дает возможность без излишних хлопот разрубить «гордиев узел» грядущих событий в Европе.

Тесно соприкасаясь с такими государствами Среднего Востока как Индия, Афганистан и Персия, Туркестанский край с Бухарой и Хивой не может оставаться равнодушным зрителем всего происходящего на мусульманском Востоке и реагировать на современные события по-своему. Чтобы последнее было более понятно, необходимо вкратце коснуться событий послед-

---

⁹⁵ Имеется в виду Итало-турецкая (Триполитанская) война 1911-1912 гг.

них лет, так как современные явления представляют собой результат всего последовательно происходившего за последние пять-шесть лет, промелькнувшие с поражающей быстротой.

16 апреля 1906 г. совершенно неожиданно для англичан в Лахоре (на северо-западе Индии) собрались толпы народа (индусов и индийцев-мусульман), которые во главе с агитатором Аджит Сингхом⁹⁶ провозгласили переход страны к новой жизни, приобщение к прогрессу и начало борьбы с существующим, неудовлетворяющим туземцев порядком вещей.

Вспышку англичанам удалось быстро подавить, население вернулось к своим работам, но с этого момента Индия лишилась внутреннего покоя: начались выступления анархистов, неразрешаемые сборища, развивалась подпольная, враждебная англичанам литература и, что самое главное и ужасное для последних, началось заметное сближение бывших дотоле ярых религиозных врагов – индусов и мусульман.

Не нужно забывать, что наличием этого фактора религиозной вражды, искусно раздуваемой англичанами, Индия с 1857 года, т.е. со времени восстания Нана Саиба⁹⁷, не возмущала покоя своих владетелей. Действительно, в настоящее время Индия насчитывает до 240 мил. индусов и до 60 мил. индийцев-мусульман. Совершенно различные религиозные верования тех и других давали возможность управлять спокойно Индией при условии, что англичане не поддерживали то одних, то других. Имея семидесятипяти тысячную армию исключительно английскую, разбросанную по всей стране, занимающую все важные стратегические пункты, имея целую армию агентов внутренней охраны, англичане спокойно занимались развитием в Индии культуры, полагая, что все необходимое предусмотрено и нет оснований опасаться каких-либо выступлений ненадежного элемента.

События же 16 апреля 1906 г. перевернули все вверх дном. Правда, войска своевременно появились на месте происшествия, но то обстоятельство, что ни один агент-туземец внутренней охраны не считал своим долгом предупредить события, повергло и английскую администрацию, и английское население не только в бесконечный гнев, но и страх. Религиозная вражда туземцев не помогла там, где англичанам грозила наибольшая опасность, туземцы молчали, европейцы, не будучи в силах проникнуть в ту туземную среду, не были в состоянии и предугадать надвигавшиеся события, мало того не проговорился ни о чем и ни один чин индийской туземной армии, этих главных, казалось бы, стражей англичан, после них самих. Со второго же полугодия 1906 г. было обнаружено еще более прискорбное явление: прокламации, враждебные англичанам, были найдены во многих частях туземной армии, сочувственно отнесшейся к начавшемуся движению против «угнетателей».

Таково было начало 1906 г. в Индии, а далее что ни день, то становилось хуже, движение разрасталось с неимоверной быстротой. С северо-запада оно распространилось в такие центры, как Калькутта, Дели, Бенарес, Бомбей, перекинулось затем на юг и особенно сильно дало себя почувствовать в Бенгалии. За прокламациями, сборищами, речами последовали выступления бомбометателей. Между прочим, было подготовлено умышленное крушение поезда, в котором ехал Бенгальский губернатор⁹⁸, в поезд была брошена бомба, а в результате, несмотря на самые тщательные поиски виновных, таковых обнаружить не удалось.

В последующие годы движение крепло, число врагов англичан сильно увеличилось, дошло до того, что европейцы начали опасаться показываться по вечерам в туземной части города, так как нередко были случаи нападений из-за угла. Все старания англичан привести к порядку страну с 300-миллионным враждебным им населением не приводили ни к чему, и число обществ и кружков, поставивших своей целью добиться полной автономии Индии,

---

⁹⁶ Речь идет о подъеме национально-освободительного движения в провинции Пенджаб (тогда – Британская Индия, сейчас – Пакистан). В крупном центре этой провинции Лахор (Лагор) лидером антианглийских выступлений в 1906-1907 гг. являлся Аджит Сингх.

⁹⁷ Правильно Нана Сахиб – один из наиболее видных представителей Великого индийского восстания 1857-1859 гг.

⁹⁸ Бенгальский губернатор – правитель провинции Бенгалия (юго-восток тогдашней Британской Индии).

стало крайне велико. Учитывая опасность, англичане начали предпринимать ряд мер, коими полагали ослабить движение и вместе с тем реорганизовать свою армию и переменить очень многие стоянки гарнизонов, сосредоточив их по районам, дабы в случае враждебных действий части войск не оказались бы отрезанными, а напротив, смогли бы подать друг другу быструю помощь.

С апреля 1906 г. прошло более 6 лет. Наружный облик Индии не изменился, а изменился только внутренний. Чтобы пояснить последнее, достаточно будет указать на появляющиеся от времени до времени в англо-индийской прессе, относившейся к России до 1906 г. очень враждебно, таких заметок и статей, что Россия, вероятно, не отказалась бы подать помощь англичанам в Индии⁹⁹, если бы движение приняло слишком острый характер, и крайне тяжелое положение англичан в Индии существует и поныне, грозя каждую минуту зажечь такой пожар, от которого тепленько станет и во многих заиндийских территориях.

Спешное рассмотрение проекта великого трансперсидско-индийского железнодорожного пути прежде всего обязано создавшемуся современному положению вещей в Индии. Если бы кто-нибудь лет 10 тому назад предсказал англичанам о скорой постройке этой дороги, то такого смельчака подняли бы на смех, ныне же все клонится к тому, что осенью этого года начнется постройка упомянутого пути.

1906 г. в отношении сюрпризов не оставил без внимания и Персию.

Отзвуки индийских событий быстро достигли южной части Ирана. Нашлись горячие головы, которые начали проповедовать враждебную Персидскому правительству движение. Волна его покатила с юга на север: произошли беспорядки в Ширазе, оттуда перекатились в Исфаган, далее дошли и до Тегерана. В стране, где хаос царит уже с давних пор, где нет никакой возможности опереться на армию, так как фактически ее не существует, единственно, что оставалось предпринять административным лицам, – это пойти на уступки, удовлетворить все требования восставших, не вдумываясь в тот вред, который этим был причинен государству, и тем сохранить за собой право дальнейшего существования и управления страной. Конечно, как и следовало ожидать, сильнее всего реагировало на все происходящее население столицы Персии. Образовавшиеся здесь партии, общества и кружки резко заговорили о необходимости конституции, каковую и подписал в конце декабря 1906 г. уехавший из этого мира бывший персидский шах Музаффар ад-Дин¹⁰⁰.

Как уже известно, 1907 г. и последующие годы охарактеризовались борьбой вступившего на престол шаха Али-Магомета Мирзы¹⁰¹ с конституционалистами, его падением, утверждением меджлиса (парламента) и, наконец, полной анархией в стране. Выступления против русскоподданных и необходимость защиты их привели к занятию Азербайджана¹⁰² и Хорасана¹⁰³ русскими войсками, каковые и до сих пор не выведены оттуда.

Таким образом, и Персия, подобно Индии, переживает борьбу различных партий, основной целью которых является полная самостоятельность страны, оставление конституционного строя и изгнание европейцев.

Вынесенная наружу борьба партий культурной Индии, заимствование этой борьбы и проведение в жизнь новых начал в Персии, конечно, не могли пройти бесследно для прочих мусульманских стран. Если до сих пор продолжали молчать Афганистан и Бухара с Хивой, если не обращали внимания на все происходившее наши туркмены, то это исключительно лишь потому, что начало борьбы было положено в Индии, и притом главным образом – инду-

---

⁹⁹ Наших Памиров до Пешавара около 500 верст (*Примеч. док.*).

¹⁰⁰ Шах Музаффар ад-Дин – шах Ирана в 1896-1907 гг.

¹⁰¹ Имеется в виду Шах Мухаммед-Али – шах Ирана в 1907-1909 гг.

¹⁰² Азербайджан Иранский – провинция на северо-западе Ирана.

¹⁰³ Хорасан – провинция на северо-востоке Ирана.

сами-буддистами, что продолжение ее появилось в Персии, стране шиите¹⁰⁴ (прочие – мусульмане-суниты¹⁰⁵) и, наконец, потому, что Турция во главе с султаном Абул-Гамидом¹⁰⁶, духовным главой всех мусульман, не придавала, по-видимому, совершавшимся событиям никакого значения. В действительности, по-видимому, это относилось лишь к султану Абдул-Гамиду, который, убаюкиваемый своими придворными раболепцами, не видел ничего из того, что творилось вокруг него. Но вот настал неожиданный момент, и султан Абдул-Гамид оказался в заточении в Салониках, а преемник его Магомет V¹⁰⁷ принес присягу на верность конституции и сделался жалкой игрушкой в руках могущественной партии «Единение и прогресс»¹⁰⁸. Вот с этого момента и начинается новая эра у мусульман Среднего Востока.

Насчитывая в своих руках сотни поборников идеи прогресса и единения всех мусульман, вышеупомянутая партия разослала по всему мусульманскому Востоку своих глашатаев, связанных ужасною клятвою не останавливаться ни перед чем в интересах достижения блага Родины, блага всех мусульман¹⁰⁹. Твердо зная все выработанные партией заповеди, глубоко веря в обновление мусульманского мира, в его расцвет и развитие могущества, эти глашатаи начали распространять свои идеи среди мусульман Афганистана, Бухары, Закаспийской области, Хивы, они появились у нас в Крыму, на Кавказе, в Казанской губернии¹¹⁰. Они горячо принялись за работу и в короткое время образовали во всех вышеперечисленных местностях свои партии, связали их с центральным органом, комитетом «Единения и прогресса», находящимся то в Стамбуле, то в Салониках, и пускали твердые и прочные корни там, где они появлялись. Все это происходило в 1908 г., а с начала 1909 г. англо-индийская пресса уже забила тревогу о новых веяниях в Афганистане. Газеты сообщали, что в стране неограниченного монарха началась проповедь против эмира¹¹¹, началась подготовка населения к перевороту в сторону конституции, так как эмир всецело подпал под влияние неверных (кяфиров-англичан), что последнее повлечет за собой занятие Афганистана англо-индийскими войсками, появлением армии миссионеров и чуть ли не поголовным крещением мусульман. Проповеди эти проникали в самое сердце афганцев и, конечно, наполнили их безмолвной ненавистью к европейцам. Брат нынешнего эмира, Сердар Насрулла Хан, посвятил себя в муллы¹¹², дабы и самому иметь возможность вести проповеди против неверных. Содержание последних, иногда помещаемое на страницах англо-индийской прессы, ясно говорило, что должно было испытывать и перечувствовать фанатичное население Афганистана. Результаты, конечно, не преминули сказаться, и с 1909 года на жизнь эмира совершено уже несколько покушений, раскрыто несколько неудав-

¹⁰⁴ v Шииты – последователи второго по числу приверженцев (после суннитов) направления в исламе, которые признают единственно законными преемниками Пророка Мухаммада только Али и его потомков.

¹⁰⁵ Сунниты – последователи наиболее многочисленного направления в исламе. В отличие от шиитов, сунниты не признают возможности посредничества между Богом и людьми после смерти пророка Мухаммада, отрицают идею об особой природе Али и праве его потомков на имамат. Существуют также значительные различия в принципах юридических решений, в характере праздников, в отношении к иноверам, в деталях молитвы и др.

¹⁰⁶ Абдул-Хамид II – турецкий султан в 1876-1909 гг. С XVIII в. турецкие султаны почитались в исламском мире как духовные предводители (халифы) мусульман суннитского толка.

¹⁰⁷ Магомет (Мухаммад) V – султан Турции в 1909-1918 гг.

¹⁰⁸ «Единство и прогресс» – политическая организация, основанная в Турции в 1889 г. с целью борьбы с абсолютизмом. В результате Младотурецкой революции 1908-1909 гг. пришла к власти в Османской империи.

¹⁰⁹ Представляется, что автор записки заметно преувеличивал действенность пропаганды мусульманских агитаторов. Так, чиновники МИДа весьма скептически относились к реальности возможности организации на рубеже XIX-XX вв. общему-мусульманского антиправительственного «джихада».

¹¹⁰ v Подробнее о деятельности эмиссаров партии «Единение и прогресс» на территории Российской империи см.: Котюкова Т. В. Турецкие эмиссары в России: Документы ЦГА РУз. 1910-1914 гг. // Исторический архив. 2004. № 4. С. 85-92.

¹¹¹ Имеется в виду эмир Афганистана в 1901-1919 гг. Хабибулла-хан.

¹¹² То есть, пройдя соответствующие испытания на знание исламских догматов веры и обрядов, получил право выступать в качестве служителя мусульманского культа – муллы.

шихся заговоров с участием в них даже ближайших родственников. Последний заговор был раскрыт не далее как в январе текущего года.

Ловя в мутной воде рыбу, агитаторы сумели восстановить население Афганистана провинции Хост (на юго-востоке Афганистана) против афганской администрации и против эмира. Последний, не отдавая себе отчета в происходящем, послал против восставшего племени мангаль милиционеров¹¹³ племени джаджи и тури, но последние не только перешли на сторону мангалцев, но распространили восстание сореди своих племен и племени джейран. Тогда эмир обратился с воззванием к племени зумат и каттаваз, но и эти племена присоединились к восставшим, осадили гарнизоны регулярных войск коренных афганцев и часть их истребили. Тогда эмир послал против вышеуказанных племен свои регулярные войска из Лагмана и Кабула, но при этом крайне опасается, чтобы и регулярные войска, укомплектованные большей частью сородичами восставших, не перешли на сторону мятежников.

Так население Восточного Афганистана мстит эмиру за то, что в пределы их он все чаще и чаще дает доступ англичанам, позволяет им производить всевозможные изыскания и, по-видимому, действительно, ничего не имеет против вступления на часть своей территории англо-индийских войск.

К изложенному необходимо добавить, что положение эмира, при создавшемся положении вещей крайне тяжелое, на собственные войска, в данном случае, полагаться он не может, если же обратился бы к содействию англо-индийской армии, то возможно возникновение беспорядков во всем Афганистане, а тогда пришлось бы и нам¹¹⁴ для усмирения мятежа, занять часть Северного Афганистана, так как англичане едва ли рискнули бы двинуть теперь из Индии (чего там враждебные им партии только и ждут) значительные силы. Поставив в этом пока точку, перейдем к хронологическому обзору событий за последнее время в Бухаре и нашей Закаспийской области, дабы выяснить себе то положение, в котором бы мы при современном положении вещей оказались, если бы действительно принуждены были силой обстоятельств выступить активно и на афганской границе.

Отец нынешнего Бухарского эмира Сеид-Абдул-Ахад Хан умер 22 декабря 1910 г. Жил он постоянно в Кермине¹¹⁵ и непосредственного участия в управлении страной не принимал. Говорить о том гнете населения в силу полного его бесправия при таком положении вещей не приходится. Трудно сказать, до каких бы пор все это продолжалось, если бы вышеизложенные события в Индии, Персии, Турции и отчасти Афганистане не отразились бы на Бухаре.

С начала 1909 г. появились агитаторы – члены Турецкого комитета партии «Единения и прогресса» и в Бухаре, причем, конечно, как столица ханства, как религиозный центр, как средоточение науки, агитаторами был избран для своей деятельности город Благородная Бухара, получивший это прозвище и потому, что там похоронен занимающий третье место в списке святых святой Боговадин¹¹⁶. В городе Бухаре насчитывается до 366 медресе, вмещающих от 40 до 60 тыс. учащейся молодежи (студентов мулла-бачей), представляющих почти исключительно пришлый элемент из всех мест Средней Азии. Конечно, трудно было выбрать лучший пункт для распространения агитации и для организации там нужных партий. Агитаторы энергично принялись за дело. Они образовали несколько кружков и партий, как среди низшего населения, так и среди бухарской интеллигенции, имевшей достаточно поводов, чтобы быть недовольными существующим порядком вещей.

Объединялись все образовавшиеся кружки и партии той идеей, что население не может быть довольным своим эмиром, раз он не принимает участия в управлении страной, всецело вве-

---

¹¹³ Имеется в виду нерегулярное племенное ополчение.

¹¹⁴ То есть, Российской империи.

¹¹⁵ Кермин – современный город Навои, Республика Узбекистан.

¹¹⁶ Речь идет об основателе суннитского братства накшбандия Баха-ад-дин Накшбанд (XIV в.). Его гробница, пользующаяся огромным почитанием в мире ислама, находится вблизи современной Бухары.

рив ее административным лицам, никем не контролируемым свыше. Кроме того, эмир большую часть времени проводит в поездках в Петербург и в Ялту, что тоже не дает ему возможности быть в курсе всего происходящего, а главное, он все более и более подчиняется влиянию русских, что может повлечь наконец за собой присоединение Бухары к России. Фактически страна вверена, говорили недовольные, в руки кушбеги Астанкул-бия, который всегда настаивал перед эмиром на том, что прогресс Бухарского ханства зависит исключительно от России, так как, охраняя его от врагов внешних, она дает возможность все силы свои и все средства тратить на внутреннее благоустройство страны. Но ведь кушбеги Астанкул шиит, а шииты в Бухару переселились из Персии 140 лет тому назад, и так как они по религиозным верованиям заклятые враги бухарцев-суннитов, то, конечно, всегда и всюду искали себе поддержки у русских.

Будучи умным человеком, Астанкул-бий сумел войти в полное доверие эмира, а его дружеское расположение к русским в результате дало 25 лет фактического его правления страной, прогрессирующей из года в год, ввиду того, что ничто не беспокоило ханство под протекторатом России¹¹⁷.

Такое спокойствие привело к тому, что эмир Сеид Абдул-Ахад-Хан, за все 25 лет управления страной Астанкул-бия, ни разу не посетил Старую Бухару, а Государь Император, ценя в кушбеги умного правителя, даровал ему почти все русские ордена включительно до Александра Невского¹¹⁸.

Имея в виду, что фактически Бухарой управляет Астанкул-бий, а эмир находится в Кермине, агитаторы и повели свои враждебные действия против кушбеги при содействии образовавшихся в Бухаре враждебных правительству партий. Весь почти 1909 г. ушел на подготовку населения, на подготовку мулла-бачей к враждебным демонстрациям против кушбеги, причем, как и в самой Турции, перед переворотом, так и здесь, агитаторы действовали настолько осторожно, что когда кто-либо из расположенных к кушбеги лиц предупреждал его о враждебной агитации, он спокойно продолжал свою работу. Он не был в состоянии представить себе, чтобы его двадцатипятилетняя работа на пользу страны, отрешение от появления в стране (кушбеги не имеет права выходить из дворца), в силу посвящения всего себя делу управления страной, – все это не будет оценено населением¹¹⁹. Наконец, он был слишком уверен в благоволении, в бесконечной вере, к нему эмира, постоянно осыпавшего него своими милостями, а главное, он отлично знал, что прекрасно зарекомендовал себя в глазах Русского Правительства, которому он помогал во всех его начинаниях в Бухарском ханстве, так как твердо верил, что все, принимаемое русскими в Бухаре, клонится к обоюдной выгоде, к обоюдному спокойствию.

Нужно вспомнить те времена, когда Туркестанский край только что начал устраиваться. Не было хороших дорог, не было почтовых трактов. Железная дорога проведена много позже. Такие пункты, как Сарай, Термез, Келиф, Керки, Чарджуй, – все это было отчуждено русским при Астанкул-бие. При нем же отчуждена пограничная полоса вдоль реки Аму-Дарьи. Все передвижения войск по Бухарским владениям всегда совершались в сопровождении командированных кушбеги чиновников-бухарцев, что продлевается и до сих пор. Особенно хорошо были обставлены войска, когда они шли в Джамский поход¹²⁰. Нечего и говорить, что ни одно

¹¹⁷ По мнению историка Т. Г. Тухтаметова, Астанкул «по всей вероятности, был способным государственным деятелем, а также умел угождать бухарскому деспоту – эмиру Абдул-Ахаду» // *Тухтаметов Т. Г.* Россия и Бухарский эмират в начале XX века. Душанбе, 1977. С. 32.

¹¹⁸ Имеется в виду один из высших орденов Российской империи, который был учрежден в 1725 г. На знаках ордена для нехристиан изображение Св. Александра Невского заменялось государственным гербом – двуглавым орлом.

¹¹⁹ Поскольку в 1897 г. эмир Абдулахад-хан, поссорившись с местным духовенством, навсегда оставил столицу ханства, бухарский *кушбеги* Астанкул вплоть до кончины Абдулахад-хана в 1910 г. 13 лет непрерывно пребывал на территории *арка* (центральной части города), не имея права оставить его стены.

¹²⁰ Джамский поход – планировавшийся, но несостоявшийся поход войск Туркестанского военного округа в Индию и Афганистан. По замыслу русского командования, местом сбора экспедиционного корпуса являлся находившийся южнее

мероприятие русских властей на территории Бухары не обходилось без содействия со стороны кушбеги Астанкул-бия, особенно такие крупные из них, как, например, занятие нашими войсками пунктов Термез, Керки, постройка железной дороги от Фараба до Самарканда, постройка ветки в Старую Бухару, и т.п. Все эти начинания проходили без особых хлопот, так как кушбеги умеючи всегда доказывал пользу от всего этого Бухарскому ханству. Как упомянуто уже выше, результатом дальновидности кушбеги явились вполне заслуженные награды от Русского Правительства в виде орденов.

Из изложения видно, что, начиная агитацию против кушбеги Астанкул-бия, враждебные партии отлично осознавали, какой трудный переворот они затевали, но ведь кушбеги был шиит, следовательно, борьба облегчалась больше чем вдвое.

Самого хода событий конца 1909 г., разыгранного агитаторами как по нотам, мы здесь касаться не будем, так как события эти с достаточной полнотой освещены в свое время прессой, здесь вкратце необходимо упомянуть, что агитаторы в дни Мухаррама (декабрь 1909 г., дни печалования по убитым Хусейне и Хасане¹²¹) сумели направить суннитов на шиитов, подвергшихся оскорблениям во время совершения обрядностей, и сумели распустить ложный слух об убийстве шиитами студента (мулла-бачи) – суннита.

После этого началось поголовное избиение шиитов, но этого, конечно, было мало, так как враждебные партии поставили своей целью сместить популярного кушбеги и тем добиться устранения эмира, именно что и с ним будет поступлено так же, если он будет продолжать политуступки русским; устранения заместителя кушбеги Астанкул-бия, который с места должен подпасть под влияние партий, руководивших погромом; этим же они хотели добиться, того, чтобы население поняло, что в Бухаре не все обстоит благополучно¹²².

Когда город Бухара был занят русскими войсками, когда Генерал Лилиенталь, объезжая население, спрашивал, довольны ли оно прекратившейся бойней, подученное население начало кричать о необходимости смещения кушбеги.

Пораженный слышанным, Генерал Лилиенталь, как старый туркестанец, на глазах которого прошла вся блестящая деятельность кушбеги, конечно, не хотел верить ушам своим. Но требования становились все заносчивее и грозили снова перейти в резню шиитов. Другого выбора не было: пришлось уступить и обещать исполнение просьб населения. Таким образом, свершилось событие, которое в истории взаимных отношений России и Бухары должно быть названо падением престижа русских и началом разлагающих проявлений, долженствовавших пошатнуть главные устои Бухарского ханства.

Так или иначе, беспорядки прекратились, кушбеги был смещен и заточен в Кермине, где идо сих пор томится в качестве узника, эмир был устранен, а агитаторы, упоенные первым столь крупным успехом, теперь уже не считали нужным скрывать состав и численность своих партий, но только для самих бухарцев, так как от всех прочих все это усиленно скрывалось.

Деятельность 1909 г. была закончена, началась работа 1910 г. Теперь уже агитаторы составили более сложную программу действий: отсталая Бухара должна была показать миру, что и она в состоянии быстро воспринимать культуру и ей не чужды стремления к конституции и проч. Теперь действия должны были направиться против самого эмира. Целый 1910 г. охарактеризовался энергичной деятельностью в этом направлении. Число враждебных правительству партий начало резко увеличиваться. Население Бухары начало вооружаться. Со всех мест, откуда только можно, начало ввозиться в Бухару оружие, особенно же много его направлялось из Москвы и контрабандным образом из Афганистана. К концу года не было двора, не

Самарканда кишлак Джам.

¹²¹ Хусейн и Хасан – убитые сыновья халифа Али. День их памяти, по шиитской традиции, отмечается в первый месяц года по мусульманскому календарю – *мухаррам*.

¹²² О сунитско-шиитской резне в Старой Бухаре более подробно см.: *Тухтаметов Т. Г.* Россия и Бухарский эмират в начале XX века. Душанбе, 1977. С. 36–41.

было дома, в котором не было бы ружья или револьвера. Медресе и мечети стали складами оружия. По приблизительному подсчету враждебных правительству партий, в течение 1910 г. в Бухару было ввезено оружия более чем на 900 тыс. руб. Опираясь в своей основе на десятки тысяч вооруженных мулла-бачей, агитаторы разослали по всей Бухаре, Хиве и Туркестанскому краю воззвания, коими приглашали всех желающих постоять кровью за поруганный ислам. Такие же воззвания были посланы в Афганистан. К концу года в Бухаре сосредоточилось до 7 тысяч туркмен, до 4 тысяч афганцев. Во главе враждебных партий встали популярные духовные лидеры. Мечети стали ежедневно переполняться населением, агитаторы безбоязненно произносили речи. Момент назревал. Был декабрь 1910 г. Вот тут-то и явились на помощь эмиру шииты. Нужно здесь оговорить, что по последней переписи в городе Бухаре и окрестностях его насчитывается шиитов до 68 тыс. и около 80 тыс. их разбросано по другим городам Бухарского ханства. Будучи выходцами из Персии, как сказано выше, около 140 лет тому назад, постоянно преследуемые суннитами за свои религиозные убеждения, шииты твердо надеялись на помощь русских и по силе возможности, чем могли, помогали им, не задумываясь даже перед тем, что исполняемые ими поручения, связывались часто с риском для жизни. Последнее не представляет какой-либо тайны, так как сколь бы ни старались замалчивать эти факты, бухарцам они хорошо известны, да кроме того, религиозная вражда заставляет их притеснять шиитов во много раз хуже бухарских евреев. При таком положении вещей, казалось бы, шииты давным-давно должны были перейти в русское подданство или же быть под особым протекторатом русских властей, но в действительности ни того, ни другого, не замечается: о переходе в русское подданство шииты не могут и думать, т.к. едва ли удобно отнимать у эмира чуть не 150 тысяч подданных. Об особом протекторате пока что еще не задумывались, и, таким образом, положение шиитов до сих пор является крайне тяжелым.

Тем не менее в декабре 1910 г., когда уже приближались дни Мухаррама, когда шииты вправе были полагать, что вооружение населения делается и против них, шииты принесли и эмиру и нам много пользы.

Не будем здесь касаться подробностей событий декабря 1910 г., они хорошо известны всем, кто в это время жил в Бухаре, и мало тем, кто находился в это время даже в городе Новая Бухара. Скажем здесь лишь о результатах их.

Когда начались обыски, поиски оружия, когда враждебные партии поняли, что карты их раскрыты раньше времени и, не сегодня-завтра, русские войска могут вступить в Бухару, в это именно время произошла развязка...

22 декабря 1910 г. Эмир Бухарский Сеид Абдул-Ахад-Хан скоропостижно скончался.

Таким образом, так или иначе, 1910-й г. окончился так, как только желали враждебные партии. Ликованию их, с одной стороны, не было границ, с другой – ими была выработана новая программа действий на 1911 год.

Успешное проведение в жизнь враждебных проектов настолько окрылило враждебные партии, что теперь они стали уже чувствовать под собой твердую почву. Отдельные члены партий не стали считать необходимым скрывать принадлежности своей к партии поборников ислама; они уже нередко вслух порицали тех, кто, по их понятиям, держал себя не совсем так, как то приличествует правоверному, не считая нужным скрывать своего презрения к русским, напротив, чуть не открыто начали проповедовать необходимость изгнания их из священной Бухары. Во вступившем на престол эмире¹²³, они видели тоже врага мусульман, так как он принимал у себя русских, вел с ними переписку, исполнял их просьбы и т.п. Им недостаточно было того, что эмир переехал из Кермине в город Старую Бухару, где и поселился в арке, они не довольствовались тем, что эмир реорганизовал коренным образом свою канцелярию и тем уничтожил немало зла, дал возможность и тому, что жалобы населения достигают

---

¹²³ Имеется в виду эмир Бухары в 1910-1920 гг. Сеид-Алимхан.

теперь Его Высочества, что сам эмир по пятницам (джума) – в мусульманский праздник, соответствующий нашему воскресенью, стал появляться в мечети напротив арка и тем сделался доступен народу, недостаточным им показалось и то, что он значительно уменьшил подати народные, реорганизовал свою армию, полицию и суд. Нет, напротив, все это они отдали бы лишь за то, чтобы эмир изгнал из священной Бухары русских, чтобы он сделал в нее свободный доступ мусульман всего мира, чтобы население само избирало себе административных лиц и т.п. Таким образом, окончательно выяснились безумные требования враждебных партий, постоянно сносящихся с турецким комитетом «Единение и прогресс», от которого и получаются соответствующие инструкции, прокламации и газеты антиправительственного направления.

В течение 1911 г. население Бухары нафанатизировалось агитаторами и на сей раз, задача их была понятна – беспорядки против русских. Причин к тому было немало. Прежде всего агитаторы обратили внимание населения на то, что Русский телеграф на улицах священной Бухары делал различные промеры. Во многих местах началось расширение улиц, причем в одном месте для этого понадобилось снести часть мечети; в самом центре города начались постройки кирпичных красивых зданий под банки; в городе разрешено было построить кинематограф. Все это моментально было истолковано как признак занятия в непродолжительном времени Бухары русскими войсками, всеми силами агитаторы раздували эти факты среди населения и создали такое положение вещей, что в сентябре 1911 г. эмир не рискнул выехать из Бухары в Ялту, опасаясь в свое отсутствие вспышки насилия против русских. События потекли так быстро, что эмиру пришлось прибегнуть к репрессивным мерам и выслать в одну прекрасную ночь тайком из Бухары главного муфтия священной Бухары и агляма¹²⁴, некоего Абдураззака, в высшей степени умело инспирировавшего население против эмира и против русских. И снова на этот раз пришлось обратиться к помощи шиитов, единственно преданных России людей, и снова с риском для жизни, без ввода хотя бы одного нижнего чина в город Бухару, все было успокоено и по прошествии месяца рамазан эмир смог спокойно выехать из пределов Бухары.

Таким образом, было ликвидировано выступление враждебных партий. Но высылка главваря их из г. Бухары в Карши, предупреждение его ближайших сотрудников и помощников, что и их постигнет та же участь, если они будут продолжать свою деятельность, не возымели должного действия. Наружно партия притаилась, а втихомолку начали работать еще сильнее. Враждебная переписка продолжается не только с комитетом «Единение и прогресс», не только от последнего увеличилась присылка прокламаций, газет крайнего направления и брошюр, но серьезные сношения враждебных партий начались и с Афганистаном и с Закаспийской областью.

Туркмены последней не смогли устоять против агитаций, и что делается во многих аулах, далеко заброшенных от русских поселений, одному Богу известно. Велик и обширен Туркестанский край, не покладая рук работает Администрация во главе с Главным Начальником края с Начальником Закаспийской области, энергично и умно ведет теперь свою политику Российское Императорское Политическое Агентство в Бухаре¹²⁵ с приездом всеми уважаемого Ст[атского] Советника] Сомова, но всего этого слишком мало, необходимы и другие продуктивные меры, именно необходимо пересмотреть шиитский вопрос, необходимо как можно быстрее освободить из заточения бывшего кушбеги Астанкул-бия и предоставить ему свободное проживание в Бухаре. Пусть хоть закат дней этого маститого старца пройдет на свободе,

---

¹²⁴ Аглям – возможно имеется в виду титул «*муфти-алям*» (ученый муфтий), принадлежавший высшему мусульманскому духовному лицу в Бухаре.

¹²⁵ Российское императорское политическое агентство в Бухаре – учреждение, подчиненное МИДу, было учреждено в 1886 г. и представляло интересы Российской империи в Бухаре. Главой его являлся политический агент, с 1912 г. им был статский советник Александр Сергеевич Сомов.

среди его единоплеменников, питающих к нему бесконечное уважение и преданность. Сколько раз шиитское население порывалось обратиться к Русскому Правительству с просьбой об улучшении участи ни в чем не повинного старца, но боязнь испортить дело не позволяла этого. Нужно лично побывать в Бухаре, нужно поговорить с шиитами, с их духовными лицами, чтобы видеть истинную скорбь по поводу заточения их главы, по поводу тех издевательств, которые позволяют себе враги его, сунниты. Не особенно давно в издающемся в Тифлисе журнале «Мола Насреддин»¹²⁶ была помещена такая карикатура: из окошка тюрьмы выглядывает старец (*кушбеги*), прося о свободе, около тюрьмы ходит русский часовой и охраняет кушбеги. Внизу надпись: «Так тебе и надо». Карикатура эта была выписана в массу экземпляров и распространена в городе Бухаре.

Хуже всего при данном положении вещей, то, что среди населения распространяются слухи, что сместили кушбеги русские власти, и потому освободить его могут только они.

Теперь мы вернемся к началу статьи, именно, к тому, что происходит в настоящее время в мусульманском Востоке. Из вышеизложенного можно видеть, что благоприятного для нас мало: Индия представляет собой бочку с порохом, в которую необходимо лишь бросить искру; Турция в войне с Италией спит и видит только, как бы ей устроить всеобщий пожар; у Персии анархия дошла до того, что для воздействия на население понадобился разгром беста¹²⁷ в Мешхеде¹²⁸; в Афганистане восстание племен, которое грозит втянуть в грязную историю и англичан, и нас. И в это самое время, когда у нас у самих не все обстоит благополучно, когда враждебная агитация идет полным ходом в Бухаре и Закаспийской области, когда враждебные партии и силы растут как грибы, распространяются почти открыто прокламации и брошюры, когда наше серьезное движение за пределы края может еще более усилить хотя бы частные враждебные против нас выступления, в это именно время мы пренебрегаем 150-ю тысячами преданных нам людей, в это время мы спокойно смотрим на издевательство враждебных партий над таким влиятельным и нужным нам человеком, как бывший кушбеги Астанкул-бий, заточенный до сих пор в Кермине. Чтобы использовать момент, чтобы хоть чем-нибудь поддержать угнетенные массы шиитов, для этого необходимо теперь же выпустить на свободу нашего кушбеги. Нынешний эмир против него ничего не имеет, настоящее население Бухары, даже сунниты, тоже вспоминают его с большим удовольствием, остаются лишь враждебные партии, но им на руку кто-либо играть едва ли захочет, а потому можно думать, что не сегодня-завтра кончатся страдные дни ни в чем не повинного человека и с его освобождением вздохнут десятки тысяч искренних мусульман.

(Подпись) Михайловский

ЦГА РУз. Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1168. Л. 193-201 об. Копия. Машинопись.

Сопроводительное письмо А. М. Кислякова на имя П. Н. Милюкова к записке о туркменском восстании в Хивинском ханстве в начале 1916 г. и причинах его возникновения. 12 Марта 1916 г., г. Новый Ургенч

Милостивый государь, глубокоуважаемый Павел Николаевич.

В настоящее время в Хивинском ханстве совершаются события, которые, имея немалое политическое значение, едва ли известны членам Законодательных палат даже в слабом их освещении, а в широкой публике, может быть, и совсем не известны. И все это, конечно,

¹²⁶ Журнал «Мола Насреддин» – мусульманский сатирический журнал, выходил в 1906-1931 гг. вначале в Тифлисе, затем в Тебризе (Иран). С 1922 г. – в Баку.

¹²⁷ Имеется в виду распространенное у шиитов право на убежище (*бест*), которым обладали различные мусульманские святыне места: мечети, *мазары*, здания мусульманских духовных учебных учреждений – *медресе* и др.

¹²⁸ Мешхед (Мешкед) – центр иранской провинции Хорасан и крупный шиитский культовый центр.

потому, что мы отдалены и изолированы от центров, а представительства от всего Туркестанского края в Государственной думе не имеется¹²⁹. Вот почему интересы Туркестанской окраины не трогают даже государственных деятелей, а тем более во тьме абсолютной неизвестности протекает жизнь людей и деятельность власти в таких глухих уголках, как Хива, которая считается даже «иностранным государством».

Однако, на мой взгляд, разделяемый и всем нашим обществом, хивинские события настолько важны, а главное – причины, их вызвавшие, настолько серьезны для характеристики бесконтрольной русской власти, что я решил познакомить с ним Вас, Глубокоуважаемый Павел Николаевич, как лучшего борца против политических российских неурядиц, выражая надежду, что прилагаемая при сем «Записка о туркменском восстании в 1916 г.», может быть, послужит Вам полезным осведомительным материалом, каковой и даст толчок к представлению с Вашей стороны запросов к соответствующему ведомству или вообще – правительству.

К сожалению, мой материал не может быть исчерпывающим для всестороннего освещения роли администрации в Хиве, ибо это составило бы солидное исследование. Но, может быть, Вам, в случае признания серьезности вопроса, удастся побудить сферы к серьезному и всестороннему расследованию событий на месте. Чрезвычайно желательно было бы, если бы в этом расследовании принял действенное участие кто-нибудь из членов Думы. Здесь было бы дано ему очень много весьма важного материала, не вошедшего в мою «Записку».

Вас, конечно, должна интересовать достоверность сообщаемых в «Записке» фактов и данных, а имя мое Вам ничего в этом отношении не говорит. К сожалению, как заурядный обыватель, я не сумею рассеять подобных Ваших сомнений. Могу, впрочем, для этого указать на своего брата, известного статистика, Николая Михайловича Кислякова, который в данный момент работает с уполномоченным сев[еро]-зап[адного] фронта Зубчаниновым по «беженской» части и находится теперь, по полученным мною сведениям, в Петрограде. От него Вы могли бы узнать все обо мне, да и отчасти и о Хиве, так как он был участником Паленской сенаторской ревизии¹³⁰ Туркестана в 1909 году.

Так как это письмо с «Запиской», вследствие цензурных условий, пересылается Вам частным порядком, то я очень прошу Вас не отказать в любезности сообщить мне кратко о получении письма и «Записки».

С глубоким уважением, готовый к услугам Вашим А. Кисляков

РНБ АДП. Ф. 482. П. Н. Милуков. Ед. хр. 144. Л. 2-21. Подлинник. Машинопись.

Записка о туркменском восстании в Хивинском ханстве в начале 1916 г. и причинах его возникновения

Невероятные, поистине чудовищные события совершаются в настоящее время в Хивинском ханстве. Фактически покаранная более сорока лет тому назад, колонизируемая русскими, вкладывающими в ее промышленность и торговлю многомиллионные капиталы, Хива ныне стала ареною искусственно созданных бесконтрольной администрацией военных действий и полной общественной и экономической разрухи.

К сожалению, далеко не все знают, что такое Хива, и для того чтобы понятна была сущность современных хивинских событий и их причинная зависимость от действий русских властей в крае, необходимо коснуться общей современной истории ханства.

¹²⁹ Население Туркестанского края лишилось избирательных прав 3 июня 1907 г. и не имело своих представителей в III и IV Государственной думе.

¹³⁰ В 1909 г. в Туркестане была проведена ревизия под руководством сенатора К. К. фон Палена.

Политическое положение Хивы

29-го Мая 1873 года русские войска вступили в город Хиву и овладели всем Хивинским ханством, а 12-го Августа того же года были приняты хивинским ханом предложенные ему командующим войсками, фон Кауфманом 1-м, «Условия мира России с Хивой»¹³¹. С этого момента началась современная история Хивы.

Этими условиями предоставлялось русским подданным полное право повсеместной в Хиве беспопытной торговли, равно как и заселение свободных земель, с правом приобретения недвижимого имущества. Для русских подданных, следовательно, предоставлялась в Хивинском ханстве полная и беспрепятственная колонизаторская деятельность, как в стране завоеванной, но политически все же сохранившей самостоятельность. Управление Хивой по-прежнему оставалось за ханом и его правительством, законы империи ни единой своей буквой не были распространены на территорию Хивы, и власть русская совершенно не вмешивалась в дела управления ханством, за исключением случаев, касающихся непосредственных интересов русских колонизаторов.

Входило ли такое странное невнимание к Хиве со стороны империи в сферу высоких политических соображений, или, как нередко это можно было слышать даже от представителей русской Администрации, Российское Правительство просто не желало брать на себя лишней обузы в деле управления, я этого вопроса, конечно, разрешить не могу. Но если бы в данном случае отпадали особые политические причины (будто бы существует какая-то связь с влиянием на этот вопрос Англии¹³²), то нельзя с горьким изумлением не признать за всеми другими причинами отсутствия каких бы то ни было серьезных оснований, и нельзя не видеть в этом грандиозной политической ошибки, каких, впрочем, Русское Правительство делало во все времена бесчисленное множество.

Результатом такого отношения империи к Хиве было то, что страна осталась на той же почти степени культурного состояния, если не считать некоторого расширения хлопкового производства, вызванного усилиями русского капитала, а колонизация края носила характер совершенно случайный, непланомерный, бессистемный.

При сем прилагаю текст «Условий мирного договора с Хивой».

Культурная ценность Хивинского оазиса

А между тем Хива заслуживала бы гораздо более серьезного внимания со стороны русских, чем это было ей оказываемо до сих пор.

Как известно Хивинское ханство расположено по левобережью Аму-Дарьи. Культурные земли ее, площадью примерно на 50 верст в ширину и 300 верст в длину, покрыты густою сетью водных магистралей, исходящих из русла Аму-Дарьи, с миллионами вспомогательных разной емкости каналов (по местному – арыки). Этими магистральями и каналами и орошаются эксплуатируемые земли, между которыми немало степных, нетронутых обработкой пространств (по местному – майданы).

Какое количество в ханстве собственно эксплуатируемых, возделываемых земель, никаких точных данных для суждения об этом я не имею, ибо нет для того надлежащих источников. Соображаясь с хлопковой культурой, имеющей сравнительно точное определение, можно сказать предположительно, что эта площадь составляет не менее 300—400 тыс. верст. Пустопорожных земель останется еще примерно двойное количество. Почвы всюду чрезвычайно плодородные, лессовые.

---

¹³¹ Имеется в виду Гендемианский мирный договор между Россией и Хивой.

¹³² В марте 1873 г. в С.-Петербурге начальник III Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии Генерал-от-Кавалерии граф Петр Андреевич Шувалов, фактически исполнявший обязанности премьер-министра, лично заверил посла Великобритании лорда Спенсера, что Россия не будет занимать Хивинское ханство. Спустя несколько месяцев, в августе 1873 г., между Россией и Хивой был подписан Гендемианский мирный договор, по которому Хива становилась российским протекторатом.

Сельскохозяйственная культура разнообразна, но она направлена на удовлетворение потребительных потребностей, прежде всего. В полеводстве издавна пришло к традиционному, но едва ли правильное многополье¹³³. Как ценная культура, в хозяйстве занимает видное место хлопок, достигающий, однако же, не более 8—10% земель, занятых культурами. В общем же Хива дает теперь московскому рынку до 11,5 миллиона пудов готового волокна, что составляет 10% всего хлопкового производства империи.

Скотоводство развито относительно слабо, но все же на вывоз в Россию идет много сырья и каракулевых шкур.

Заводская промышленность направлена к очистке хлопка, выработке хлопкового масла и кож.

Русская колонизация

Но русская колонизационная волна на Хиву была чрезвычайно слаба. Появившиеся прежде всего разного рода торговцы – армяне и русские татары – осели главным образом в городах северо-западного угла, близ Аму-Дарьи и Аральского моря. Но за последние два с половиною десятка лет начинает нащупывать здесь себе почву промышленный капитал, привлекаемый хлопковой индустрией. Единичные попытки капитала, нашедшего для себя здесь золотую почву, постепенно привлекли подражателей, и в конце концов Хива покрывается многими хлопкоочистительными заводами (преимущественно паровыми), привлекает большие капиталы на торговые обороты с хлопком, и русская колония получает с того времени толчок к постепенному расширению, основавшись в городе Новом Ургенче¹³⁴, ставшем центром торгово-промышленной жизни Хивы. Влившийся широкой волной русский капитал дал толчок к расширению хлопковой культуры и развитию заводского строительства в среде туземного населения, так что в данное время Хива покрыта более чем сотней разной технической силы хлопкоочистительных заводов с моторными двигателями.

В самом же Новом Ургенче имеется пять больших таких заводов, четыре конторы транспортных обществ, конторы нескольких хлопковых фирм, отделение Коммерческого банка (Русско-Азиатского) и несколько разных торговых предприятий. А вся колония до войны численностью достигала примерно 500 человек.

Интересно отметить, что русские почти не стремились завязывать здесь имущественные интересы. Немногие предприятия и фирмы имеют свои участки и дома, но элемент служащий, как наиболее подвижный и непостоянный, совершенно не имеет собственности. Поэтому колония не имеет под собой определенно очерченной территории и разбрасывается по значительной площади Ургенчского кишлака¹³⁵. При таких условиях обихода чисто общественная жизнь колонии почти не проявляется в каких-либо организованных формах, если не считать Общественного собрания, общества потребителей и только что организованного православного прихода, вызванного к жизни постройкой простенькой церкви. Даже не имеется общественной школы для столь многочисленной колонии.

Пути сообщения

Причины слабости русской колонизации, в сущности, сходятся в одном главнейшем факторе – отсутствии удобных сообщений с Хивой. Хива лежит оазисом среди пустыни на расстоянии 500—1000 верст во все стороны от усовершенствованных путей. Водная артерия – река Аму-Дарья – до сего времени малосудоходна и в грузодвижение обслуживалась и обслужива-

---

¹³³ Многополье, устаревшее название севооборотов с 7-8 и более полями.

¹³⁴ Новый Ургенч – город, основанный русскими недалеко от древнего (старого) Ургенча на территории Хивинского ханства.

¹³⁵ Речь идет о территории, прилегающей к городу Ургенчу.

ется примитивными каюками¹³⁶. Переведенная на Аму-Дарью с Сыр-Дарьи казенная Аральская флотилия, переименованная в Амударьинскую¹³⁷, обслуживала лишь верховой плес – от линии Среднеазиатской жел[езной] дороги¹³⁸ (ст[анция] Чарджуй до г. Термеза (Паттагиссар), где область примыкания к границе Афганистана. В среднем же плес, между Ср[едне]азиатской жел[езной] дорогой и гор [одом] Петро-Александровском (противолежащим городам Новому Ургенчу и Хиве) поставлен был лишь один пароход, рейсировавший дважды в месяц в целях исключительно пассажирских.

Впрочем, по многим недостаткам технического свойства, эта флотилия и в значительно увеличенном составе паровых и вспомогательных судов (баржей) не могла бы удовлетворять грузовым потребностям.

Так, за все четыре десятка лет Российское Правительство не приложило в отношении развития судоходства по Аму-Дарье решительно никаких стараний и внимания. Даже не постаралось поощрить к тому частную инициативу, ибо известно, что все попытки такого рода самым исправным манером тормозились нашим Военным Министерством.

Только в 1907 г. пробила себе путь одна компания волжских судовладельцев, основавшая Общество пароходства и торговли «Хива», которая и открыла рейсы от станции Ташкентской жел[езной] дор[оги] на Аральское море, по этому морю и далее – по реке Аму-Дарья до нашего Нового Ургенча. Общество это только вышло из периода организации и теперь (приблизительно 2—3 года) работает исправно, хотя и недостаточно оборудовано судами. Во всяком случае, только в заслугу этому Обществу может быть поставлен факт чрезвычайно быстрого развития хлопководства в районе дельты Аму-Дарьи, где до того времени оно было в зачаточном состоянии.

В зимнее время, с ноября по март, Хива сообщается с миром только караванными путями.

С постепенным ростом интересов русской промышленности возникал неоднократно и вопрос железнодорожный. Представлялись ходатайства, производились рекогносцировки, но все добрые намерения в этом направлении безвозвратно гибли и глохли где-то в административных дебрях. Впрочем, в последнее время разрешение нашего железнодорожного вопроса на очереди, и дело по-видимому тормозится событиями военного времени, хотя, может быть, это именно время должно было бы побудить к скорейшему разрешению вопроса.

При такой изолированности Хивы, конечно, не мог проникать в нее истинный культурный элемент, который подготовил бы почву к будущей политической ассимиляции края с империей, а русская власть совершенно ни о чем не заботилась.

Отношения с туземным населением

Отношение туземцев к русским приняло сразу же вполне дружественный характер, даже с оттенком признания за русскими известных сторон превосходства. Впрочем, это и определялось Мирным статутом¹³⁹, а с другой стороны – само собою устанавливалось характером русской колонизации: занимаясь лишь торговлей и внося большие капиталы на развитие хлопковой промышленности, русские, естественно, и не могли вызывать к себе враждебных

¹³⁶ Каюк – тип парусной лодки.

¹³⁷ Аральская флотилия была создана на реке Сырдарье в 1853 г. для предотвращения грабительских набегов со стороны Хивинского ханства и развития торговли. В 1883 г., с окончанием военных экспедиций в Среднюю Азию, флотилия была ликвидирована, а часть имущества переведена на реку Амударью, в город Петро-Александровск, где в 1886 г. была создана Амударьинская флотилия, просуществовавшая до 1917 г.

¹³⁸ Строительство Среднеазиатской железной дороги было начато в 1880 г. от Узун-Ада (в Михайловском заливе Каспийского моря) в направлении на Кизил-Арват – Ашхабад – Мары – Чарджоу – Бухару – Самарканд и далее – на Хаваэт, Ташкент и в Ферганскую долину и продолжалось более трех десятилетий. В 1905 г. после постройки Оренбургско-Ташкентской железной дороги соединилась со всей сетью железных дорог России.

¹³⁹ Речь идет о Гендемианском мирном договоре между Россией и Хивой.

отношений. Имя русского человека для туземца было почетно, неприкосновенно, уважаемо, и такое отношение складывалось совсем непринужденно. Фактически создавалось за русскими безусловно господствующее положение прямых завоевателей.

В свою очередь и русские ни мало не злоупотребляли своим преимущественным положением, но, наоборот, благодаря, своей сравнительной малочисленности и разобщенности, русские по внешности сами более приспособлялись к местным условиям. Так, все поголовно русские принуждены усваивать туземный язык, тогда как между туземцами знающих русский язык совсем нет, если не считать немногих купцов, ежегодно путешествующих в Москву и на Нижегородскую ярмарку.

Права русских

Юридические права русских в Хиве определялись исключительно условиями Мирного трактата¹⁴⁰, ибо никакие законы империи на Хиву не были распространены. Частично это имело место только уже в 1912 г., при издании закона «О русской юрисдикции в Хивинском ханстве»¹⁴¹. Мирным трактатом определялись эти права в чрезвычайно кратких и сжатых формулах, которые, естественно, не могли служить основанием правовых норм. При первоначальной ограниченности и узости интересов русской колонизации могло быть достаточно и этих основных формул, тем более что гражданские правоотношения между русскими и туземцами определялись обычаями страны (шариат¹⁴² и проч.).

Но с течением времени, когда требования жизни стали усложняться, основ Мирного трактата оказалось недостаточно. И если преимущественные права русских не затрагивали непосредственно интересов туземного населения, то само ханское правительство постоянно стремилось к ограничению прав русских, в особенности в отношении беспошлинной, безналоговой торговли и промысла. Конечно, ханскому правительству этого достигать обыкновенно не удавалось, ибо русские все же умели отстаивать свои права. Но важно отметить, что русская Администрация проявляла к интересам русских самый преступный индифферентизм. Мало этого, администрация нередко попирала эти права в угоду ханству, милостями и щедротами не оставлявшему таких верных своих слуг.

Попытка инструировать общие основы Мирного трактата была сделана в 1898 г. бывшим начальником отдела¹⁴³ (ныне Сыр-Дарьинский губернатор) Генералом Галкиным. Эта инструкция служила чем-то вроде кодекса прав русских в Хиве, но исключительно в области фискальной. Вторично вопрос возбуждался при Генерал-Губернаторе Субботиче, по посещении им в 1905 г. Хивы. Но так как Генерал Субботич скоро сошел с административной сцены, то и вопрос заглох навсегда.

Роль Русской Администрации в сношениях с Хивой

Чем и как определялись политические взаимоотношения между империей и Хивой и существуют ли в нашей дипломатии на этот счет какие-либо акты, об этом я судить не могу. Но, оставаясь непосредственным свидетелем этих отношений на пространстве полутора десятка лет, наблюдая растерянность Администрации в разрешении самых, казалось бы, обыденных вопросов, вытекавших из области прав русских в Хиве, я нахожу, что Русское Правительство

---

¹⁴⁰ Речь идет о Гендемианском мирном договоре между Россией и Хивой.

¹⁴¹ 28 июня 1912 г. был принят закон «О русской юрисдикции в Хивинском ханстве». В соответствии с ним все гражданские дела, в которых фигурировали русские подданные и иностранные подданные христианского вероисповедания на территории Хивинского ханства, передавались для судопроизводства мировым судьям Амударьинского отдела и Самаркандского окружного суда. Если по делу проходили подданные хана или иностранцы-нехристиане, то начальник Амударьинского отдела, должен был информировать хивинское правительство о предпринимаемых судом действиях.

¹⁴² Шариат – свод религиозно-этических и правовых предписаний ислама.

¹⁴³ Имеется в виду Амударьинский отдел.

не имело на этот счет никаких писанных основ, и все решительно в этой сфере базировалось на личном усмотрении правящих сфер, в частности Военного министерства, в ведении коего находится Туркестанский край.

Непосредственные сношения с ханством и соблюдение интересов русских в Хиве возлагаются на начальника Аму-Дарьинского отдела, но без консульских прав. Бутафорское государство, ханство Хивинское, очевидно, не удостоивалось такого почетного к себе внимания. Оставаясь на положении особого государства, ханство сумело сохранить свое архаическое внутреннее устройство, пренебрегая политической зависимостью от империи. Когда требовалось, оно весьма удачно откупалось от власти, идя навстречу всем ее вождениям, начиная от начальников отдела и кончая Военным министерством. И власть была верна себе: она совершенно закрывала глаза на хаос хивинского управления, на недостатки в сфере прав русской колонии и ее многочисленные нужды. Она решительно не обращала внимания на злобное, презрительное отношение ханского правительства к русским. Но поразительнее всего то, что русская власть поощряла в ханстве междоусобную племенную вражду, что красной нитью проходит по истории туркменских волнений.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.